

ГАМЛЕТЪ

ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ

ТРАГЕДІЯ ШЕКСПИРА

ВЪ НОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ

А. Л. СОКОЛОВСКАГО.

—•••••—

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1883.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Издать русскаго Шекспира, въ поэтическомъ, стихотворномъ переводѣ, составляетъ задачу моею жизни, надъ которой я работаю уже многіе годы. Нѣкоторыя изъ переведенныхъ мною драмъ — числомъ двѣнадцать — помѣщены въ полномъ собраніи сочиненій Шекспира, изданныхъ покойнымъ Н. В. Гербелемъ, и, судя по отзывамъ многихъ лицъ, чье мнѣніе и знаніе въ этомъ случаѣ мнѣ особенно дороги, я могъ убѣдиться что, какъ во взглядѣ на предположенный мною трудъ, такъ и въ исполненіи его, я стою не на ложной дорогѣ. Къ сожалѣнію я не могъ помѣстить въ изданіи Гербеля переводы тѣхъ Шекспировыхъ драмъ, которыя безусловно считаются лучшими, такъ какъ издатель, во многихъ подобныхъ случаяхъ, ограничился перепечаткой старинныхъ переводовъ, безспорно болѣе или менѣе хорошихъ, но въ которыхъ переводчики не могли воспользоваться многими новыми взглядами и толкованіями текста подлинника, объяснившими, особенно въ послѣдніе годы, не мало мѣстъ, считавшихся прежде темными и даже вовсе непонятными. Сверхъ того и самый языкъ переводовъ, сдѣланныхъ около сорока лѣтъ тому назадъ, значительно устарѣлъ, особенно со стороны техники бѣлаго стиха. Бѣлому стиху, какъ извѣстно, долго несчастливо было въ приобрѣтеніи правъ гражданства въ русской литературѣ. Лучшіе образцы этого стиха, оставленные намъ Пушкинымъ и Жуковскимъ въ теченіи многихъ лѣтъ не находили счастливыхъ подражателей, въ чемъ читатели

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 1-го Іюля 1883 года.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. П. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 линія, д. № 45)

могутъ легко убѣдиться, открывъ любую изъ русскихъ переводныхъ и оригинальныхъ драмъ, писанныхъ этимъ размѣромъ лѣтъ тридцать и даже двадцать тому назадъ. Многіе авторы, не зная почему, полагали, что если монологъ или сцена будутъ написаны такъ, что ихъ можно проскандовать пятистопнымъ ямбомъ, то этого совершенно достаточно, чтобъ такая рубленая проза была признана бѣлыми стихами. Въ настоящее время взглядъ этотъ къ счастью измѣнился. Бѣлый стихъ, разработанный такими мастерами дѣла какъ графъ Толстой и Островскій, приобрѣлъ гармонію и музыкальность свойственныя поэтической рѣчи и сдѣлался обыденной ходячей монетой русскаго, поэтическаго, литературнаго языка, а потому теперь можно отважиться писать имъ даже не будучи перво-класснымъ поэтомъ. Вотъ двѣ причины побудившія меня, не ожидая окончанія предпринятаго мною труда—перевода всего Шекспира—издать нѣкоторыя изъ лучшихъ его драмъ отдѣльно, начавъ съ тѣхъ, которыя преимущественно исполняются на сценѣ. Гамлетъ конечно долженъ быть поставленъ въ ихъ главѣ. Что касается до моихъ личныхъ взглядовъ на это величайшее произведеніе Шекспира, то я рѣшилъ не распространяться объ этомъ вовсе, предоставляя самому тексту быть моимъ комментаторомъ и истолкователемъ моихъ воззрѣній. Поэтическое произведеніе великаго писателя имѣетъ двойное значеніе: оно, во первыхъ, служитъ источникомъ непосредственнаго эстетическаго наслажденія для читателей и, во вторыхъ, дѣлается предметомъ догматическаго и критическаго изслѣдованія съ точки зрѣнія личности автора, его взглядовъ, языка и времени когда онъ жилъ. Смѣшивать эти два взгляда, по моему мнѣнію нельзя никакъ, не нанеся ущерба одному въ пользу другого. Можно съ увѣренностью сказать, что изъ десяти лицъ, читающихъ Шекспира въ подлинникѣ, по крайней мѣрѣ девять смотрятъ на него съ первой точки зрѣнія и развѣ только одинъ — со второй. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о переводахъ. Есть переводы поэтическіе, требующіе передачи мысли, духа, а главное *впечатлѣнія* подлинника, и переводы догматическіе, въ которыхъ переводчикъ долженъ держаться буквы подлинника и дѣлать необходимыя на него объясненія.

Послѣдній родъ переводовъ можетъ быть сравненъ съ цвѣткомъ, засушеннымъ для гербарія, съ цѣлью опредѣлить его анатомическое строеніе, породу и видъ; переводы же первой категоріи уподобляются живому цвѣтку, выращенному изъ сѣмянъ подлинника и назначенному для наслажденія его красотой и ароматомъ, причемъ умѣнье воспроизвести какъ то, такъ и другое, зависитъ отъ степени искусства садовника, обязаннаго заботиться, чтобъ изъ посадки его не выросла одна только пустая трава. Я смотрѣлъ на свое дѣло съ этой послѣдней точки зрѣнія и цѣль моего труда была: *сдѣлать Шекспира русскимъ поэтомъ, понятнымъ безъ всякихъ объясненій, какъ понятны наши собственные русскіе писатели.* Цѣль конечно громадная и можетъ быть, скажутъ многіе, недостижимая, но вѣдь уже давно сказано, что кто хочетъ достигъ возможнаго — долженъ стремиться къ невозможному. Я сдѣлалъ свое дѣло какъ умѣлъ — пусть, кто можетъ, сдѣлаетъ лучше. Еслижъ кто нибудь, независимо отъ желанія поэтическаго знакомства съ Шекспиромъ, пожелаетъ взглянуть на него съ критической и догматической точекъ зрѣнія, то для этого существуетъ безчисленное множество специальныхъ сочиненій, какъ на иностранныхъ языкахъ, такъ равно и на русскомъ, изъ которыхъ я особенно рекомендую прекрасный подстрочный переводъ Кетчера. Но это, повторяю, не было цѣлью моего труда и потому я убѣдительно прошу судить меня въ предѣлахъ только той задачи, которую я себѣ поставилъ.

А. Соголовскій.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Клавдій, король датскій.
Гамлетъ, сынъ его брата, прежняго короля.
Полоній, знатный сановникъ при дворѣ.
Гораціо, другъ Гамлета.
Лаэртъ, сынъ Полонія.
Волтимандъ,
Корнелій,
Розенкранцъ,
Гильденштернъ,
Озрикъ,
Священникъ.
Марцеллъ,
Бернардъ, } офицеры.
Францискъ, солдатъ.
Рейнальдъ, слуга Полонія.
Капитанъ норвежскихъ войскъ.
Посланникъ Англіи.
Призракъ отца Гамлета.
Фортинбрасъ, Норвежскій принцъ.
Гертруда, королева, мать Гамлета.
Офелія, дочь Полонія.

Придворные, офицеры, солдаты, актеры, могильщики, матросы, вѣстники
и свита.

Мѣсто дѣйствія замокъ Эльзинёръ въ Даніи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Эльзинёръ. Терраса передъ дворцомъ. Холодная лунная ночь.

(Францискъ на стражѣ. Входитъ Бернардъ.)

Бернардъ. Эй! кто тутъ? Отвѣчай!

Францискъ. Сперва откликнись

Мнѣ самъ кто ты. Какой пароль?

Бернардъ. «Пошли

Богъ вѣка королю».

Францискъ. Бернардъ?

Бернардъ. Онъ самый.

Францискъ. Пришелъ ты въ срокъ.

Бернардъ. Сейчасъ пробило полночь.

Ступай домой.

Францискъ. Спасибо; я усталъ

И весь продрогъ; морозъ изрядный.

Бернардъ. Все ли

Благополучно?

Францискъ. Не скреблась и крыса.

Бернардъ. Ступай и грѣйся; если же ты встрѣтишь

Гораціо съ Марцелломъ — посылай

Живѣ ихъ; они хотѣли нынче

Стоять со мной на стражѣ.

(Входятъ Гораціо и Марцеллъ.)

Францискъ. Вотъ идутъ

Сдается и они. — Эй! кто тутъ? Стойте!

Гораціо. Народъ все свой.

Марцелль. Присяжные Датчане.
Францискъ. Прощайте, я иду.
Марцелль. Прощай пріятель.
 Кѣмъ ты смѣненъ?
Францискъ. Бернардомъ. — Доброю ночью!
 (Уходитъ).
Марцелль. Кто тутъ? Бернардъ?
Бернардъ. Я за него. А ты
 Гораціо?
Гораціо. Отчасти онъ.
Бернардъ. Здорово!
 А также ты Марцелль.
Марцелль. Ну чтожь, являлся
 Онъ снова вамъ?
Бернардъ. Покамѣстъ не видалъ
 Я ничего.
Марцелль. Гораціо твердитъ,
 Что это наши бредни; онъ не хочетъ
 И въ мысляхъ допустить, что страшный призракъ,
 Два раза нами видѣнный, являлся
 Дѣйствительно. Вотъ почему его
 Я убѣдилъ отправиться сегодня
 На стражу вмѣстѣ съ нами. Пусть своими
 Глазами убѣдится онъ въ явленіи
 Того, кого мы видѣли, и пусть
 Онъ съ нимъ заговорить, когда лишь только
 Тотъ явится.
Гораціо. Повѣрьте, что нѣкто
 Являться и не вздумаетъ.
Бернардъ. Садись же,
 И выслушай. Я повторю еще
 Ушамъ твоимъ упрямымъ то, что мы
 Здѣсь видѣли ужъ дважды.
Гораціо. Сѣсть согласенъ. (Садится).
 Болтай теперь свой вздоръ.
Бернардъ. Прошедшей ночью,
 Когда звѣзда, свершающая путь

Отъ полюса къ востоку, озарила
 Ту часть небесъ, гдѣ блѣдное сіянье
 Ея горитъ теперь, Марцелль и я
 Стояли здѣсь. Пробило часъ...
Марцелль. Молчи!
 Смотри, вотъ онъ! (Является Призракъ).
Бернардъ. Точь въ точь король покойный!
 Весь видъ его!
Марцелль. Попробуй завести,
 Гораціо, съ нимъ рѣчь; вѣдь ты ученый.
Бернардъ. Вглядись въ него: король какъ есть!
Гораціо. Онъ! онъ!
 Я внѣ себя отъ страха и волненія!
Бернардъ. Онъ ждетъ отъ насъ вопросовъ.
Марцелль. Начинай,
 Гораціо!
Гораціо. Скажи, кто ты такой,
 Что бродишь здѣсь, прикрывшись тьмою ночи
 И обликомъ воинственнымъ, которымъ
 Былъ облеченъ когда-то на землѣ
 Король покойный Датчанъ? Отвѣчай,
 Во имя неба мнѣ!
Марцелль. Онъ оскорбился.
Бернардъ. Онъ хочетъ скрыться.
Гораціо. Стой! Я заклинаю,
 Дай мнѣ отвѣтъ! (Призракъ исчезаетъ).
Марцелль. Исчезъ, не молвивъ слова.
Бернардъ. Что скажешь, другъ Гораціо? Ты блѣденъ
 И весь дрожишь! Сознайся, что назвать
 Нельзя ужъ это бредней? Чѣмъ возьмешься
 Ты это объяснить?
Гораціо. Клянусь спасеніемъ,
 Не будь глаза свидѣтелями мнѣ
 Того, что я увидѣлъ—никогда бы
 Меня не убѣдили въ томъ.
Марцелль. А сходство
 Съ покойнымъ королемъ?

Горацио.

Онъ сходенъ съ нимъ,

Какъ ты съ самимъ собой. Въ такомъ оружьи

Онъ поразилъ кичливаго Норвежца!

Съ такимъ же гнѣвнымъ взглядомъ, въ бурной схваткѣ

Топталъ на льду сраженныхъ Поляковъ!

Поистинѣ чудесно!

Марцеллъ.

Вотъ два раза

Онъ намъ уже являлся въ этотъ мертвый,

Полночный часъ, и двигался предъ нами,

Какъ воинъ, мѣрной поступью.

Горацио.

Не знаю,

Что именно сулитъ явленіе это,

Но вообще я склоненъ видѣть въ немъ

Предвѣстье страшныхъ бѣдствій.

Марцеллъ.

Сядемъ здѣсь

И къ слову поболтаемъ. Кто возьмется,

Скажите мнѣ, отвѣтить, почему

Безъ отдыха тревожатъ нынче службой

Спокойныхъ, мирныхъ гражданъ? для чего

Льютъ пушки и снаряды? закупаютъ

Въ чужихъ краяхъ оружье? По какой

Невѣдомой причинѣ заставляютъ

Рабочихъ на судахъ не знать покоя

Ни въ праздники, ни въ будни? Что за цѣль

Всей этой суетни, смѣшавшей въ нашихъ

Занятыхъ день и ночь? Кто можетъ дать

Отвѣтъ на это?

Горацио.

Я могу исполнить

Твое желанье, если только вѣрнѣ

Ходячій слухъ. Вы знаете, конечно,

Что нашъ король, чей призракъ мы сейчасъ

Здѣсь видѣли, былъ вызванъ въ частный бой

Норвежцемъ Фортинбрасомъ, столь извѣстнымъ

Своей безумной смѣлостью. Нашъ храбрый

Король, покойный Гамлетъ — (храбрымъ онъ

Считался цѣлымъ свѣтомъ) — побѣдилъ

Норвежца въ этой битвѣ, и затѣмъ,

Согласно съ договоромъ, заключеннымъ

По всѣмъ уставамъ чести, получилъ

Въ законное владѣніе часть земель

Убитаго, равно какъ и тому,

Будь онъ героемъ битвы, перешла бы,

Поставленная ставкой этой распри,

Часть датскаго владѣнія. Значить вамъ

Понятно, что покойный Гамлетъ строго,

По всѣмъ законамъ, въ правѣ былъ занять

Владѣнія Фортинбраса. Но теперь

Наслѣдникъ побѣжденнаго, пылая

Безумной, юной дерзостью, набралъ

Во всѣхъ концахъ Норвегіи ватагу

Бездомныхъ удалцевъ, всегда готовыхъ

На драку изъ-за хлѣба и склонилъ

Къ набѣгу ихъ, который ужъ конечно

Преслѣдовать иной не можетъ цѣли,

Какъ возратить, при помощи суровой

И злой войны, утраченные земли

Его отцомъ. Вотъ какъ я объясняю

Причину нашихъ всѣхъ вооруженій,

И этой торопливости, и частыхъ

Призывовъ гражданъ къ службѣ.

Бернардъ.

Самъ объ этомъ

Я думалъ точно также и теперь

Становится понятнымъ мнѣ явленіе

Зловѣщей этой тѣни, облеченной

Въ наружный видъ покойнаго: вѣдь онъ

Одинъ причиной былъ минувшей распри.

Горацио. Подобное явленіе поразитъ

Разсудокъ хоть кому. Въ годину высшей,

Блестящей славы Рима, передъ тѣмъ,

Какъ палъ великій Цезарь, точно также

Внезапно разверзались гробницы

И въ саванахъ бродили съ дикимъ воплемъ

Покойники по Римскимъ площадямъ.

За звѣздами тянулись въ небесахъ

Хвосты огня, являлись пятна въ солнцѣ;
 Листы деревъ внезапно покрывались
 Кровавою росой и влажный ликъ
 Свѣтила, что царить надъ бездной царства
 Нептунова, внезапно погрузился
 Въ глубокий мракъ, какъ будто наступалъ
 День страшнаго суда. Явленья эти,
 Служащія всегда предвѣстиемъ бѣды
 И страшныхъ происшествій, испослала,
 Какъ видимъ мы, судьба теперь и намъ
 Въ странѣ холодной нашей. (*Призракъ является снова*).

Тсс!.. смотрите:

Явился снова онъ! Пускай меня
 Сразить онъ, если хочетъ, все-жъ ему
 Я путь загорожу!.. Стой, привидѣнье!..
 Когда языкъ имѣешь ты и голосъ —
 Дай намъ отвѣтъ! Когда, чтобъ успокоить
 Твой скорбный духъ, ты долженъ совершить
 Кому нибудь добро — признайся въ этомъ!
 Когда повѣдать ты имѣешь тайну
 На пользу нашей родины, чтобъ тѣмъ
 Предотвратить грозящую бѣду —
 Откройся намъ! иль, если наконецъ,
 Ты сторожишь зарытый подъ землею
 Тобою кладъ — что, говорятъ, нерѣдко
 Бываетъ съ мертвецами — не скрывай
 И этого! Остановись! Держи
 Его Марцелль! (*Поетъ пѣтухъ*).

Марцелль. Не бросить ли въ него
 Мнѣ бердышемъ?

Гораціо. Бей, бей, когда не хочетъ
 Добромъ остановиться онъ.

Бернардъ. Вотъ такъ!

Гораціо. Вотъ такъ! (*Бросаютъ бердыши. Призракъ исчезаетъ*).

Марцелль. Исчезъ! Насилье бесполезно
 Надъ существомъ, исполненнымъ такого

Величія! Онъ какъ свободный воздухъ
 Неуязвимъ, и только посмѣялся
 Надъ нашею угрозой.

Бернардъ. Онъ готовъ
 Почти начать былъ рѣчь, когда внезапно
 Запѣлъ пѣтухъ.

Гораціо. И передъ этимъ пѣніемъ
 Исчезъ онъ какъ виновный предъ лицомъ
 Сражающей улики. Я слышалъ
 Нерѣдко, что пѣтухъ, предвѣстникъ утра,
 Своимъ крикливымъ пѣніемъ будить солнце,
 И что тогда блуждающіе духи,
 Гдѣ бъ ни были они, въ огнѣ, въ водѣ
 Иль въ воздухѣ, спѣшатъ въ испугѣ скрыться
 Въ подземныя жилища. Въ этомъ можетъ
 Насъ убѣдить то, что случилось здѣсь.

Марцелль. Дѣйствительно исчезъ онъ вслѣдъ за крикомъ.
 Слыхалъ я также будто въ ночь, когда
 Рождается Спаситель, пѣтухи
 Поютъ безъ перерыва. Оттого то
 И духи проклятыя не дерзаютъ
 Тогда бродить по свѣту. Эта ночь
 Безвредна для людей; не смѣть ихъ
 Сразить звѣзда, катящаяся съ неба;
 Не могутъ вѣдьмы или колдуны
 Кого нибудь испортить, или эльфы
 Завлечь къ себѣ: такъ чистъ и святъ покровъ
 Великой этой ночи.

Гораціо. Я слыхалъ
 Объ этомъ самъ и до извѣстной мѣры
 Не прочь тому повѣрить. (*Спитаетъ*). Но смотрите:
 Заря румянымъ отблескомъ сверкнула
 Уже на росѣ восточнаго холма.
 Ждать больше нечего, когда жъ хотите
 Послушать мой совѣтъ, передайте
 О томъ, чему свидѣтелями здѣсь
 Мы были — принцу Гамлету. Готовъ я

Поклясться въ томъ, что мрачный, скорбный призракъ,
Нѣмой для насъ, заговорить навѣрно
Охотнѣй съ нимъ. Скажите жъ мнѣ, согласны ль
На это вы? Я думаю что такъ
Велятъ намъ поступить и долгъ и наша
Къ нему привязанность.

Марцеллъ. Да, да, конечно,
Такъ сдѣлать мы обязаны. Я знаю
Гдѣ встрѣтить принца можемъ мы вѣрнѣй.
(Уходятъ).

СЦЕНА 2-я.

Комната въ Эльсинёрскомъ дворцѣ.

(Входятъ **Король**, **Королева**, **Гамлетъ**, **Полоній**, **Лазрть**, **Волтимандъ**, **Корнелій** и придворные).

Король. Какъ ни свѣжо еще воспоминанье
О смерти брата, какъ ни натуральна
И наша скорбь и горестныя лица
Всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ — я все же
Считаю, что пришла пора вступить
Разсудку въ споръ съ природой, и печалюсь
О томъ, кого ужъ нѣтъ, не забывать
Съ тѣмъ вмѣстѣ и себя. Вотъ для чего
Вступили мы въ супружескій союзъ
Съ сестрою нашей бывшей, ставшей нынѣ
Подругой намъ въ правленіи нашей славной,
Воинственной страной. Печаль и радость
Присутствовали вмѣстѣ въ часъ, когда
Свершался этотъ бракъ. Веселья пѣсни
Звучали вмѣстѣ съ гимномъ похоронъ.

Рычагъ вѣсовъ, когда бы положили
На чашки ихъ ту радость и печаль
Остался бъ неподвижнымъ. Впрочемъ мы
Рѣшили этотъ бракъ лишь по свободномъ
И зрѣломъ одобреніи вами всѣми
Причинъ, какими вызванъ онъ. Примите жъ
За это благодарность. — А теперь
Начнемте рѣчь о дѣлѣ. Фортинбрасъ,
Ошибочно судя, какъ мнѣ сдается,
О нашихъ силахъ, или возмечтавъ,
Что брата смерть возбудитъ въ государствѣ
У насъ раздоръ и распри, далъ свободу
Своимъ кичливымъ мыслямъ и послалъ
Намъ дерзко вновь посольство, заявляя
Свои права на возвращенье странъ,
Которыя достались такъ законно
Монарху Гамлету. Вотъ почему
Насъ занялъ Фортинбрасъ. Переходя
Затѣмъ къ причинѣ, по которой нынѣ
Вы собраны — считаю долгомъ вамъ
Всѣмъ объявить, что для рѣшенія дѣла,
Хочу послать я къ дядѣ Фортинбраса,
Въ Норвегію письмо. Онъ удрученъ
Годами и болѣзнью до того,
Что врядъ ли чтонибудь узналъ или слышалъ
О замыслахъ племянника, который
Вербуетъ во владѣнныя старика
Себѣ солдатъ и добываетъ все,
Что нужно для войны. Быть можетъ дядя
Его смиритъ. Письмо и нашъ привѣтъ
Свезете вы, Корнелій съ Волтимандомъ.
Та степень полномочія, какую
Мы вамъ даемъ, изложена подробно
Въ особенной запискѣ: удержитесь
Въ ея предѣлахъ строго. Добрый путь!
И пусть усердіе ваше вамъ послужитъ
Залогомъ для успѣха.

Кори. и Волт.

Мы приложимъ

Его, повѣрьте, нынче какъ всегда.

Король. Я въ томъ не сомнѣваюсь. До свиданья!

(*Корнелій и Волтимандъ уходятъ*).

Теперь должны мы выслушать Лаэрта.

Онъ кажется намѣренъ былъ подать

О чемъ то просьбу. Говори, Лаэртъ,

Безъ страха, что ты хочешь. Рѣчь о дѣлѣ

Готовъ всегда я выслушать. Твои же

Желанья исполнялись мной всегда

Еще до просьбъ. Рука не такъ покорна

У насъ велѣнью разума иль разумъ

Тому, что хочетъ сердце, какъ готовъ

Всегда исполнить датскій повелитель

Что просить твой отецъ. — Чего жъ ты хочешь?

Лаэртъ. Достойный повелитель! Я хотѣлъ бы

Вернуться вновь во Францію, откуда

Сюда пріѣхалъ, правда, добровольно,

Чтобы принять, какъ требовалъ мой долгъ,

Участье въ коронаціи; но нынче,

Исполнивъ все, я каюсь, что желанья

И мысли вновь влекутъ меня туда;

И потому я обращаюсь съ просьбой

Дозволить мнѣ уѣхать.

Король. Получилъ ли

На это ты согласіе отца?

Что скажешь ты, Полоній?

Полоній. Онъ успѣлъ

Добыть мое согласіе рядомъ самыхъ

Докучныхъ просьбъ. Неволей-волей я

Былъ долженъ уступить, скрѣпивъ желанье

Его моей печатью. Снизойдите

И вы на эту просьбу.

Король. Можешь ѣхать

Когда захочешь самъ; располагай

Своимъ свободно временемъ, чтобъ было

Оно покорно всѣмъ твоимъ желаньямъ

И прихотямъ. — Теперь я обращаюсь

Къ тебѣ, любезный Гамлетъ, сынъ и братъ,

Ближайшій намъ по крови и по роду.

Гамлетъ (*въ сторону*) Родъ точно твой, да не твоя порода!

Король. Печаль туманитъ облакомъ какъ прежде

Лицо твое.

Гамлетъ. О нѣтъ! я слишкомъ близко

Стою теперь предъ солнцемъ.

Королева. Милый Гамлетъ!

Брось наконецъ унылый, мрачный видъ!

Взгляни на короля привѣтнымъ взглядомъ,

Какъ добрый другъ! Не осуждай навѣки

Себя смотрѣть печальнымъ взоромъ въ землю,

Какъ будто бѣ думалъ вызвать ты изъ праха

Покойнаго отца! Законъ всеобщій:

Что живо — то умереть! Все перемѣнитъ

На вѣчность жизнь.

Гамлетъ. Вы правы королева,

Таковъ законъ!

Королева. А если такъ, зачѣмъ же

Онъ кажется невѣрнымъ лишь тебѣ?

Гамлетъ. Мнѣ *кажется*? О нѣтъ! онъ вѣренъ, вѣренъ!

Я призраковъ не знаю! Этотъ черный

Печальный плащъ — обычный знакъ несчастья

И траура; вся эта буря вздоховъ

И горькихъ слезъ, катящихся ручьями

Изъ скорбныхъ глазъ; печальный этотъ взглядъ —

Всѣ, словомъ, знаки горести, какими

Рисуется безмолвная печаль —

Вотъ призраки, затѣмъ что въ нашей волѣ

Ихъ выказать или нѣтъ! — Но то, что я

Таю въ себѣ — не призракъ! Внѣшній видъ

Мнѣ служить лишь одеждой для страданья!

Король. Твоя печаль похвальна милый Гамлетъ!

Въ ней знакъ твоей сердечности, но вспомни,

Что твой отецъ утратилъ точно также

Отца въ былые дни; съ его отцомъ

Случилось тоже самое. Конечно
 Сыновний долгъ обязываетъ насъ
 Носить до срока трауръ по умершемъ;
 Но плакать и томиться безъ конца
 Грѣшно и недостойно! Духъ мужчины
 Быть долженъ твердъ. Въ упорной скорби видны
 Лишь злая непокорность предъ Творцомъ,
 Ничтожная душа, пустое сердце
 И даже слабый умъ. Какую пользу,
 Дѣйствительно, возможно намъ извлечь
 Изъ скорбнаго рыданья или упорства
 Предъ фактомъ, неизбѣжнымъ точно также,
 Какъ неизбѣжно самое простое
 Изъ жизненныхъ событій? Полно! Горестъ,
 Подобная твоей, тяжелый грѣхъ
 Предъ Господомъ, противорѣче гласу
 Здороваго ума, а наконецъ
 Скажу — самой природѣ, чей законъ
 Твердитъ споконъ вѣковъ: «такъ быть должно» —
 При каждой новой смерти. Покорись же
 Моимъ словамъ и сбрось печальный видъ!
 Признай во мнѣ отца. Весь міръ свидѣтель,
 Что ты всѣхъ ближе къ сердцу мнѣ и нѣтъ,
 Повѣрь, отца, который бы любилъ
 Съ горячностью такой родного сына,
 Какъ я люблю тебя! — Что до твоей
 Желанной мысли возвратиться снова
 Къ наукамъ въ Виттенбергъ — я не могу
 Одобрить этой мысли и напротивъ
 Прошу тебя останься на утѣху
 И радость намъ, какъ тотъ, кто ближе всѣхъ
 Къ намъ въ качествѣ приверженца и сына.

Королева. Не заставляй, чтобы тебя просила
 Напрасно мать! Останься милый Гамлетъ!
 Не ѣзди въ Виттенбергъ.

Гамлетъ. Велитъ мнѣ долгъ
 Васъ слушаться во всемъ по доброй волѣ!

Король. Вотъ истинно прекрасный и достойный
 Тебя отвѣтъ! Ты будешь мнѣ отнынѣ
 Товарищемъ во всемъ. Идемъ Гертруда.
 Нашъ сынъ, оставшись съ нами добровольно,
 Привелъ меня въ восторгъ и я хочу,
 Въ знакъ радости, чтобы каждый новый кубокъ,
 Который будетъ нынче осушать
 За пиршествомъ король, сопровождался
 Пальбой и громомъ пушекъ. Тостъ монарха
 Откликнется на небѣ громкимъ эхомъ
 Земной грозы! Отправимтесь друзья.

(Уходятъ Король, Королева, Полоній,
 Лазрть и свита).

Гамлетъ. О, для чего такъ крѣпко создана
 Ты, наша плоть, что не дано растаять
 Тебѣ росой!.. О, еслибъ не караль
 Господь самоубійства! — Боже, Боже!
 Какъ пусто, пошло, жалко для меня
 Все, что дано намъ въ жизни!.. Садъ отцвѣтшій,
 Неполотый, проросшій до сѣмянъ —
 Вотъ здѣшній міръ! Грубѣйшая трава
 Растетъ одна въ немъ!.. Думалъ ли, гадалъ ли
 Хотъ кто-нибудь, чтобы могло дотти
 До этого?.. Два мѣсяца... Какое!
 Двухъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ умеръ онъ,
 Король — краса и слава, передъ которымъ
 Теперешній ничтоженъ какъ сатиръ,
 Сравненный съ Апполономъ!.. Онъ, любившій
 Такъ мать мою, что былъ готовъ сердиться
 На вѣтерокъ, пахнувшій своевольно
 Въ ея лицо!.. Земля и небо! Мнѣ ли
 Объ этомъ вспоминать?.. Она, чья жажда
 Его любить, казалось возрастала,
 По мѣрѣ какъ любить ее онъ самъ!..
 И вотъ, прошелъ лишь мѣсяцъ!.. Нѣтъ, не надо
 Объ этомъ думать!.. Суетность — вотъ имя
 Вамъ женщины!.. Не износивъ еще

Той обуви, въ которой шла въ слезахъ
Она, какъ Ниобея, провожая
Холодный трупъ покойнаго!.. А нынѣ!..
Свирѣпый звѣрь безъ разума и смысла
Грустилъ навѣрно-бъ дольше!.. Выдти замужъ
За дядю моего! За брата мужа,
Который на умершаго похожъ
Какъ я на Геркулеса!.. Мѣсяцъ, мѣсяцъ!
Слѣды притворныхъ слезъ еще сквозять
Въ ея глазахъ, разтѣденныхъ соленой
Ихъ влагою!.. Она — его супруга!
Что за позоръ такъ броситься на встрѣчу
Разврату и грѣху!.. Нѣтъ, нѣтъ не выдетъ
Добра изъ зла, да и не можетъ выдти!
Но тишѣ! пусть плачетъ сердце. Мысли надо
Таить въ себѣ.

(Входятъ Горацио, Бернардъ и Марцеллъ).

Горацио. Привѣтъ нашъ добрый принцу.

Гамлетъ. Радъ видѣть васъ. — Горацио! Ты ль это?

Иль лгутъ мои глаза?

Горацио. Я самъ и вашъ

Слуга на вѣкъ, какъ прежде.

Гамлетъ. Другъ мой добрый!

Намъ помѣняться слѣдуетъ съ тобой

Названьемъ этимъ. — Говори, зачѣмъ ты

Оставилъ Виттенбергъ? — Марцеллъ?

Марцеллъ. Онъ самый.

Гамлетъ. Какъ радъ я видѣть васъ! Здорово други!

Но по какой покинули причинѣ

Вы Виттенбергъ?

Горацио. Хотѣли пошататься.

Гамлетъ. Ну, это не сказалъ бы предо мной

Твой злѣйшій врагъ, и потому ты самъ

Не долженъ оскорблять меня, болтая.

Подобный вздоръ. Ты не гуляка праздный;

Но все жъ хочу узнать я, для чего

Ты прибылъ въ Эльсинёръ? Мы васъ научимъ
Здѣсь только пить безъ просыпа.

Горацио. Я прибылъ

Присутствовать при погребеньи праха
Покойнаго монарха.

Гамлетъ. Полно, полно,

Товарищъ по ученью! Для чего

Тебѣ хитрить? Скажи, что ты спѣшилъ

На свадьбу королевы!

Горацио. Молвить правду,

Ее пришлось не долго ожидать.

Гамлетъ. Простой расчетъ, Горацио! Остатки

Холодныхъ блюдъ съ печальныхъ похоронъ

Дождены на свадьбѣ! Вѣрь мнѣ, другъ мой,

Что легче было бъ встрѣтиться въ раю

Мнѣ съ злѣйшимъ изъ враговъ моихъ, чѣмъ видѣть

Подобный день! — Отецъ!.. Онъ вѣчно мнѣ

Мерещется!

Горацио. Гдѣ принцъ?

Гамлетъ. Въ воображеніи!

Горацио. Видалъ его не разъ я; это былъ

Достойный государь.

Гамлетъ. Былъ человекъ онъ!

Съ какой бы стороны ни посмотрѣли

Мы на него — подобнаго ему

Не съищется!

Горацио. Я думаю, что видѣлъ,

Его сегодня ночью.

Гамлетъ. Видѣлъ ты?

Кого? кого?

Горацио. Покойнаго монарха

И вашего отца.

Гамлетъ. Отца ты видѣлъ?..

Горацио. Сдержите, принцъ, на мигъ порывъ волненія

И слушайте: (Показывая на прочихъ)

Они мнѣ оба будутъ

Свидѣтелями въ истинѣ чудесь,
Какія я открою.

Гамлетъ. Ради неба!

Готовъ я, говори!..

Гораціо. Вотъ что случилось
Съ Марцелломъ и Бернардомъ. — Въ часть, когда,
Средь мертвой тишины, они стояли
На стражѣ нынѣ ночью, чей-то призракъ,
Во всемъ похожій видомъ и лицомъ
На вашего отца, вооруженный
Отъ ногъ до головы, явился вдругъ
Испуганнымъ глазамъ ихъ. Величаво
Прошелъ предъ ними трижды онъ, не дальше
Длины жезла, и скрылся! Кровь застыла
Отъ ужаса въ ихъ жилахъ до того,
Что оба, не посмѣвъ промолвить слова,
Остались неподвижны. Въ третью ночь,
Узнавъ отъ нихъ ужасную ихъ тайну,
Я всталъ на стражу самъ, и вотъ, согласно
Во всемъ разскажу ихъ, какъ разъ въ томъ видѣ
И въ тотъ же часъ — видѣнье появилось
Предъ нами вновь! Я въ тотъ же мигъ узналъ
Въ немъ вашего отца. Точнѣй не могутъ
Быть схожи двѣ руки.

Гамлетъ. Гдѣ это было?

Марцеллъ. Гдѣ постъ назначенъ стражи — на площадкѣ.

Гамлетъ. Вы съ нимъ не говорили?

Гораціо. Да, но только
Отвѣта призракъ не далъ. Разъ мнѣ, впрочемъ,
Почудилось, что сдѣлалъ онъ губами
И головой такое же движеніе,
Какое замѣчаютъ въ человѣкѣ
Готовомъ говорить, но тутъ внезапно
Зацѣлъ пѣтухъ, и вслѣдъ затѣмъ видѣнье,
Какъ будто испугавшись, вмигъ исчезло
Изъ нашихъ глазъ во мракѣ.

Гамлетъ. Очень странно!

Гораціо. Я жизнью поручиться вамъ готовъ
За истину разсказа. Мы сочли
Священнымъ долгомъ разсказать и вамъ
О томъ, что видѣли.

Гамлетъ. Да, да, конечно!
Но знаете ли вы, какъ пораженъ
Я этимъ всѣмъ! Вы будете на стражѣ
Сегодня вновь?

Всѣ. Да, принцъ.

Гамлетъ. Сказали вы:

Онъ былъ покрытъ броней?

Всѣ. Покрытъ.

Гамлетъ. Отъ шлема

До самыхъ нятъ?

Всѣ. Отъ ногъ до головы.

Гамлетъ. Но вѣдь тогда вы не могли увидѣть
Его лица.

Гораціо. О нѣтъ, забрало было
Приподнято.

Гамлетъ. Какъ онъ смотрѣлъ? Сурово?

Гораціо. О нѣтъ, скорѣй печально, чѣмъ сурово.

Гамлетъ. Онъ былъ румянъ или блѣденъ?

Гораціо. Страшно блѣденъ!

Гамлетъ. И пристально глядѣлъ на васъ?

Гораціо. Все время.

Гамлетъ. Жаль, не былъ съ вами я.

Гораціо. Васъ привело бы
Видѣнье въ ужасъ.

Гамлетъ. Очень вѣроятно.

Какъ долго былъ онъ съ вами?

Гораціо. Можно было
Счесть медленно до сотни.

Марцеллъ и Бернардъ. Дольше, дольше.

Гораціо. Въ тотъ разъ, какъ видѣлъ я его — не дольше.

Гамлетъ. А борода? Сверкала сѣдиной?

Гораціо. Она была такая жъ какъ при жизни
Сребристо-чорная.

Гамлетъ. Я встану съ вами
На стражу въ эту ночь. Быть можетъ онъ
Придетъ опять.

Гораціо. Придетъ; я въ томъ увѣренъ.

Гамлетъ. Коль скоро призракъ явится опять
Подъ образомъ отца — я заведу
Съ нимъ разговоръ, хотя бы даже самый
Кромѣшннй адъ хотѣлъ меня заставить
Сдержать языкъ. — Но я прошу васъ всѣхъ,
Коль скоро вы еще не проболтались
О видѣнномъ — храните до поры
Объ этомъ всемъ молчанье. Точно также
И то, что можетъ быть увидимъ мы
Въ сегодняшнюю ночь — пусть остается
Для васъ предметомъ мыслей, но никакъ
Не болтовни! Я награждать съумѣю
За это васъ. — Прощайте! Нынче мы
Сойдемся на площадкѣ незадолго
До полночи.

Всѣ. Мы слуги вамъ во всемъ.

Гамлетъ. А я доброжелатель вамъ. — Прощайте!

(Уходятъ Гораціо, Марцелъ и Бернандъ).

Броней покрытый призракъ! Дурно, дурно!
Тутъ кроется недоброе! О если бъ
Скорѣй настала ночь — а до того
Молчи душа! Преступное и злое
Откроется предъ совѣстью людской,
Хотя бъ прикрылъ весь шаръ его земной!

(Уходитъ).

СЦЕНА 3-я.

Комната въ домѣ Полоніа.

(Входятъ Лазръ и Офелія).

Лазръ. Багажъ мой взять. Прощай, сестра! Смотри же,
Едва попутный вѣтеръ дастъ возможность
Отправить въ путь корабль — не полѣнись
Мнѣ написать.

Офелія. Не сомнѣвайся въ этомъ.

Лазръ. А что до принца и его признаній,
Смотри на нихъ, какъ на пустой капризъ,
Иль пылъ горячей крови. Таковы
Весеннія фіалки: — ранній цвѣтъ ихъ
Пріятенъ но непроченъ; блескъ и запахъ
Въ нихъ длятся лишь минуто.

Офелія. Неужели,
Не болѣе?

Лазръ. Могу тебя увѣрить.
Природа такъ устроила людей,
Что, рядомъ съ пыломъ крови, въ нихъ должно
Расти и чувство долга. Можетъ быть
До сей поры ты Гамлетомъ любима
Дѣйствительно — я допущу, что даже
Любовь его чиста, и что дурныхъ
Намѣреній въ немъ нѣтъ, но ты должна
Имѣть въ виду, что санъ его и званье
Въ немъ сковываютъ волю. Онъ обязанъ
Рабомъ быть по рожденію и не можетъ
Свободно останавливать свой выборъ
На комъ захочетъ самъ, подобно прочимъ
Незнатнымъ людямъ. Выборъ принца долженъ
Быть подчиненъ желаніямъ страны

Гдѣ онъ глава, затѣмъ что отъ его
Задуманнаго выбора зависятъ
Добро и счастье подданныхъ. Такъ, если бѣ
Тебѣ открылся даже онъ въ любви —
Не заходи въ своемъ отвѣтѣ дальше
Той мѣры, до которой можетъ онъ
Собой располагать, а эта мѣра
Зависитъ отъ того, чего захочетъ
Вся Данія. Подумай лишь, какъ многимъ
Рискуешь ты, довѣрчиво склонясь
Къ его любовнымъ пѣснямъ, и дозволивъ
Его безумной страсти овладѣть
Твоею чистотой! Храни, храни
Ее всего усерднѣй, дорогая
И милая сестра! Не предавайся
Влеченію сама, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе
Себя обезопасить отъ его
Настойчивыхъ искательствъ. Чистой дѣвѣ
Казаться долженъ дерзкимъ даже взоръ
Застѣнчивой луны. Ядъ клеветы
Сразить способенъ даже добродѣтель!
Червякъ зловредный можетъ зародиться
Въ весенней почкѣ, прежде чѣмъ цвѣтокъ
Успѣетъ распуститься. Ядъ дыханья
Отравленнаго вѣтра для цвѣтка
Всего вреднѣй въ часъ утренней росы
И свѣжести. Такъ будь же осторожна!
Страхъ — лучшая охрана. Юность часто
Сама себѣ бываетъ злымъ врагомъ,
Хотя бѣ враговъ и не было кругомъ.

Офелія. Мой милый братъ! Твои совѣты будутъ
Мнѣ стражами души моей; но только
Не будь, прошу и самъ, похожъ на тѣхъ
Фальшивыхъ проповѣдниковъ, что учатъ
О тернистомъ пути къ вратамъ небеснымъ,
Межъ тѣмъ какъ сами первые жъ спѣшатъ
Предаться безъ стыда всему дурному

И грѣшному, забывши тѣ совѣты,
Какіе намъ даютъ.

Лаэртъ. Не безпокойся!

Пора мнѣ въ путь. Но вотъ и нашъ отецъ.
(*Входитъ Полоній*)

Въ двойномъ благословеніи больше блага,
И путь пріятнѣй, лишній разъ простись.

Полоній. Ты здѣсь еще? Не стыдно ли? Корабль
Готовъ давно; тебя тамъ ждутъ. Спѣши,
Спѣши Лаэртъ! Да будетъ надъ тобой
Мое благословеніе. (*Кладетъ руку на голову Лаэрта*).

Между прочимъ

Я дать тебѣ хочу предъ разставаньемъ
Два-три совѣта. Постарайся ихъ
Не позабыть. Не будь чрезъ чуръ болтливъ
О томъ, что ты задумалъ, а тѣмъ больше
Не вздумай торопиться исполненіемъ
Того, что не обдумано. Держи
Себя со всѣми просто, но при томъ
Отнюдь не фамильярно. Если встрѣтишь
Испытаннаго друга — закрѣпи
Съ нимъ связь желѣзной цѣпью, но не вздумай
Дружиться зря со всякимъ первымъ встрѣчнымъ.
Ссоръ избѣгай; но если ужъ случится
Поссориться, тогда умѣй себя
Поставить такъ, чтобъ твой противникъ самъ
Старался избѣгать тебя. Чужую
Охотно слушай рѣчь, но говори
Съ немногими. Совѣты принимай
Отъ всѣхъ людей, но собственное мнѣніе
Высказывай не скоро. Одѣвайся
По деньгамъ и по средствамъ. Внѣшность правда
Должна быть въ насъ изысканна, но роскошь
И вычурность вредны. По платью судятъ
О самомъ человѣкѣ, особливо
Во Франціи, гдѣ знать и дворъ извѣстенъ
Изяществомъ и вкусомъ. Денегъ въ долгъ

Отнюдь не занимай, и точно также
 Самъ не давай другимъ. Давая въ долгъ
 Теряемъ мы друзей и деньги вмѣстѣ;
 Займы же подрываютъ вѣсталь наше
 Хозяйство и добро.— Всего же больше
 Старайся такъ держать себя, чтобъ самъ
 Собою ты былъ доволенъ. Если ты
 Достичь успѣешь этого, то, вѣрь,
 Никто не въ состояннн будетъ сдѣлать
 Тебѣ ни въ чемъ упрека: это вѣрно
 Какъ то, что дни идутъ во слѣдъ ночамъ.
 Теперь прощай! Мое благословеніе
 Будь помощію тебѣ, чтобъ ты запомнилъ
 Мои слова.

Лаэртъ. Почтительно прощаюсь
 Надолго съ вами я.

Полоній. Иди, иди!
 Слуга твой ждетъ.

Лаэртъ. Прощай сестра и помни,
 Чтѣ я сказалъ.

Офелія. Я въ памяти замкнула
 Твои слова. Ключъ можешь взять съ собой.

Лаэртъ. Прощай. (*Уходитъ*).

Полоній. Что онъ сказалъ? О чемъ болтали
 Вы здѣсь вдвоемъ?

Офелія. Когда угодно вамъ
 Объ этомъ знать — извольте: рѣчь была
 О принцѣ Гамлетѣ.

Полоній. Вполнѣ умѣстно!
 Я слышалъ самъ, что съ нѣкоторыхъ поръ
 Принцъ ищетъ быть съ тобой, и что сама
 Охотно ты, и даже слишкомъ вольно,
 Болтаешь съ нимъ. Когда я не ошибся —
 (А мнѣ сказали это, чтобъ меня
 Предостеречь) — то я тебѣ замѣчу,
 Что ты не понимаешь своего
 Достоинства, веди себя не такъ,

Какъ требовали бѣ честь твоя и имя,
 Какое носишь ты. — Скажи всю правду,
 Что было между вами?

Офелія. Принцъ не разъ
 Выказывалъ замѣтно мнѣ свою
 Привязанность.

Полоній. Привязанность! Ты вижу
 Совсѣмъ еще ребенокъ и не видишь
 Опасности, какая въ этомъ дѣлѣ
 Тебѣ грозитъ! — Не вздумала ль серьезно
 Ты вѣрить въ эту, по твоимъ словамъ,
 Привязанность.

Офелія. Я право не умѣю
 Сказать вамъ то, чтѣ думаю.

Полоній. Такъ я
 Скажу тебѣ объ этомъ! Ты простое
 И глупое дитя. Ты оцѣнила
 За чистую монету вздоръ, который
 Онъ несъ тебѣ. *Цни* сама себя
 Достойнѣе и выше, иль иначе,
 Скажу тебѣ я тѣмъ же самымъ словомъ,
 Чтѣ долженъ буду самъ невысоко
Цнить твой умъ.

Офелія. Онъ выражалъ всегда
 Свою любовь мнѣ въ самыхъ деликатныхъ
 Почтительныхъ словахъ.

Полоній. И это все
 Одни слова. Довольно! Толковать
 Объ этомъ больше нечего!

Офелія. Онъ клялся
 Мнѣ всѣмъ святымъ, что говорилъ лишь правду.

Полоній. Все вздоръ одинъ! Посула журавлей!
 Самъ знаю я какую чепуху
 Городимъ мы и какъ умѣемъ клясться,
 Почувявши любовный жаръ въ крови!
 Откуда чтѣ берется! Но вѣдь это
 Лишь блескъ одинъ — огонь безъ теплоты,

Что гаснетъ безъ слѣда. Такія клятвы
 Даются для того лишь, чтобы нарушить
 Ихъ тотчасъ же. Не принимай же ихъ
 За истинное пламя. Ты должна
 Себя поставить такъ, чтобы возможность
 Съ тобой болтать иль получить свиданье
 Цѣнилася дороже. Гамлетъ молодъ,
 И можетъ забавлять себя пожалуй
 Чѣмъ вздумаетъ; но что простить ему,
 За то тебя осудятъ. — Не давай же
 Его словамъ значенья: всѣ они
 Красны и громки съ виду, но на дѣлѣ
 Таятъ въ себѣ дурной и тайный смыслъ.
 Чѣмъ больше онъ клянется, тѣмъ скорѣе
 Тебя введетъ въ обманъ. Я объявляю
 Тебѣ мою рѣшительную волю,
 Чтобъ ты впередъ съискала для своихъ
 Часовъ досуга лучшее занятье
 Чѣмъ вѣчную, пустую болтовню,
 Глазъ на глазъ съ принцемъ Гамлетомъ! — Вотъ мой
 Тебѣ приказъ. Замѣть его исправно!
 Теперь иди.

Офелія. Исполню вашу волю. (*Уходитъ*).

СЦЕНА 4-я.

Терраса передъ замкомъ. Ночь.

(*Входятъ Гамлетъ, Гораціо и Марцеллъ*).

Гамлетъ. Изрядный холодъ! вѣтеръ дуетъ рѣзко!

Гораціо. Да, воздухъ свѣжъ и холоденъ.

Гамлетъ. Который

Теперь быть можетъ часъ?

Гораціо.

Пожалуй будетъ

Близъ полночи.

Марцеллъ.

Двѣнадцать било.

Гораціо.

Развѣ?

Я не слыхалъ. Такъ значитъ близокъ часъ
 Явленья призрака. (*За сценой звукъ трубъ и пушечныхъ
 выстрѣловъ*). Что это значитъ?

Гамлетъ. Король великій нашъ проводить ночи,
 Какъ вамъ извѣстно, въ пляскѣ и пирѣхъ.
 И каждый разъ, какъ выпиваетъ кубокъ
 Рейнвейна онъ — звукъ трубъ и барабановъ
 Слѣшитъ повѣдать міру славный подвигъ,
 Свершенный имъ.

Гораціо.

Чтожъ дѣлать, если здѣсь

Введенъ такой обычай!

Гамлетъ.

Я отвѣчу

Тебѣ на то, что хоть родился самъ
 Я въ Даніи, и могъ давно привыкнуть
 Къ ея обычаямъ, но нахожу,
 Что было бы честнѣй и лучше бросить
 Такой дурной обычай, чѣмъ его
 Поддерживать. Подобныя попойки
 Позоромъ заклеили наше имя
 Во всѣхъ странахъ. Народы упрекаютъ
 За пьянство насъ, честятъ нелестнымъ званьемъ
 Безсмысленныхъ скотовъ! Ведя себя
 Такъ недостойно, мы уничтожаемъ
 Значенье даже тѣхъ хорошихъ качествъ,
 Которыя имѣемъ. Всѣмъ извѣстно,
 Что люди иногда уже съ пеленъ
 Имѣютъ горбъ, уродство иль иной
 Природный недостатокъ, — (въ чемъ винить
 Конечно ихъ нельзя, въ виду того,
 Что мы предписывать не въ состоянны
 Законовъ естеству). — Бываетъ также,
 Что слишкомъ быстрый ростъ душевныхъ качествъ
 Ущербъ наноситъ разуму, иль просто

Находимся подъ гнетомъ нехорошей
Привычки мы, въ разрѣзъ идущей съ тѣмъ,
Что принято. — Такіе люди всѣ,
Нося въ себѣ печальное вліянье
Природнаго порока, точно дара
Несчастной ихъ звѣзды — жестоко платятъ
Въ глазахъ людей и свѣта за такое
Убожество, хотя бы даже были
Они во всемъ другомъ на столько свѣтлы
И хороши, на сколько люди могутъ
Въ себѣ вмѣстить хорошаго. Крупица
Порочнаго испортить можетъ все,
Что истинно прекрасно, обратя
Въ дурное и его — (Является Призракъ).

Гораціо. Вотъ онъ! смотрите!

Гамлетъ. Храните насъ, святая сила неба!...

Будь духъ ты проклятой иль духъ небесный!
Будь ты повить дыханьемъ чистымъ рай
Иль смрадомъ адскихъ безднъ! будь нечестиво,
Иль свято то, что хочешь ты — но видь,
Въ которомъ ты явился, такъ мнѣ дорогъ,
Что я заговорю съ тобой! Зову
Я Гамлетомъ тебя! монархомъ Датчанъ!
Отцомъ моимъ!.. О, отвѣчай, чтобъ я
Не умеръ отъ незнанья! Говори,
Зачѣмъ святой твой прахъ, землею взятый,
Расторгъ свой смертный саванъ? Почему
Тотъ мрачный гробъ, въ который положили
Тебя мы съ миромъ, разметалъ тяжелый
Сводъ мрамора, чтобъ дать тебѣ воспрянуть
Для жизни вновь?... Что означать должно,
Что ты, мертвецъ, облекся снова сталью
И бродишь такъ при трепетной лунѣ,
Ужасной сдѣлавъ ночь? Зачѣмъ пугаешь
Ты насъ, безумцевъ бѣдныхъ, до того,
Что нашъ разумокъ слабый не вмѣщаетъ
Ужасныхъ мыслей вызванныхъ твоимъ

Явленьемъ?.. Говори! Чего ты хочешь?
Что должно дѣлать намъ?

Гораціо. Онъ вамъ киваетъ;
Зоветъ идти за нимъ, какъ будто хочетъ
Открыться вамъ однимъ въ какой-то тайнѣ.

Марцеллъ. Смотрите, какъ онъ ласково даетъ
Вамъ знакъ за нимъ послѣдовать въ иное
Убѣжище. Но только, ради Бога,
Не слушайтесь!

Гораціо. Ни подъ какимъ предлогомъ!
Гамлетъ. Молчите онъ здѣсь — такъ я пойду за нимъ!
Гораціо. Нѣтъ, нѣтъ, прошу васъ!

Гамлетъ. Мнѣ ль его бояться?
Я жизнь цѣню не больше волоса!
А что онъ можетъ причинить дурного
Душѣ моей, когда она бессмертна,
Какъ самъ бессмертенъ онъ? Незримой силой
Меня къ нему влечетъ! Иду!..

Гораціо. А если
Васъ приведетъ съ собою онъ къ безднѣ моря,
На страшный гребень скалъ, склоненныхъ грозно
Надъ волнами, и тамъ, принявъ внезапно
Иной ужасный образъ, помутитъ
Въ васъ проблескъ ясный разума, повергнетъ
Въ безумство васъ? Одумайтесь! Здѣсь мѣсто
Пустынно и ужасно! Видь одинъ
Той страшной высоты, съ какой мы смотримъ
На бездну водъ и слышимъ стонъ и ревъ
Сшибающихся волнъ, внушить способенъ
Отчаянныя мысли.

Гамлетъ. Онъ киваетъ,
По прежнему! Веди! веди! Тебѣ
Иду я въ слѣды!..

Марцеллъ. Оставайтесь принцы!

Гамлетъ (вырываясь). Прочь руки!

Гораціо. Одумайтесь! Идти безумно!

Гамлетъ. Голосъ
Самой судьбы зоветъ меня! Онъ придастъ
Моей малѣйшей фибрѣ мощь и крѣпость
Разъяреннаго льва! (Призракъ киваетъ головой).
Зоветь! Пустите!
Прочь отъ меня! иль сдѣлаю, клянусь,
Я призракомъ того, кто загородитъ
Дорогу мнѣ! Прочь, говорю!.. Веди!
Тебѣ иду я въ слѣдъ. (Уходитъ за Призракомъ).

Горацио. Онъ вѣдъ себя
Подъ гнетомъ возбужденія!

Марцеллъ. Мы должны
Идти за нимъ. Не слушаться его,
Велятъ намъ долгъ и преданность.

Горацио. Да, да!
Идемъ за нимъ! Но чѣмъ должно все это
Окончиться?

Марцеллъ. Не доброе творится
У насъ въ странѣ.

Горацио. Храни насъ Богъ!

Марцеллъ. Идемъ!
(Уходятъ).

СЦЕНА 5-я.

Аллея въ паркѣ. Луна.

(Гамлетъ слѣдуетъ за Призракомъ).

Гамлетъ. Куда меня ведешь ты? Отвѣчай!
Я далѣе неиду.
Призракъ. Готовься слушать!
Гамлетъ. Готовъ! готовъ!

Призракъ. Уже близокъ часъ, когда
Вновь снизойти я долженъ въ злую бездну
Огня и адскихъ мукъ!

Гамлетъ. О, призракъ бѣдный!

Призракъ. Не жалость мнѣ нужна! Внимай тому,
Что я тебѣ открою!

Гамлетъ. Говори!
Тебя я долженъ слушать.

Призракъ. Долженъ также
Отмстить, услышавъ!

Гамлетъ. Что?...

Призракъ. Передъ тобой
Безплотный духъ отца. Приговоренъ
Судьбою я бродить во мракѣ ночи
До срока здѣсь, а днемъ томиться въ мукахъ,
Пока сгорятъ свершонные при жизни
Мной тяжкіе грѣхи и буду тѣмъ
Очищенъ я. Мнѣ права не дано
Разоблачать передъ тобою тайны
Тюрьмы моей; но если бѣ могъ я только
Повѣдать ихъ — я растерзалъ бы духъ твой!..
Отъ ужаса твоя застыла бѣ кровь!..
На головѣ, какъ иглы дикобраза
Твои бѣ поднялись волосы, глаза же,
Сверкнувъ какъ звѣзды, вышли бѣ изъ орбиты!
Но нѣтъ ушей и глазъ, одѣтыхъ плотью,
Которые могли бы перенести
Разсказъ объ этихъ ужасахъ!.. О, Гамлетъ!
Когда любилъ отца при жизни ты,
Внимай ему теперь!

Гамлетъ. О, Боже! Боже!..

Призракъ. Отмсти, отмсти за страшное убійство!

Гамлетъ. Убійство?..

Призракъ. Да! Всегда оно бываетъ
Злодѣйствомъ страшнымъ, то же, о которомъ
Я говорю — чудовищѣй всего,
Что можно лишь представить!

Гамлетъ.

О, сиѣши лишь

Его открыть, чтобъ я быстрѣ вѣтра,
Иль грезъ любви, могъ ринуться для мести!

Призракъ. Твою готовность вижу я—но впрочемъ
Ты былъ бы пусть и гниль своей душой,
Какъ гниль тростникъ, что прозябаетъ въ тинѣ
Угрюмой Леты, если бы остался
Позорно равнодушнѣ къ тѣмъ дѣламъ,
Какія ты узнаешь! — Слушай, Гамлетъ:
Молва людей повсюду разгласила,
Что былъ змѣей ужаленъ я, заснувъ
Въ моемъ саду. — Вся Данія была
Обманута позорною неправдой.
Но знай, мой честный сынъ, что злобный змѣй,
Которымъ я ужаленъ, ходитъ нынче
Въ моемъ вѣнцѣ!

Гамлетъ.

О, вѣщій, тайный голосъ

Души моеи!.. Мой дядя!

Призракъ.

Онъ!.. Безчестный,

Развратный звѣрь! Онъ рядомъ обольщеній,
Даровъ и чаръ — (да будетъ проклятъ тотъ,
Кто обладаетъ дьявольскою силой
Подобныхъ средствъ!) — успѣлъ очаровать
И въ грѣхъ ввести святую съ виду душу
Жены моей! — О, Гамлетъ, Гамлетъ! страшно
Подобное паденье! Такъ смѣнить
Меня, что такъ любилъ ее! Меня,
Чья преданность объ руку съ нею шла
Съ минуты клятвы, данной мной при бракѣ...
И на кого жъ? На вырожда, въ комъ нѣтъ
Подобія того, чѣмъ одаренъ былъ
Природой я!.. Но точно такъ, какъ честность
Останется неизблемой, хотя бы
Ее пытался совратить пороки
Подъ ангельской личиной — такъ и грѣхъ,
Коль разъ имъ заразился даже ангель,
Себѣ не снѣдетъ радости и встрѣтитъ

Лишь грязь одну на самомъ чистомъ ложѣ! —
Но время кончить мнѣ—уже несется
Съ востока свѣжесть утра! — Въ часъ, когда
Забылся сномъ полдневнымъ, по привычкѣ,
Спокойно я въ саду — когда кругомъ
Дышало миромъ все — твой дядя тихо
Ко мнѣ подкрался съ ядовитымъ сокомъ
Проклятой бѣлены и въ ухо мнѣ
Ужасный влилъ составъ! составъ, чья сила
Такъ пагубна для насъ, что въ мигъ одинъ
Проносится онъ, точно ртуть живая,
По всѣмъ сосудамъ тѣла и мертвитъ
Живую кровь, какъ укусуе молоко.
И тутъ, подобно Лазарю страдальцу,
Увидѣлъ я, что въ мигъ одинъ я былъ
Покрытъ корою струнцевъ! Братъ родной
Лишилъ меня во время сна короны
И жизни и жены! Сражонъ я былъ
Въ нечестьи, безъ молитвъ, безъ покаянья!
И долженъ былъ предстать передъ верховнымъ
Судей небесъ со всей тяжелой ношей
Грѣховъ моихъ!... О! страшно! страшно! страшно!..
Когда ты духомъ бодръ, не допусти,
Чтобы развратъ нашелъ себѣ пріютъ
На царскомъ Датскомъ ложѣ! — Но, на что бы
Ни вздумалъ ты рѣшиться, чтобъ отмстить —
Останься чистъ въ намѣреніяхъ своихъ,
Равно какъ и въ дѣлахъ, во всемъ, что можетъ
Твоей коснуться матери! Пускай
Ее караютъ Небо и шипы
Тѣхъ терновъ злыхъ, что жалятъ и терзаютъ
Ее укоромъ совѣсти! — Прощай,
Разъ навсегда! Ужъ отъ зари блѣднѣетъ
Свѣтящійся червякъ; безсильный свѣтъ
Его померкнетъ!.. Прощай, мой сынъ, мой Гамлетъ!
Прощай, прощай и помни обо мнѣ!..

(Исчезаетъ).

Гамлетъ. О, силы Неба! О, земля! — Что дальше?..

Прибавить ли и адъ?.. Смирись душа!

Скрѣпитесь нервы! дайте силы тѣлу

Сдержать себя!.. Тебя я долженъ помнить!..

Да, да несчастный духъ! Не позабуду,

Покуда искра памяти живетъ

Въ моемъ заблудшемъ черепѣ!.. Мнѣ помнить!..

Сотру я все изъ памяти моей,

Что было въ ней пустого, все, что только

Я вычиталъ или видѣлъ! всѣ замѣтки,

Какія въ ней вписало размышленіе,

Иль молодость!.. Одни твои слова

Впередъ въ ней будутъ жить! Однимъ имъ будетъ

Вмѣстилищемъ мой мозгъ! Все остальное

Изгложу въ немъ! Да, да! клянуся небомъ!..

О, злая, злая женщина! Бездѣльникъ,

Съ улыбкой на лицѣ, злодѣй проклятый!..

Гдѣ, гдѣ мои листки? Я запишу

На память въ нихъ, что можно быть злодѣемъ

И лгать съ веселымъ смѣхомъ! Такъ бываетъ

По крайней мѣрѣ въ Даніи! *(записываетъ)* Ну вотъ,

Покончилъ съ дядей я! Теперь отмѣчу

И то, что впредь моимъ девизомъ будетъ:

«Прощай, прощай! и помни обо мнѣ».

Я въ этомъ клятву далъ!

Гораціо *(за сценой)*. Принцъ, принцъ!

Марцеллъ *(за сценой)*. Принцъ Гамлетъ!

Гораціо *(за сценой)*. Храни васъ Богъ!

Марцеллъ *(за сценой)*. Да будетъ такъ!

Гораціо. Подайте

Намъ голосъ Принцъ!

Гамлетъ. Сюда, малютка мой!

Сюда, мой вѣрный соколъ!

(Входятъ Гораціо и Марцеллъ).

Марцеллъ. Что случилось,

Достойный Принцъ?

Гораціо. Что вы узнали здѣсь?

Гамлетъ. О, чудеса!

Гораціо. Скажите намъ, въ чемъ дѣло?

Гамлетъ. О нѣтъ, вы проболтаетесь!

Гораціо. Не я лишь,

Клянусь вамъ въ томъ!

Марцеллъ. Клянусь равно и я!..

Гамлетъ. Ну могъ ли кто, когда нибудь, подумать?..

Но вы клялись молчать?

Гораціо и Марцеллъ. Клянемся, принцъ!

Гамлетъ. Нѣтъ въ Даніи злодѣя, кто бы не былъ

Съ тѣмъ вмѣстѣ и мошенникъ!..

Гораціо. Ну, чтобъ это

Повѣдать вамъ, не стоило вставать

Покойнику изъ гроба.

Гамлетъ. Правъ исполни ты,

И потому, чтобъ больше не болтать,

Мнѣ кажется всего намъ будетъ лучше

Спокойно разойтись, пожавши руки

Другъ другу на прощанье. Вы пойдете

Къ своимъ дѣламъ или искреннимъ желаньямъ —

(Затѣмъ что вѣдь навѣрно есть у всѣхъ)

Желанья или дѣла) — а я къ своимъ!

Мнѣ надо помолиться!

Гораціо. Ваша рѣчь

Дика и странна принцъ.

Гамлетъ. Ее находишь

Обидной ты? О вѣрь, что я жалѣю

О томъ сердечно!

Гораціо. Тутъ обиды нѣтъ.

Гамлетъ. Есть, добрый другъ! клянусь святымъ Патрикомъ!

Обида есть и тяжкая!.. Но что

Касается до призрака — онъ, вѣрьте

Святой и честный призракъ — въ этомъ я

Даю свое вамъ слово! Если жъ вы

Желаете узнать во чтобъ ни стало,

Что было между нами — обуздайте

Желанье то, какъ можете. — Теперь же

Къ вамъ обращаюсь, товарищи мои
По школѣ и войнѣ, я съ бѣдной просьбой.

Гораціо. Въ чемъ просьба принцъ? Ее исполнимъ мы.

Гамлетъ. Держите въ вѣчной тайнѣ то, что нынче
Мы видѣли.

Гораціо и Марцеллъ. Даемъ вамъ въ этомъ слово.

Гамлетъ. Нѣтъ, поклянитесь!

Гораціо. Я даю вамъ клятву.

Марцеллъ. Равно и я.

Гамлетъ. На мечъ кладите руки!

Марцеллъ. Къ чему? вѣдь мы клялись ужъ.

Гамлетъ. Нѣтъ, въ порядкѣ!

Какъ слѣдуетъ, съ руками на мечѣ!

Призракъ (*изъ подъ земли*). Клянитесь!

Гамлетъ. А! вы слышите? Пріятель

Въ своей норѣ отъ насъ недалеко.

Клянитесь други!

Гораціо. Повторите клятву.

Гамлетъ. Клянитесь на мечѣ, что никому

Не скажете о видѣнномъ!

Призракъ (*изъ подъ земли*). Клянитесь!

Гамлетъ. *Nic et ubique!* Перемѣнимъ мѣсто!

Сюда друзья! на мечъ кладите руки.

Клянитесь никогда не говорить

О слышанномъ. Мечомъ моимъ клянитесь!

Призракъ (*изъ подъ земли*). Мечомъ его клянитесь!

Гамлетъ. Ха! недурно!

Ты славно роешь землю старый кротъ!

Годишься въ рудокопы! Отойдете

Друзья еще подальше.

Гораціо. Станнымъ чудомъ

Мнѣ кажется все это.

Гамлетъ. Береги же

Ты эту странность, какъ бы сталъ беречь

Ты странника, который захотѣлъ бы

Найти пріютъ въ дому твоёмъ! Повѣрь

Гораціо, что на землѣ и въ небѣ

Есть болѣе чудесъ, чѣмъ снилось всей
Людской премудрости — Но отойдете!

Клянитесь здѣсь, какъ вы клялись мнѣ прежде, —

И небо да поможетъ вамъ исполнить

Дарованную клятву — что какую бѣ

Замѣтитъ ни случилось вамъ въ моихъ

Поступкахъ странность или даже дикость —

(Затѣмъ что можетъ быть найду и нужнымъ

Держать себя впередъ не такъ, какъ это

Привыкли видѣть всѣ) — клянитесь въ томъ,

Что вы, при этомъ видѣ, никогда

Не станете подмигивать, шептаться,

Качать, скрестивши руки, головой,

Иль бормотать сомнительныя фразы,

Какъ наприимѣръ: «мы знаемъ кое что»

— «Могли бѣ мы рассказать, когда бѣ хотѣли» —

Иль что нибудь въ подобномъ родѣ, чѣмъ бы

Могли людей заставить вы подумать,

Что вамъ извѣстно что то про меня.

Клянитесь въ этомъ мнѣ, и да пошлетъ

Вамъ небо силъ исполнить эту клятву!

Призракъ (*подъ землею*). Клянитесь!

Гамлетъ. Полно, полно! Миръ съ тобой,

Несчастный духъ! — Теперь друзья я вамъ

Довѣрился вполнѣ и въ заключенье

Скажу, что васъ люблю! Повѣрьте — все,

Что можетъ сдѣлать добраго любовь

Такой ничтожной личности какъ Гамлетъ —

Я, Божьей волей, сдѣлаю. — Идемте жъ! —

Но помните: молчанье на устахъ!

Весь міръ кругомъ разстроенъ и вѣдь надо жъ

Бѣдѣ случиться было, что обрекъ

Исправить зло *меня* мой злобный рокъ! —

Все кончено теперь! идемте вмѣстѣ

(*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Комната въ домѣ Полонія.

(Входятъ Полоній и Рейнальдъ).

Полоній. Ему отдашь ты деньги и замѣтки.

Рейнальдъ. Исполню все.

Полоній. Ты поступилъ бы очень
Недурно и умно, когда бы прежде
Чѣмъ съ нимъ увидѣться, успѣлъ узнать
Кой что о томъ, какъ онъ живетъ.

Рейнальдъ. Я это
И думалъ сдѣлать такъ.

Полоній. Хвалю вполне!
Сначала постарайся разузнать
О датской молодежи, что живутъ
Теперь въ Парижѣ: кто они? какія
У каждаго есть средства? сколько тратятъ?
Съ кѣмъ водятся—ну словомъ все; а тамъ,
Развѣдавши разумнымъ же манеромъ,
Что сынъ мой имъ извѣстенъ—заведи
Рѣчь и о немъ; но только осторожно,
Издаека! Представься, что о немъ
Ты лишь слыхалъ; скажи, что знаешь только
Отца его и близкихъ; съ нимъ самимъ же
Знакомъ немного!...—Понялъ ты Рейнальдъ
Что я сказалъ?

Рейнальдъ.

Прекрасно понялъ.

Полоній.

«Съ нимъ же

Знакомъ немного». — Лучше будетъ даже
Коль скажешь ты: «почти что незнакомъ».
И тотчасъ же прибавь, «что если это
Тотъ самый юноша, то по наслышкѣ
Пустой гуляка онъ; что есть не мало
За нимъ грѣшковъ!» И наплети при этомъ
Ты на него все, что взбредетъ на умъ.
Конечно промолчи о томъ, что можетъ
Его затронуть честь — подобной лжи
Остерегайся строго — все жъ другое:
Кутежъ, распутство, шалости — ну словомъ,
На что такъ падка молодость — ты можешь
Валить ему на плечи.

Рейнальдъ.

Напримѣръ

Пристрастіе къ игрѣ.

Полоній.

Ну да! къ игрѣ,

Къ вину или дракамъ, къ женщинамъ, ну словомъ
Ко всѣмъ такимъ продѣлкамъ. — Такъ далеко
Зайти ты можешь.

Рейнальдъ.

Но такая слава

Его вѣдь опозоритъ.

Полоній.

Ни, ни, ни!

Умѣй лишь соблюсти во всемъ, что будешь
Разсказывать, ты мѣру. Такъ: коль скоро
Зайдетъ вопросъ о легкомъ поведеніи —
Обмолвись не вздумай, что распутенъ
Онъ по натурѣ—въ этомъ обвинять
Его я не хочу — но опиши
Его проступки такъ, чтобы увидали
Въ нихъ просто увлеченье, вспышки юной
Горячей, пылкой крови, или игру
Бурливаго ума, чему не чужды
Всѣ юноши...

Рейнальдъ.

Однако....

Полоній.

Хочешь знать ты,

Зачѣмъ тебѣ приказываю я
Такъ поступить?

Рейнальдъ. Да, я узнать хотѣлъ бы.

Полоній. Сейчасъ скажу. — (Я выдумалъ свой планъ
И вѣрю въ то, что онъ достигнетъ цѣли).
Когда ты очернить его успѣешь
Слегка въ такихъ поступкахъ, отъ которыхъ
Едважь изъять хоть кто нибудь — замѣтъ
Внимательно тогда, то, что отвѣтитъ
Тебѣ твой собесѣдникъ, отъ кого
Узнать ты хочешь правду. Если онъ
Самъ замѣчалъ, что юноша виновенъ
Дѣйствительно въ грѣшкахъ, какіе ты
Лишь на него всклепалъ — онъ непремѣнно
Съ тобою согласится, заведи
Такую рѣчь: «да сударь», «да мой другъ»,
«Да господинъ» — ну словомъ какъ привыкъ онъ
Самъ говорить, иль говорить привыкли
Въ его странѣ...

Рейнальдъ. Исполню все.

Полоній. И вотъ
Тогда то онъ.... что бишь хотѣлъ сказать я?
Вотъ и забылъ! О чемъ я говорилъ?

Рейнальдъ. Сказали вы: «съ тобою онъ согласится
И заведи такую рѣчь: «да сударь»
«Да-господинъ». —

Полоній. Ну да: «онъ согласится»
Такъ, такъ дѣйствительно! — а тамъ сейчасъ же
Обмолвится, что вотъ и такъ и такъ:
«Видалъ и я молодчика вчера,
Иль въ день иной, съ такими то людьми;
Какъ онъ игралъ иль слишкомъ много выпилъ,
Какъ ссорился, играя въ мячъ; ходилъ
Въ публичный домъ, (videlicet — развратный),
И дальше въ этомъ родѣ. — Этимъ средствомъ,
Ты видишь самъ, поймашь рыбку правды
Крючкомъ ты жи! — Вотъ такъ-то старики,

Мы съ виду хоть и бродимъ вкривь и вкось,
Анъ поглядишь и выйдемъ на дорогу
Околою тропой! Не даромъ въ насъ
Есть опытность и знанье! — Ты легко
Узнаешь все о сынѣ, если только
Послѣдуешь тому, что я писалъ
И говорилъ. Ну чтожь? меня ты понялъ?

Рейнальдъ. Все понялъ.

Полоній. Ну такъ съ Богомъ! отправляйся!

Рейнальдъ. Прощайте.

Полоній. Что замѣтишь въ немъ, держи
Объ этомъ про себя.

Рейнальдъ. Исполню.

Полоній. Онъ же
Пускай себя считаетъ на свободѣ,
И дѣлаетъ что хочетъ.

Рейнальдъ. Все исполню,
Повѣрьте мнѣ, какъ слѣдуетъ.

Полоній. Прощай!

(Рейнальдъ уходитъ. Входитъ Офелія въ испугъ).

Полоній. Офелія! Что значить твой приходъ?

Офелія. Ахъ батюшки! Я не приду въ себя
Отъ страха и волненія!

Полоній. Что? Въ чемъ дѣло?
Скажи скорѣй!

Офелія. Я за шитьемъ сидѣла
Спокойно у себя, какъ вдругъ ко мнѣ
Вбѣжалъ внезапно Гамлетъ. Грудь колета
Была на немъ растегнута, чулки,
Веѣ въ складкахъ, безъ подвязокъ, обивали,
Спустившись, пятки ногъ; онъ былъ безъ шляпы
И блѣдный, какъ рубашка, трясся такъ,
Что выступы колѣнъ его, дрожжа,
Стучали другъ объ друга. Вся наружность
Его была исполнена такимъ
Отчаяньемъ, что можно было думать
Онъ вырвался изъ ада, чтобъ повѣдать

Объ ужасахъ его. Въ подобномъ видѣ
Приблизился ко мнѣ онъ.

Полоній. Онъ рехнулся,
Любя тебя.

Офелія. Не знаю, но боюсь,
Не такъ ли въ самомъ дѣлѣ.

Полоній. Что сказалъ онъ?

Офелія. Онъ крѣпко ухватилъ и сжалъ мнѣ руку
Одной рукой, и вытянувъ ее
Во всю длину, схватилъ себя другою
За голову—вотъ такъ. Потомъ, вперивъ
Въ меня глаза такъ пристально, какъ будто бѣ
Хотѣлъ нарисовать мое лицо,
Онъ долго пробылъ въ этомъ положеніи;
Затѣмъ потрясъ мнѣ руку, покачалъ
Три раза головой, вздохнулъ такъ тяжело,
Какъ будто съ этимъ вздохомъ вырывалась
Его душа и наконецъ, пронзая
Меня какъ прежде взглядомъ, съ головой,
Повернутой ко мнѣ черезъ плечо,
Онъ тихо удалился, не глядя
Куда онъ шелъ и отыскавши двери
Какъ будто бѣ оцущью!

Полоній. Пойдемъ со мною
Сейчасъ же къ королю. Онъ повредился!
Сомнѣнья нѣтъ, и это отъ любви.
Вѣдь худшія бѣды, какія только
Приходится терпѣть намъ на землѣ—
Всѣ отъ нея! На ней всего скорѣе
Свихнуться можемъ мы и натворить
Нелѣпѣйшихъ продѣлокъ!.. Жаль сердечно!
Не слишкомъ ли сурово обошлась
Ты съ нимъ въ послѣдній разъ?

Офелія. О нѣтъ! я только
Сказала, какъ велѣли вы, чтобъ онъ
Мнѣ больше не писалъ и вообще
Ко мнѣ не обращался.

Полоній.

Вотъ на этомъ,

Онъ, значить, и рехнулся! Жаль, что я
Поспѣшно поступилъ и не обдумалъ
Его поступковъ лучше! Мнѣ казалось,
Что просто онъ шадить и натолкнетъ,
Что добраго, на глупость и тебя!
Жаль, жаль! виню себя! — Должно быть, впрочемъ,
У стариковъ заходить ужъ всегда
Въ сужденьяхъ умъ за разумъ — молодые жъ
Бѣгутъ впередъ, не мысля ни о чемъ...
Пойдемъ же къ королю! Я непременно
Ему все передамъ. Молчанье можетъ
Въ такихъ дѣлахъ надѣлать больше бѣдъ,
Чѣмъ выйдетъ зла, когда открытъ секретъ.
(Уходятъ).

СЦЕНА 2-я.

Комната во дворцѣ.

(Входятъ Король, Королева, Розенкранцъ, Гильденштернъ
и свита).

Король. Привѣтъ вамъ, Розенкранцъ и Гильденштернъ!
Причина, по которой васъ сюда
Призвали такъ поспѣшно — не въ одномъ
Желаніи видѣть васъ: я въ васъ нуждаюсь
По дѣлу крайней важности. Быть можетъ
Вы слышали о странной перемѣнѣ
Постигшей принца Гамлета? О ней
Молчать уже нельзя затѣмъ, что всякій
Увидитъ ясно самъ, что по натурѣ,
Равно какъ и въ душѣ, онъ сталъ теперь
Совсѣмъ инымъ, чѣмъ прежде. Я не въ силахъ

Рѣшительно понять, какая можетъ
Зловѣщая причина, кромѣ смерти
Его отца, смущать ему такъ странно
И душу и разумъ! Потому
Прошу я васъ обоихъ, какъ его
Товарищей по юности и школѣ,
Останьтесь здѣсь на время при дворѣ
И сдѣлайте попытку возвратить
Его своимъ вліяніемъ къ прежней жизни
И радостямъ. При этомъ постарайтесь,
На сколько будетъ силъ у васъ и средствъ,
Узнать причину тайнаго несчастья,
Затѣмъ чтобъ мы, узнавъ ее, могли
Придумать, какъ помочь ему.

Королева. Принцъ часто
И много говорилъ о васъ обоихъ.
Мнѣ кажется, что даже въ мірѣ нѣтъ
Двоихъ друзей, которыхъ бы любилъ онъ
Такъ горячо. Когда вы согласитесь
Намъ доказать любовь свою и дружбу,
Оставшись при дворѣ, чтобы помочь
Достичь желанной цѣли, вѣрьте, мы
По царски васъ съумѣемъ наградить
За вашу преданность!

Розенкранцъ. Могу сказать
На это я, за насъ обоихъ, вашимъ
Величествамъ, что наши долгъ и вѣрность
Предписываютъ намъ всѣ ваши просьбы
Считать за приказанья.

Гильденштернъ. Оба мы
Послушны вамъ и, преклонясь съ почтеньемъ
Предъ вашей волей, повергаемъ къ вашимъ
Стопамъ свои услуги.

Король. Благодаренъ
Душевно вамъ я, добрый Розенкранцъ
И Гильденштернъ!

Королева. Примите и мою

Сердечную признательность. Прошу васъ
Отправиться немедленно къ моему,
Увы! столь измѣнившемуся сыну! (*Обращаясь къ свитѣ*).
Пусть, господа, проводить кто-нибудь
Ихъ къ принцу Гамлету.

Гильденштернъ. Пусть небо намъ
Поможетъ сдѣлать наше пребыванье
Ему полезнымъ.

Королева. Дай вамъ Богъ успѣха!
(*Уходятъ Розенкранцъ, Гильденштернъ и нѣкоторые
изъ свиты. Входитъ Полоній*).

Полоній. Сейчасъ вернулись съ добрыми вѣстями
Норвежскіе послы.

Король. Ты былъ всегда
Отцомъ хорошихъ новостей.

Полоній. Уже ли? —
Ну если такъ, то это потому,
Что я душой и тѣломъ вѣчно преданъ
Былъ Господу и вамъ! Скажу еще,
Что если сохранилась капля смысла
На столько въ головѣ моей, что можетъ
Она судить, какъ прежде, о дѣлахъ,
То я открылъ и тайную причину
Безумства Гамлета.

Король. Такъ поспѣши
Ее открыть и намъ. Я въ нетерпѣннѣ
Узнать скорѣй

Полоній. Нѣтъ, ужъ позвольте прежде
Войти посламъ; мою же вѣсть хочу
Сберечь я для десерта, какъ на пирѣ.

Король. Прими пословъ и приведи ихъ самъ.

(*Полоній уходитъ*).

Ты знаешь ли, мой другъ, онъ увѣряетъ,
Что будто бы успѣлъ узнать причину
Разстройства сына нашего.

Королева. Я твердо
Убѣждена, что вся причина въ смерти

Его отца и въ нашемъ скоромъ бракѣ.
(Возвращается Полоній съ Корнелиемъ и Волтимандомъ).

Король. Подумаемъ, узнаемъ. — (Посламъ) Съ возвращеньемъ,
Любезные друзья! Что намъ велѣлъ
Сказать норвежскій братъ?

Волтимандъ. Онъ возвращаетъ
Вамъ дружескій привѣтъ вашъ, а затѣмъ
Велѣлъ сказать, что вслѣдъ за представленьемъ,
Какое вами сдѣлано, онъ тотчасъ
Остановилъ вербовку для войны,
Начатую племянникомъ, въ которой
Ошибочно онъ видѣлъ лишь угрозу
Для поляковъ, теперь же убѣдился,
Что замыслы племянника грозили
Скорѣ вамъ. Глубоко огорченный,
Что старость и болѣзнь его могли
Причиной быть подобнаго обмана,
Онъ приказалъ немедля Фортинбрасу
Смирить свои затѣи и поклясться,
Что никогда себѣ онъ не позволить
Возстать на васъ, на чѣмъ племянникъ тотчасъ
Ему далъ слово. — Престарѣлый воинъ
На радости назначилъ Фортинбрасу
Погодный даръ въ три тысячи червонцевъ
И разрѣшилъ идти съ набраннымъ войскомъ
На поляковъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ просить онъ,
Вотъ этой самой грамотой, чтобъ вы
Позволили для этого похода
Пройти войскамъ чрезъ датскія владѣнья.
Условія прохода, въ чемъ онѣ
Гарантируютъ вашу безопасность,
Изложены въ письмѣ.

Король. Я очень радъ.
Подробности письма и нашъ отвѣтъ
Обсудимъ мы потомъ. Благодарю
Пока обоихъ васъ за разрѣшенъе
Столь важнаго вопроса. — Отдохните

Отъ труднаго пути; сегодня жъ ночью
Мы вмѣстѣ попируемъ! До свиданья!

(Корнелій и Волтимандъ уходятъ).

Полоній. Вотъ хорошо оконченное дѣло!

Теперь за мною рѣчь! — Напрасно будетъ
Мнѣ излагать предъ вами, государь,
И вами, государыня, въ чемъ суть
Монаршаго величья, каковы
Обязанности подданныхъ, зачѣмъ
Смѣняють ночи дни, зачѣмъ плетется
Не такъ а этакъ время. — Разсуждать
Объ этакихъ вопросахъ было бъ только
Потерей дня и времени и ночи.
А потому, установивъ безспорно,
Что въ краткости душа и суть ума,
Въ болтливости жъ одна его лишь форма,
Иль тѣло безъ души — я постараюсь
Быть краткимъ самъ. — Вашъ благородный сынъ
Сошелъ съ ума! Я говорю такъ прямо
Затѣмъ, что если выразить намъ надо,
Въ чемъ суть безумія, то можно только
Сказать одно, что просто человѣкъ
Сошелъ съ ума! — Но дальше...

Королева. Попрошу я
Поменьше словъ и больше дѣла.

Полоній. Словъ,
Клянусь, я не люблю, и ихъ терять
Не буду даромъ! — Дѣло въ томъ, что Гамлетъ
Сошелъ съ ума — и это правда. Правда
Такого рода горестна, что также
Должно назваться правдой! — Вотъ забавный,
Не правда ль, оборотъ? — Но бросимъ это:
Я фразамъ врагъ. — Рѣшивъ вопросъ, что Гамлетъ
Сошелъ съ ума, намъ должно уяснить
Себѣ причину этого уродства.
Сказать вѣрнѣе, впрочемъ бы, *юродства*,
Затѣмъ, что здѣсь юродство частный случай,

Уродство жъ — общій. Продолжая дальше,
Я убѣдительно прошу васъ взвѣсить
Теперь, что я скажу: извѣстно вамъ,
Что я имѣю дочь — имѣю точно!
Взгляните жъ что, по долгу послушанья,
Она передала мнѣ. Обсудите
И сдѣлайте затѣмъ разумный выводъ.

(Вынимаетъ и читаетъ письмо).

«Небесному идолу души моей, наипрелестнѣйшей Офеліи»

«Наипрелестнѣйшей!» какое дурное вульгарное выраженіе!
Но слушайте дальше.

«Пусть хранитъ она это на своей бюстнѣйшей груди.»

Королева. Писалъ ей это Гамлетъ?

Полоній. Подождите!

Что писано, читаю я буквально.

(Продолжаетъ читать).

Пусть не вѣрятъ, что звѣзды сіяютъ!

Пусть не вѣрятъ движенью свѣтилъ!

Ложью истину пусть называютъ!

Вѣрь лишь въ то, что тебя я любилъ!

«О, милая Офелія! у меня помутился умъ отъ этого рюмонлетства! Я не
умѣю говорить размыѣренными вздохами, но знаю лишь то, что тебя
люблю! О, вѣрь этому, вѣрь! Прощай!»

Твой навѣки, милое существо!
твой до тѣхъ поръ, пока при-
надлежитъ мнѣ это тѣло.

Гамлетъ.»

Вотъ что передала, изъ послушанья,
Мнѣ дочь моя, прибавивъ сверхъ того
Разсказъ о тѣхъ искательствахъ, какими
Преслѣдовалъ ее, то тамъ, то здѣсь,
Принцъ Гамлетъ часто.

Король. Какъ же принимала

Она его искательства?

Полоній. Какого

Вы мнѣнъ обо мнѣ?

Король. Тебя считалъ я

Всегда хорошимъ, честнымъ чедовѣкомъ.

Полоній. Я буду имъ всегда. Такъ вотъ теперь

Вы и скажите: что могли бы подумать

Вы обо мнѣ, когда бы я, замѣтя

Подобную любовь — (а я ее

Замѣтилъ ужъ давно! гораздо прежде,

Чѣмъ мнѣ созналась дочь) — скажите жъ, что

Подумали бы вы иль королева,

Когда бы я при этомъ разыгралъ

Лишь роль пустой прикрасы, иль кармана

Для ихъ любовныхъ писемъ? Былъ бы нѣмъ,

Иль глухъ къ тому, что вижу? — Нѣтъ! я твердо

Пошелъ на встрѣчу дѣлу! Я сказалъ,

Моей красавицѣ: «тебѣ до принца

Какъ до звѣзды небесной далеко!

Все это пустяки!» и приказалъ

Ей тотчасъ же перемѣнить свое

Съ нимъ обращенье, отказать въ приѣмъ

Посланий и подарковъ, словомъ быть

Какъ можно холоднѣй. Она конечно

Исполнила сейчасъ, что я велѣлъ;

А онъ, съ своей отвергнутой любовью,

Сначала впалъ въ уныніе, потомъ

Въ бессонницу, утратилъ аппетитъ,

Сталъ слабъ и хилъ, а наконецъ совсѣмъ

Сошелъ съ ума, о чемъ теперь мы всѣ

Печалимся!.. Вотъ и конецъ разсказа!

Король. Ужель причина въ томъ?

Королева.

Весьма возможно!

Полоній. Бывало ли, припомните, хоть разъ,

Что если я въ какомъ-нибудь вопросѣ

Сказалъ: «причина тутъ» — то выходило бы

Наоборотъ?

Король. Я, признаюсь, не помню.

Полоній. Я голову даю на отсѣченье,

Что это такъ! — Повѣрьте, если я

Искать рѣшился правды, то найду

Ее на двѣ морскомъ. Была бы только
Мнѣ нить для руководства!

Король. Чѣмъ же въ этомъ
Мы можемъ убѣдиться?

Полоній. Принцъ привыкъ
Прожаживаться цѣлыми часами
По этой галлерей.

Королева. Это правда.

Полоній. Я подошлю къ нему въ такой часокъ
Офелію, а сами встанемъ мы
За занавѣской, чтобъ слѣдить за ними;
И если вы не убѣдитесь въ томъ,
Что бѣдный принцъ свой потерялъ разсудокъ
Единственно отъ нѣжной страсти къ ней,
То пусть не буду больше вашимъ я
Совѣтникомъ и пусть меня пошлютъ
Гонять коровъ на фермѣ.

Король. Испытаемъ.
(*Входитъ Гамлетъ, читая книгу*).

Королева. Смотрите! вотъ несчастный! Какъ печально
Онъ смотритъ въ книгу!

Полоній. Отойдите прочь!
Я съ нимъ заговорю. Оставьте мнѣ
Свободу дѣйствовать!

(*Король, королева и свита уходятъ*).
Полоній. Здоровы ль вы,

Достойный принцъ?

Гамлетъ. Слава Богу! Здоровъ совершенно.

Полоній. Вы узнали меня, принцъ?

Гамлетъ. Какъ нельзя лучше! Ты рыбака.

Полоній. Вы ошибаетесь, принцъ.

Гамлетъ. Въ такомъ случаѣ желаю тебѣ быть порядочнымъ
человѣкомъ.

Полоній. Порядочнымъ, принцъ?

Гамлетъ. Ну да, порядочнымъ! Такого человѣка можно съис-
кать на землѣ развѣ только сдѣлавъ выборъ изъ десяти
тысячъ.

Полоній. Это совершенная правда, принцъ.

Гамлетъ. Ужь если солнце, будучи божествомъ, не брезгаетъ
цѣловать падаль, и пригрѣвая мертвую собаку, произво-
дитъ однихъ червей!... Скажи, есть у тебя дочь?

Полоній. Есть, принцъ.

Гамлетъ. Не позволяй ей гулять по солнцу! Плодородіе, ко-
нечно, благодать, но берегись такой благодати для твоей
дочери!

Полоній. Чтѣ вы хотите этимъ сказать, принцъ? (*Въ сторону*)
Все сворачиваетъ на мою дочь. Сначала онъ меня не
узналъ и принялъ за рыбака. Спятилъ! рѣшительно спя-
тилъ! Я припоминаю, что въ моей молодости со мною
былъ точно такой же случай и тоже отъ любви. Попро-
бую заговорить съ нимъ еще. — (*Громко*) Что вы читаете
принцъ?

Гамлетъ. Слова, слова, слова!

Полоній. Но въ чемъ дѣло, принцъ?

Гамлетъ. Какое дѣло?

Полоній. Ну, то есть, содержаніе того, чтѣ вы читаете?

Гамлетъ. Одна клевета! Плутъ сатирикъ увѣряетъ, будто у
стариковъ борода сѣдая, лицо въ морщинахъ, глаза сле-
зятся жидкостью густой, какъ клей, ума очень мало, а
колѣни дрожатъ. Я, конечно, вполне убѣжденъ, что все
это правда, но полагаю писать объ этомъ не слѣдуетъ.
Суди самъ: вѣдь ты можешь сдѣлаться такимъ же ста-
рикомъ какъ я, если станешь пятиться назадъ какъ рак!

Полоній (*въ сторону*) Однако, хотя безуміе его несомнѣнно,
тѣмъ не менѣе въ его рѣчахъ замѣтна послѣдователь-
ность. (*Громко*) Не желаете ли вы выдти на воздухъ,
принцъ?

Гамлетъ. Куда? въ могилу?

Полоній. Ну это была бы дѣйствительно перемѣна воздуха!
(*Въ сторону*) Однако, какъ его выраженія иногда мѣткі!
Замѣчательное свойство безумія! Оно подчасъ опредѣ-
ляетъ вещи гораздо легче, чѣмъ могутъ это сдѣлать умъ
и здравый смыслъ! — Оставляю его теперь и подумаю,

какъ устроить ихъ встрѣчу съ моей дочерью. (*Громко*)

Я прошу позволенія удалиться, принцъ.

Гамлетъ. Охотно даю вамъ это позволеніе, равно какъ и все, чтобы вы ни вздумали у меня попросить, кромѣ, однако, моей жизни! кромѣ моей жизни! кромѣ моей жизни!

Полоній. Прощайте! принцъ.

Гамлетъ (*въ сторону*) Какъ скучны эти старые дураки!

(*Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ.*)

Полоній. Вы, господа, вѣрно ищете принца Гамлета? Онъ здѣсь.

Розенкранцъ. Желаю вамъ добраго здоровья. (*Полоній уходитъ.*)

Гильденштернъ. Почтенный принцъ!

Розенкранцъ. Нашъ дорогой принцъ!

Гамлетъ. Неоцѣненные друзья! Какъ поживаете вы оба? и ты Розенкранцъ, и ты Гильденштернъ?

Гильденштернъ. Живемъ поменьшечку, какъ слѣдуетъ маленькимъ людямъ.

Розенкранцъ. И не страдаемъ избыткомъ счастья. Фортуна не удостоила прицѣпить насъ къ вершинѣ своего флюгера.

Гамлетъ. Но не волочить васъ также на подошвѣ своихъ башмаковъ?

Розенкранцъ. О нѣтъ, принцъ!

Гамлетъ. Значитъ, вы помѣстились въ средней ея части, гдѣ и пользуетесь ея дарами?

Гильденштернъ. Она съ нами не церемонится.

Гамлетъ. Вы безцеремонны съ фортуной? Впрочемъ, чтожь тутъ мудренаго? вѣдь она извѣстная развратница... Ну, что новаго?

Розенкранцъ. Ровно ничего, принцъ. Развѣ только что міръ стремится къ добру.

Гамлетъ. Значитъ, не далеко день страшнаго суда... Твоя новость, впрочемъ, несправедлива. Мнѣ хочется сдѣлать тебѣ нѣсколько болѣе частныхъ вопросовъ. Скажи, добрый другъ, чѣмъ ты провинился передъ судьбой, что она отправила тебя въ эту тюрьму?

Гильденштернъ. Въ тюрьму, принцъ?

Гамлетъ. Да вѣдь Данія тюрьма!

Розенкранцъ. Значитъ, весь свѣтъ тюрьма?

Гамлетъ. И еще какая! Въ этой тюрьмѣ множество казематовъ, перегородокъ и отдѣленій. Данія — самое скверное отдѣленіе.

Розенкранцъ. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія, принцъ.

Гамлетъ. Значитъ, Данія тюрьма не для васъ. Вѣдь хорошее и дурное бываетъ на свѣтѣ только потому, что каждый мѣряетъ вещи на свой аршинъ. Для меня міръ тюрьма.

Розенкранцъ. Васъ заставляетъ такъ говорить честолюбіе. Міръ тѣсенъ для вашихъ великихъ замысловъ.

Гамлетъ. О, Боже! Мое честолюбіе могло бы помѣститься въ орѣховой скорлупѣ и я при этомъ все таки считалъ бы себя монархомъ вселенной!.. Вѣда въ томъ, что дурныя грезы мѣшаютъ этому.

Гильденштернъ. Въ этихъ грезахъ и заключается самая суть честолюбія. Оно само не болѣе какъ тѣнь грезъ.

Гамлетъ. Да вѣдь и сама греза не болѣе какъ тѣнь.

Розенкранцъ. Это правда, но я считаю честолюбіе такой легкой вещью, что его можно назвать даже тѣнью самой тѣни.

Гамлетъ. Значитъ, настоящими людьми надо считать нищихъ, а честолюбивые монархи и герои будутъ только ихъ тѣнями. — Не отправиться ли намъ ко двору? Откровенно говоря, я совсѣмъ не мастеръ философствовать.

Розенкранцъ и Гильденштернъ. Мы къ вашимъ услугамъ, принцъ.

Гамлетъ. Прошу безъ услугъ. Я не хочу равнять васъ съ моими прочими прислужниками, потому что, даю вамъ слово честнаго человѣка, они надобѣли мнѣ своимъ присматриваньемъ... Спрошу васъ изъ дружбы: для чего вы пріѣхали въ Эльсинёръ?

Розенкранцъ. Для того, чтобъ видѣть васъ принцъ. Другой причины нѣтъ.

Гамлетъ. Если такъ, то не смотри на то, что я бѣденъ даже въ выраженіи благодарности, я все таки буду благодарить васъ, а моя благодарность, согласатся дорогіе друзья, во всякомъ случаѣ стоитъ грошъ. — Но, скажите: васъ

сюда подослали, или вы явились по доброй волѣ и собственному влеченію? — Говорите правду! Будьте со мною откровенны. Я жду! говорите!

Гильденштернъ. Что намъ сказать вамъ, принцъ?

Гамлетъ. Что хотите, лишь бы это было отвѣтомъ на вопросъ. Васъ подослали? — Въ вашихъ глазахъ читаю я признание, котораго не въ силахъ скрыть ваша скромность. Я знаю, что добрые король и королева послали за вами.

Розенкранцъ. Для какой цѣли, принцъ?

Гамлетъ. На это должны отвѣтить вы. Дайте мнѣ обратиться къ вамъ во имя правъ дружбы, юношескихъ связей, во имя нашей сохранившейся взаимной любви, и наконецъ во имя всѣхъ тѣхъ чувствъ, которыя могъ бы вызвать въ вашей душѣ болѣе искусный ораторъ!.. Будьте со мною откровенны и искренны! Посылали за вами или нѣтъ?

Розенкранцъ (*Гильденштерну*). Что скажешь ты?

Гамлетъ (*въ сторону*). Я наблюдаю за вами въ оба глаза. —

(*Громко*). Если вы меня любите — не скрывайте ничего.

Гильденштернъ. Да, принцъ; за нами послали.

Гамлетъ. Такъ я скажу вамъ, зачѣмъ, и такимъ образомъ моя прозорливость предотвратитъ то неловкое положеніе, въ которое вы поставили бы себя, нарушивъ данное королю и королевѣ обѣщаніе хранить тайну. Однимъ словомъ: блестящія перья вашего положенія не полниняютъ. Съ нѣкотораго времени я, самъ не знаю почему, совершенно потерялъ мою прежнюю веселость и бросилъ старыя привычки. Расположеніе моего духа до того скверно, что вся прекрасно устроенная земля кажется мнѣ безплодной пустыней. Этотъ смѣло вознесшійся небосклонъ, этотъ воздухъ, эта сверкающая золотымъ огнемъ крыша — все это представляется мнѣ какимъ-то сгустившимся, вреднымъ туманомъ! Какое, напримѣръ, прекрасное созданье человѣкъ! Какъ высокъ его разумъ! Какъ безконечны способности! Сколько выразительной красоты въ его наружности и движеніяхъ! Онъ похожъ на ангела въ своей дѣятельности и на Бога въ помыслахъ! Чудо свѣта!

Идеаль существующихъ тварей! И что же? — мнѣ онъ кажется только комкомъ грязи! Человѣкъ не удовлетворяетъ меня — ни даже женщина; и мнѣ кажется, ты подтверждаешь мои послѣднія слова своей улыбкой.

Розенкранцъ. Увѣряю васъ, принцъ, у меня не было и въ умѣ ничего подобнаго.

Гамлетъ. Отчего же ты улыбнулся, когда я сказалъ, что человѣкъ меня не удовлетворяетъ.

Розенкранцъ. Я улыбнулся при мысли, что если вы такъ мало сочувствуете людямъ, то какой дурной приѣмъ должны встрѣтить съ вашей стороны странствующие актеры, которыхъ мы перехватили на дорогѣ и привезли съ собой. Они явились предложить вамъ свои услуги.

Гамлетъ. Тотъ, кто умѣетъ притворяться королемъ, всегда возбудитъ во мнѣ интересъ. Его величество получить достойную награду; странствующій рыцарь пуститъ въ дѣло шпагу и щитъ; любовникъ не станетъ напрасно вздыхать; ворчунъ выскажется свободно до конца; шутъ заставитъ хохотать даже тѣхъ, чьи легкіе не выносятъ смѣху безъ кашля, а героиня безъ помѣхи покажетъ свою страсть, если только не споткнется на бѣлыхъ стихахъ. — Что это за актеры?

Розенкранцъ. Тѣ самые, которыхъ вы уже не разъ слушали съ такимъ удовольствіемъ. Это здѣшняя городская труппа.

Гамлетъ. Почему же она сдѣлалась странствующими? Вѣдь давать представленіе въ одномъ мѣстѣ выгоднѣе и для славы и для кармана.

Розенкранцъ. Я думаю ихъ къ тому принудилъ послѣдній, изданный законъ.

Гамлетъ. Пользуются ли они прежнимъ расположеніемъ публики, какъ въ то время, когда я былъ въ городѣ? Посѣщаютъ ли ихъ представленія?

Розенкранцъ. Далеко не въ такой степени.

Гамлетъ. Это почему? развѣ труппа ухудшилась?

Розенкранцъ. О, нѣтъ! старательность ихъ осталась прежней; но дѣло въ томъ, что рядомъ съ ними здѣсь завелась театральная труппа дѣтей. И вотъ эти-то едва выплыв-

шіяся изъ яицъ цыплята, сдѣлали невозможной съ собою всякую конкуренцію. Они въ большой модѣ и публика аплодируетъ имъ на пропалую. Война, которую они объявили всѣмъ прочимъ вульгарнымъ, по ихъ словамъ, труппамъ, разгорѣлась такъ сильно, что многіе любители, даже хорошо владѣющіе шпагой, не дерзаютъ видѣти на бой съ этими рыцарями гусиныхъ перьевъ.

Гамлетъ. Возможно ли? дѣтская труппа? Кто же ихъ содержать и имъ платить? Будутъ ли они продолжать свое ремесло, когда спадутъ съ голосовъ? А если будутъ — что весьма вѣроятно — и сдѣлаются обыкновенными актерами, если не найдутъ другихъ средствъ жить, то не придется ли имъ пожалѣть, что теперешніе ихъ цѣнители копаютъ яму для ихъ собственной будущности?

Розенкранцъ. Много тутъ было исторій съ обѣихъ сторонъ и публика не скупилась подливать масла въ огонь этой вражды. Бывали даже такіе случаи что удачной постановкѣ какой-нибудь пьесы непременно предшествовала драка, въ которой принимали участіе и авторъ и актеры.

Гамлетъ. Неужели?

Гильденштернъ. Дѣло доходило до разбитыхъ лбовъ и носовъ.

Гамлетъ. И мальчишки одолѣвали?

Розенкранцъ. Представьте, что да. Они снесли статую Геркулеса съ крыши большого театра.

Гамлетъ. Это не удивительно. Вѣдь мой дядя сдѣлался же королемъ Даніи, и теперь тѣ самые люди, которые встрѣчали его при жизни моего отца гримасой, платятъ двадцать, сорокъ и даже сто червонцевъ за его миниатюрный портретъ. Есть что-то странное въ подобныхъ дѣлахъ и очень желательно, чтобъ философія намъ это объяснила!

(За сценой звукъ трубъ).

Гильденштернъ. Это наши актеры.

Гамлетъ. Я очень радъ, господа, вашему приѣзду въ Эльсинёръ. Дайте мнѣ ваши руки! Гостепріимство обязываетъ насъ къ выполненію нѣкоторыхъ наружныхъ обрядовъ и условныхъ приличій. Потому позвольте мнѣ выполнить ихъ относительно васъ для того, чтобъ тотъ отличный

пріемъ, который я непременно сдѣлаю актерамъ, не показался вамъ болѣе пышнымъ, сравнительно съ оказываемымъ вамъ. Повторяю еще, что я очень радъ васъ видѣть, но прибавлю при этомъ, что мой дядя-отецъ и моя тетка-мать ошибаются.

Гильденштернъ. Въ чемъ, принцъ?

Гамлетъ. Я бываю сумасшедшимъ только при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, но когда онъ поворачивается на южный, то я по прежнему дѣлаюсь способнымъ отличить сокола отъ цапли.

(Входитъ Полоній).

Полоній. Поклонъ мой вамъ, господа!

Гамлетъ. Послушай, Гильденштернъ, и ты, Розенкранцъ также. На каждое ухо по слушателю! Видите, вы этого взрослого ребенка, который не вышелъ еще изъ свивальника?

Розенкранцъ. Вѣришь онъ попалъ въ него вновь. Вѣдь говорятъ, что старость возвращеніе къ дѣтству.

Гамлетъ. Держу пари, что онъ прилепился также болтать объ актерсахъ. — Слушайте! *(Громко).* Да, да, господа, ваша правда! это было дѣйствительно въ понедѣльникъ утромъ...

Полоній. Я къ вамъ съ интересными новостями, любезный принцъ!

Гамлетъ. Представьте, я къ вамъ съ такими же!.. Когда Россій былъ актеромъ въ Римѣ....

Полоній. Актеры именно сюда и пріѣхали.

Гамлетъ. Полноте!...

Полоній. Пріѣхали, принцъ, я видѣлъ самъ.

Гамлетъ. Ословъ, на которыхъ они ѣхали?

Полоній. Превосходнѣйшіе актеры!.. Трагедіи, комедіи, хроники, пасторали комическія и историческія, отдѣльныя сцены и поэмы — все входитъ въ ихъ репертуаръ. Плавтъ и Сенека имъ ни почемъ! Законы искусства, какъ писанные такъ и словесные, извѣстны имъ досконально.

Гамлетъ. О, Іевфай! судья израильскій! какимъ сокровищемъ ты обладаешь!

Полоній. Какимъ сокровищемъ я обладаю, принцъ?

Гамлетъ.

Онъ дочерью дивной владѣль
И съ нею быть нѣжнимъ умѣлъ!

Полоній (*съ стороны*). Все о моей дочери!

Гамлетъ. Не правъ ли я, старый Іевфай?

Полоній. Вы вѣрно потому называете меня Іевфаемъ, что я
дѣйствительно имѣю дочь, которую люблю нѣжно?

Гамлетъ. Нѣтъ, пѣсня не такъ продолжается.

Полоній. Какъ же она продолжается, принцъ?

Гамлетъ. А вотъ какъ:

Но волей судьбы роковой...

Далѣе ты знаешь самъ:

Случился съ ней случай такой!

Какой это былъ случай — ты можешь дочитать въ любой
благочестивой балладѣ. (*Входятъ нѣсколько актеровъ*).
Вотъ на счастье пришли спасители, которые меня прер-
вутъ. — Добро пожаловать господа! Душевно радъ васъ ви-
дѣть. (*Обращаясь къ одному изъ актеровъ*). Ва! старый
знакомый! Ты обросъ бородой съ тѣхъ поръ какъ я тебя
видѣлъ въ послѣдній разъ. Впрочемъ, вернувшись на этотъ
разъ въ Данію, ты могъ бы обрить меня самого! (*Обра-
щаясь къ другому*). А ты, изобразитель красавицъ и прин-
цессъ! ты выросъ съ нашего послѣдняго свиданья на вы-
шину цѣлаго венеціанскаго каблука. Моли Бога, чтобы
твой голосъ не заржавѣлъ и не потерялъ звонкости какъ
старая монета. Привѣтъ мой вамъ всѣмъ! Не станемте
же терять времени и бросимтесь, какъ французскіе со-
кольничьи, на первую попавшуюся добычу. Начинайте
какойнибудь монологъ! Покажите намъ ваше искусство!
Только непременно чтонибудь сильное и страстное!

1-й актеръ. Что прикажете прочесть, принцъ?

Гамлетъ. Ты, помню, разъ читалъ мнѣ отрывокъ, который ни-
когда не былъ представленъ на сценѣ, а если и былъ
то не болѣе одного раза, потому что пѣса, сколько мнѣ
извѣстно, не понравилась публикѣ. Она пришлась ей
также не по желудку какъ профанамъ икра. Но вещь
была превосходная, если судить по моему собственному
впечатлѣнію, и по отзывамъ людей, чье мнѣніе въ по-

добныхъ вопросахъ еще дороже моего. Сценичности бездна!
изложеніе умно и просто! Правда кто то замѣтилъ, что
въ стихахъ не было достаточно ѣдкости, чтобы сдѣлать со-
держаніе пикантнымъ, и что оно само будто бы не эффектно,
но тѣмъ не менѣе пѣса считалась хорошей, благонамѣ-
ренной и была оцѣнена именно за простоту и отсутствіе
аффектаціи. Мнѣ особенно понравился одинъ монологъ
изъ сцены Энея съ Дидоной, когда Эней рассказываетъ
объ убійствѣ Пріама. Если ты его знаешь, то продекла-
мируй начиная со стиха.... Постой! дай мнѣ вспомнить:

Суровый Пирръ, какъ левъ стеней Гирканскихъ!

Нѣтъ, не то, но начинается именно Пирромъ.

Суровый Пирръ, въ оружіи, чернѣй
Чѣмъ ночи мгла, иль тотъ свирѣпый замысль,
Съ которымъ притаился онъ въ утробѣ
Гигантскаго коня — теперь разцвѣлъ
Инымъ зловѣщимъ цвѣтомъ! Весь багровый
Отъ крови жонъ, отцовъ, дѣтей и старцевъ,
Убитыхъ имъ, свирѣпо мчался онъ
Среди горѣвшихъ улицъ, освѣщавшихъ
Ужасный путь къ убійствамъ! Кровь алѣла,
Запекшись на бронѣ его, глаза
Сверкали какъ рубины! Пирръ искалъ
Царя-отца Пріама!... (*актеру*)

Продолжай.

Полоній. Ей Богу вы прекрасно декламируете, принцъ! бла-
городно, выразительно!

1-й актеръ.

Бѣдный старецъ

Имъ встрѣченъ наконецъ! Безсильно руки
Его держали мечъ, но мечъ ему
Уже послушенъ не былъ и скатился
Къ ногамъ его! Неравный, страшный бой!
Напалъ на старца Пирръ! Ударъ гремящій
Пронзилъ со свистомъ воздухъ, но и этотъ
Одинъ ужасный свистъ лишилъ Пріама
Послѣднихъ чувствъ и силъ. Весь Иліонъ
Откликнулся громовымъ страшнымъ эхомъ
Въ отвѣтъ удару Пирра! самъ онъ былъ
Имъ точно оглушенъ! Разящій мечъ
Поднятъ вновь надъ сѣдовласымъ старцемъ,
Повисъ недвижно въ воздухѣ! Воитель,

Недвижный как тиранъ когда рисуютъ
Въ картинахъ ихъ, казалось колебался
Межъ волею и дѣломъ!... Такъ промчался
Короткій мигъ, и вдругъ, какъ иногда
За мигомъ тишины, предвѣстемъ бури,
Средь мертвого безмолвья въ небесахъ,
И на землѣ, ужасный грянетъ громъ —
Такъ точно Пирръ воспрянулъ вновь для мести!..
Не такъ разилъ Циклона страшный молотъ,
Когда ковалъ оружье Марсу онъ,
Какъ Пирра мечъ кровавый поразилъ
Несчастнаго Пріама!... Прочь Фортуна!
Прочь низкая развратница! Сберегись
Въ совѣтъ священный боги и разбейте
Ей спицы колеса ея! скатите
Его съ небесъ до самыхъ преисподнихъ
Глубинъ земли, гдѣ царствуетъ въ огнѣ
Рой демоновъ!...

Полоній. Монологъ нѣсколько длиненъ.

Гамлетъ. Мы отправимъ его къ цирюльнику вмѣстѣ съ твоей
бородой чтобъ онъ ихъ укоротилъ! (*Актеру*) Продолжай!
Вѣдь ему нужна или непристойная интермедія или скан-
дальная сказка—иначе онъ спитъ. Дальше! перейдемъ къ
Гекубѣ.

1-й актеръ. Но если бы увидѣлъ кто нибудь
Царицу въ рубищѣ!...

Гамлетъ. «Царицу въ рубищѣ»?

Полоній. Это хорошо! «царица въ рубищѣ!» прекрасно!

1-й актеръ.Царицу въ рубищѣ, когда, среди
Кругомъ пылавшихъ улицъ, заливая
Потокомъ слезъ свирѣпый пылъ огня,
Она одна, въ смятеннѣ, безъ сандалій,
Блуждала точно тѣнь! Повязкой грубой
Повиты были волосы, гдѣ прежде
Сверкала вѣнецъ! Изодраннѣмъ плащемъ,
Наброшеннѣмъ въ тревогѣ торопливо,
Покрыто было тѣло!... О! кто бъ это
Увидѣлъ въ этотъ мигъ — тотъ съ пѣной яда
Изрыгнулъ бы хулу на небеса!
И еслибъ даже боги услыхали
Тотъ крикъ ея, отчаянный, ужасный,
Съ какимъ она увидѣла, какъ Пирръ

Рубилъ въ куски истерзанное тѣло
Ея царя супруга — сами боги,
Когда у нихъ въ груди еще живетъ
Участье къ бѣднымъ людямъ — задрожали бъ
Отъ горести въ тотъ мигъ! Свѣтила ночи
Залились бы слезами!...

Полоній. Посмотрите! онъ даже поблѣднѣлъ отъ волненія.
Слезы блестятъ въ глазахъ его. — Довольно, довольно!

Гамлетъ. Пусть такъ — остальное ты докончишь мнѣ потомъ.
(*Полонію*). А ты распорядись, чтобъ актеры были приняты
какъ слѣдуетъ. Слышишь?—какъ слѣдуетъ! Они краткая
и вѣрная лѣтопись жизни. Лучше заслужить дурную эпи-
тафію послѣ смерти, чѣмъ быть представленнымъ ими въ
худомъ видѣ при жизни.

Полоній. Я приму ихъ по заслугамъ, принцъ.

Гамлетъ. Нѣтъ, прими ихъ лучше, потому-что еслибъ со вся-
кимъ поступали по заслугамъ, то большинство людей не
получили бы ничего кромѣ пощечинъ. Прими ихъ съ тѣми
почестями, какія, по твоему мнѣнію, заслужилъ ты самъ.
Если они окажутся недостойными то излишекъ принесетъ
пользу тебѣ, возвысивъ репутацію твоей доброты. Веди
же ихъ!

Полоній. Пожалуйте господа. (*Уходитъ съ нѣкоторыми акте-
рами*).

Гамлетъ. Ступайте за нимъ друзья мои, а завтра мы устро-
имъ представленіе (*1-му актеру*) Скажи мнѣ, пріятель,
можете вы сыграть: «Смерть Гонзаго»?

1-й актеръ. Можемъ, принцъ.

Гамлетъ. Такъ сыграйте мнѣ эту вещь завтра вечеромъ. А
можешь ты выучить и вставить въ піесу строкъ двѣнад-
цать, которыя мнѣ пришла охота сочинить самому?

1-й актеръ. Да, принцъ.

Гамлетъ. Отлично! Ступайте же за нимъ, да смотрите не по-
дымайте его очень на смѣхъ. (*Актеръ уходитъ. Розен-
краниу и Гильденштерну*) Съ вами друзья мои я прошусь
также до вечера. Повторяю еще разъ, что очень радъ
видѣть васъ въ Эльсинёрѣ.

Розенкранцъ. Прощайте, дорогой принцъ!

Гамлетъ. Ступайте съ Богомъ! (Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Наконецъ одинъ!

Одинъ съ собой!... Какая дрянь, какое
Ничтожество я въ собственныхъ глазахъ!
Не стыдъ ли, что пустой комедянтъ,
Въ порывѣ дѣланной, притворной страсти,
Проникся жаромъ чувства до того,
Что всѣмъ лицомъ, всѣмъ тѣломъ превратился,
Въ огонь и страсть! Какъ взглядъ его блуждалъ!
Какъ искрились глаза! какъ прерывался
Звонящій чудный голосъ! Онъ сливался
Всѣмъ существомъ, съ тѣмъ чувствомъ, о которомъ
Намъ говорилъ! — И что жъ! изъ за чего
Такой святой порывъ? — Изъ за Гекубы!
А что она ему, иль онъ Гекубъ!
О чемъ онъ плакалъ такъ?... Что еслибъ въ сердцѣ
Такую онъ носилъ причину слезъ,
Какую я ношу! Онъ затопилъ бы
Слезамъ весь театр! Громовой рѣчью
Лишилъ бы слуха зрителей, заставилъ
Невинныхъ задрожать, а виноватыхъ
Лишилъ разсудка! помутилъ бы вѣсталь
Недальнихъ разумѣньемъ! поразилъ бы
Все, что имѣетъ уши и глаза!
Тогда какъ я — пустѣйшій верхоглядъ,
Лѣнтяй, заржавѣвшій умомъ и сердцемъ,
Какъ сказочный дуракъ сажу я сиднемъ
Предъ подвигомъ, завѣщаннымъ судьбой!...
И даже месть святая за отца,
Злодѣйски умерщвленнаго, не можетъ
Меня подвигнуть къ дѣлу!... Неужели
Я трусъ презрѣнный? Неужели смѣлъ бы
Хоть кто нибудь назвать меня мерзавцемъ?
Схватить меня за бороду, щелкнуть
Иль плюнуть мнѣ въ лицо, назвать неправдой

Мои слова, потребовать чтобы я
Ихъ проглотилъ обратно? — и однако
По виду такъ!... Я воробей душой!...
Во мнѣ нѣтъ даже жолчи, чтобы усилить
Сознаньемъ оскорбленъ! — будь иначе
Я прахомъ бы развѣялъ гнусный трупъ
Презрѣннаго убійцы!... Воръ! развратникъ!
Злодѣй безъ чувства чести, безъ души!
Местъ, месть ему!... — Но чтожъ кричу я такъ?
Не дрянь ли я пустая самъ, коль скоро
Умѣю лишь шумѣть, кричать, грозить,
Браниться какъ торговка иль дрянная
Развратница, когда и адъ и небо
Мнѣ громко вопіють о страшной мести
За смерть отца — мнѣ, горестному сыну
Убитаго!... Позоръ и стыдъ!... Къ работѣ,
Къ работѣ мозгъ! — Случалось слышать мнѣ,
Что будто бы, когда передъ злодѣемъ
Играли на подмосткахъ представленъ
Свершоннаго имъ дѣла, онъ бывалъ
Такъ этимъ пораженъ, что иногда
Самъ выдавалъ себя и свой проступокъ.
Убійство правда нѣмо языкомъ,
Но тысячи найдутся непримѣтныхъ
Уликъ, помимо рѣчи. Пусть сыгравъ
Предъ дядею моимъ актеры эти
Картину смерти моего отца.
Я буду наблюдать за нимъ, вопьюсь
Въ глаза его до сердца, и, коль скоро
Смутится онъ — я буду знать, что дѣлать.
Являвшійся мнѣ призракъ могъ вѣдь быть
Коварнымъ духомъ зла! Духамъ возможно
Намъ въ образѣ заманчивомъ являться;
А я же раздраженъ теперь, какъ сердцемъ,
Такъ и умомъ: смутить меня легко.
Мнѣ нужно доказательствъ больше вѣскихъ
Чѣмъ тѣ, какія есть. Пускай представятъ

На сценѣ дѣло зла. Живая повѣсть
Поможетъ мнѣ смутить злодѣя совѣсть.
(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА 1-я.

Комната во дворцѣ.

(Входятъ Король, Королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ и Гильденштернъ).

Король. Вы значить не успѣли ни подмѣтить,
Ни разузнать, изъ разговоровъ съ нимъ,
Причинъ его разстройства, что могли
Смутить его покой такимъ опаснымъ,
Душевнымъ недугомъ?

Розенкранцъ. Онъ признается,
Что чувствуетъ дѣйствительно себя
Нехорошо; но по какой причинѣ —
О томъ молчать упорно.

Гильденштернъ. Онъ не склоненъ
Объ этомъ говорить, и, притворяясь
Съ намѣреніемъ безумнымъ, ускользаетъ
Отъ всякаго отвѣта на вопросъ,
Что чувствуетъ.

Королева. А какъ онъ принялъ васъ?

Розенкранцъ. Учтиво въ высшей степени.

Гильденштернъ. Но вмѣстѣ
Натянуто и сдержанно.

Розенкранцъ. Вопросовъ
Онъ самъ почти не дѣлалъ, возражалъ же
На наши очень ловко и умно.

Королева. Успѣли ль вы его уговорить
Развлечься чѣмъ нибудь?

Розенкранцъ. На наше счастье
Мы встрѣтились дорогою сюда
Со странствующей труппой и сказали
Ему о томъ. Онъ принялъ эту новость
Повидимому съ радостью. Актеры
Остались при дворѣ и нынче ночью,
Когда не ошибаюсь я, стиграютъ
Піэсу передъ принцемъ.

Полоній. Это такъ.
И принцъ мнѣ поручилъ просить, чтобъ ваше
Величество почтили представленью
Своимъ присутствіемъ.

Король. Отъ всей души!
Я очень радъ подобной переменѣ
Въ его расположеніи. (Розенкранцу и Гильденштерну)
Васъ обоихъ
Прошу и впредь стараться развлекать
Его такими средствами.

Розенкранцъ. Исполнимъ
Приказъ вашъ государь. (Розенкранцъ и Гильденштернъ
уходятъ).

Король (королевы). Оставь теперь
Насъ, милая Гертруда. Мы послали
За Гамлетомъ нарочно, чтобъ устроить
Нечаянную будто бы ихъ встрѣчу
Съ Офеліей. Ея отецъ и я —
Законные шпионы — притаимся
Здѣсь такъ, чтобъ видѣть все и обсудить
Затѣмъ, что мы увидимъ. Пусть онъ выдастъ
Себя невольню самъ и обличить.
Дѣйствительно ль любовь, или что другое
Въ немъ вызвали болѣзнь его.

Королева.

Исполню. —

Какъ искренно желала бы услышать
Я, милая Офелія, что точно
Тяжолый недугъ принца порождень
Твоею красотой! Будь это такъ —
Достоинства твои бы послужили
Прекраснымъ средствомъ вылечить его
На счастье вамъ обоимъ!

Офелія.

Я желала бѣ

Того сама! (*Королева уходитъ*).**Полоній.**

Прохаживайся здѣсь

Пока, Офелія, а мы съ его
Величествомъ уйдемъ. Смотри лишь въ книгу,
Чтобъ поводъ былъ для принца объяснить
Твое уединенье. — Всѣ грѣшны
Въ притворствѣхъ мы! Извѣстно вѣдь, что строя
Святыхъ съ виду лица, иль болтая
О подвигахъ добра — мы превосходимъ
Лукавствомъ даже чорта!

Король (*въ сторону*).

Слишкомъ вѣрны

Слова его! Они мнѣ рѣжутъ совѣсть!
Продажныя румяна на щекахъ
Развратницы скрываютъ меньше грязи
И мерзости, чѣмъ я, наборомъ фразъ,
Стараюсь скрыть въ душѣ своей дурного! —
О! страшенъ грузъ грѣха!

Полоній.

Вотъ онъ! уйдемте.

(*Полоній и Король уходятъ. Входитъ Гамлетъ*).**Гамлетъ.** Жить иль не жить — вотъ въ чемъ вопросъ! Честнѣе ль

Безропотно сносить удары стрѣлъ
Враждебной намъ судьбы, иль кончить разомъ
Съ безбрежнымъ моремъ горестей и бѣдъ,
Возставъ на все? — Окончить жизнь — уснуть!
Не болѣе! — когда жъ при этомъ вспомнить,
Что съ этимъ сномъ навѣки отлетятъ
И сердца боль, и горькія обиды —
Наслѣдье нашей плоти — то не въ правѣ ль

Мы всѣ желать подобнаго конца?

Окончить жизнь — уснуть!... уснуть? а если
При этомъ видѣть сны?... Вотъ остановка!
Какого рода сны тревожить будутъ
Насъ въ смертномъ снѣ, когда мы совлечемъ
Съ себя покрывку плоти? — Вотъ, что можетъ
Связать рѣшимость въ насъ, заставляя вѣчно
Терпѣть и зло и бѣдственную жизнь!...
Кто сталъ бы въ самомъ дѣлѣ выносить
Безропотно обиды, притѣсненія,
Рядъ горькихъ мукъ обманутой любви,
Стыдъ бѣдности, неправду власти, чванство
И гордость знатныхъ родомъ — словомъ все,
Что суждено достоинству терпѣть
Отъ низости — когда бы каждый могъ
Найти покой при помощи удара
Короткаго ножа? — Кто сталъ влачить бы
Въ поту лица томительную жизнь,
Когда бы страхъ предъ тою непонятной,
Невѣдомой страной, откуда нѣтъ
И не было возврата, не держалъ
Въ оковахъ нашей воли и не дѣлалъ,
Того, что мы скорѣй сносить готовы
Позоръ и зло, въ которыхъ родились,
Чѣмъ ринуться въ погоню за безвѣстнымъ?...
Всѣхъ трусами насъ сдѣлала боязнь!
Рѣшимости роскошный цвѣтъ блѣднѣетъ
Подъ гнетомъ размышленья! Наши всѣ
Прекраснѣйшіе замыслы, встрѣчаясь
Съ ужасной этой мыслью, отступаютъ,
Теряя имя дѣла! — Но тише! вотъ
Офелія! О нимфа! помани
Меня, прошу, въ святыхъ твоихъ молитвахъ!

Офелія. Какъ чувствуете вы достойный принцъ
Себя за эти дни?

Гамлетъ.

Благодарю!

Прекрасно! превосходно!

Офелія. Я имѣю
Отъ васъ, достойный принцъ, двѣ-три бездѣлки,
Которыя своимъ считаю долгомъ
Вамъ возвратить. Возьмите ихъ прошу
Теперь назадъ.

Гамлетъ. О нѣтъ! я не дарилъ
Вамъ ничего!

Офелія. Неправда, принцъ! вы точно
Дарили эти вещи и при этомъ
Мнѣ говорили много сладкихъ словъ,
Возвысившихъ во много разъ значенье
Того, что вы дарили. Но вѣдь если
Въ цвѣтахъ утраченъ сладкій ароматъ—
Они не нужны намъ. Прошу, возьмите
Назадъ подарки ваши. Цѣнный даръ
Для честныхъ душъ свою теряетъ цѣну,
Когда внезапно видимъ перемѣну
Мы въ томъ, кто намъ дарилъ!

Гамлетъ. Ха! ха! ха! Честна ли ты Офелія?

Офелія. Принцъ!...

Гамлетъ. Хороша ли ты собой?

Офелія. Что вы хотите сказать, принцъ?

Гамлетъ. То, что если ты честна и хороша собой, то не позволяй своей честности вступать въ стачку съ красотой.

Офелія. Честность лучшая подруга красотѣ, принцъ.

Гамлетъ. Это пожалуй такъ, потому-что если дать волю красотѣ, то она съумѣетъ обработать честность на свой ладъ. За то честности никогда не удастся сдѣлать того же съ красотой. Это было прежде подъ сомнѣньемъ, но нынѣшнее время доказало правду такого вывода. Я когда то любилъ тебя, Офелія.

Офелія. Вы дѣйствительно, принцъ, заставляли меня этому вѣрить.

Гамлетъ. Ты не должна была дѣлать этого. Честность не можетъ одолѣть нашихъ плотскихъ инстинктовъ до того, чтобъ не осталось отъ нихъ никакого слѣда.—Я никогда не любилъ тебя.

Офелія. Тѣмъ горче я была обманута.

Гамлетъ. Ступай въ монастырь! Зачѣмъ тебѣ дѣлаться матерью грѣшниковъ? Я самъ честенъ до известной степени, но и при этомъ долженъ обвинить себя во многомъ такомъ, что, когда объ этомъ подумаю, то невольно прихожу къ мысли, что лучше было бы мнѣ не родиться вовсе на свѣтъ! Я гордъ, мстителенъ, честолюбивъ! Въ головѣ моей дурныхъ мыслей больше чѣмъ словъ, для того чтобъ ихъ выразить, больше чѣмъ воображенія, для того, чтобъ дать имъ форму, или времени, чтобъ ихъ исполнить! — Для чего бы казалось такимъ негодяямъ, какъ я, существовать на бѣломъ свѣтѣ? Мы все негодяи отъявленные! Не вѣрь ни одному изъ насъ! Ступай въ монастырь!... Гдѣ твой отецъ?

Офелія. Онъ дома, принцъ.

Гамлетъ. Запирай за нимъ крѣпче дверь, чтобъ онъ разигрывалъ роль дурака только въ своей комнатѣ. Прощай!

Офелія. Помогите ему святныя силы неба!

Гамлетъ. Если ты выдешь замужъ, то вотъ какое проклятье даю я тебѣ въ приданое: будь ты чиста какъ ледъ и бѣла какъ снѣгъ — тебѣ все таки не избѣжать клеветы! — Иди въ монастырь! Прощай!... А если уже непременно хочешь выдти замужъ, то выбери мужа дурака, потому что умные люди слишкомъ хорошо знаютъ, какихъ негодяевъ вы, женщины, способны изъ нихъ сдѣлать! Въ монастырь! въ монастырь!... и скорѣе!... Прощай!

Офелія. Изцѣлите его силы небесныя!

Гамлетъ. Вы, женщины, бѣлитесь и румянитесь. Богъ далъ вамъ лицо, а вы поддѣлываете себя другое! Вы ломаетесь и кокетничаете, превращая созданія Божіи въ куколъ, а затѣмъ думаете себя извинить, называя эти продѣлки наивностью! Я не хочу этого! не хочу!.. Это сводитъ меня съ ума!.. Не нужно болѣе браковъ! Женатые будутъ жить по прежнему, кромѣ одного!.. Прочіе жъ останутся холостыми какъ были. Ступай въ монастырь! ступай!...

(Уходитъ).

Офелія. О Боже, Боже! что за дивный духъ
 Такъ страшно палъ! Воителя отвага,
 Умъ мудреца, способность царедворца,
 Отчизны цвѣтъ, надежда всей страны,
 Прекраснѣйшій примѣръ для подражанья —
 Всему, всему конецъ! — И мнѣ, несчастной,
 Внимавшей въ дни былые сладкимъ звукамъ
 Рѣчей его, судьба судила видѣть,
 Какъ оборвался этотъ чудный умъ,
 Подобно струнамъ арфы; какъ исчезли
 Краса и свѣжесть юности подъ гнетомъ
 Безумія! — О горе горе мнѣ,
 Когда сравнить, что видѣла я прежде,
 И что теперь увидѣть мнѣ пришлось!

(*Входятъ Король и Полоній*).

Король. Нѣтъ, это не любовь! Его разстройство
 Не отъ нея. Хотя въ его рѣчахъ
 Порой слышна несвязность — но безумнымъ
 Назвать его нельзя! Онъ носитъ въ сердцѣ
 Какую то причину, отъ которой
 Смущонъ наплывомъ горести и я
 Не въ шутку опасаясь, какъ бы это
 Не вызвало губительнаго взрыва,
 Опаснаго для всѣхъ; и потому,
 Чтобъ предупредить подобное несчастье,
 Рѣшился я немедленно отправить
 Его съ посольствомъ въ Англію, какъ будто бѣ
 Для требованья дани, срокъ которой
 Уже прошелъ. Быть можетъ воздухъ моря
 И чуждыхъ странъ, со всѣмъ разнообразьемъ
 Природы ихъ и нравовъ, будетъ средствомъ
 Изгнать изъ головы его упорно
 Засѣвшую въ ней мысль, чья злая сила
 Выводитъ изъ себя его. — Что скажешь
 На это ты?

Полоній. Оно быть можетъ такъ;
 Но все же я склоняюсь больше къ мысли,

Что суть его разстройства рождена
 Отвергнутой любовью! (*Офелія*) Твой рассказъ
 О томъ, что говорилъ съ тобою Гамлетъ,
 Не нуженъ намъ, Офелія: мы сами
 Все слышали. (*Королю*) Конечно, государь,
 Вы властны поступать какъ вамъ угодно,
 Но если бѣ вы позволили, то я
 Устроилъ бы, во слѣдъ за представленьемъ,
 Интимное свиданье между принцемъ
 И вашею супругой. Пусть, какъ мать,
 Она его спроситъ о причинахъ
 Его тоски и горя, и пускай
 Примѣрно пожуритъ его. А я
 Тѣмъ часомъ притаюсь, чтобы подслушать
 Ихъ разговоръ. Когда успѣха въ томъ
 Не будетъ никакого — то отправьте
 Пожалуй принца въ Англію, иль просто
 Велите запереть его, куда
 Признаете за благо.

Король. Я согласенъ.

Душевный недугъ въ высшихъ можетъ много
 Надѣлать бѣдъ, когда смотрѣть не строго.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА 2-я.

Залъ во дворцѣ со сценой, приготовленной для театра.

(*Входятъ Гамлетъ и нѣсколько актеровъ*).

Гамлетъ. Произнеси, пожалуйста, этотъ монологъ такъ, какъ я
 тебя училъ: легко и развязно. Но если ты вздумаешь его
 прокричать, какъ это дѣлаютъ многіе изъ нашихъ акте-
 ровъ, то доставишь мнѣ столько же удовольствія, какъ

еслибы стихи мои декламировал площадной разношникъ. Не махай безъ толку руками, но старайся, чтобы твои жесты были благородны. Въ этомъ случаѣ надо соблюдать гармоническую умѣренность не только въ потоки или бурѣ, но даже въ вихри страсти. Меня бѣситъ когда я вижу, какъ здоровый болванъ, въ лохматомъ парикѣ, рветъ страсть въ клочки и деретъ уши райка, привыкшаго цѣнить только глупыя пантомимы, или бѣшенный ревъ. У меня чешутся руки прибить палками подобныхъ дураковъ, которые, во что бы то ни стало, хотятъ представить Ирода болѣе Иродомъ, чѣмъ онъ былъ имъ на самомъ дѣлѣ. — Пожалуста избѣгай этого.

1-й актеръ. Ручаюсь вашему высочеству, что этого не случится.

Гамлетъ. Не будь однако и слишкомъ сдержанъ. Вообще руководствуйся при игри болѣе всего своимъ собственнымъ внутреннимъ чувствомъ. Соразмѣрай жесты съ словами, а слова съ жестами, для того, чтобы не насиловать благоразумной умѣренности природы. Всякій излишекъ въ этомъ случаѣ выходитъ за предѣлы цѣли, которую имѣетъ театр; а цѣль эта всегда состояла и всегда будетъ состоять въ вѣрномъ изображеніи дѣйствительности, какъ въ зеркалѣ. Добродѣтель, преступленіе, нравы вѣка — все должно быть представлено на сценѣ такимъ, какимъ оно существуетъ на самомъ дѣлѣ. Разъ такое изображеніе преувеличено или ослаблено, то конечно этимъ можно добиться одобренія и смѣха невѣждъ, но утонченно понимающій дѣло зритель будетъ этимъ оскорбленъ. Мнѣніе жъ одного такого зрителя должно цѣниться гораздо выше чѣмъ восторгъ всей прочей толпы, наполняющей театральную залу. Мнѣ случалось видѣть актеровъ, которымъ толпа рукоплескала даже неистово; но сами они не походили не только на изображаемыхъ ими личностей, но даже просто на людей. Они рычали и кривлялись такъ непозволительно, что можно было подумать, будто это не люди, а просто прескверно сдѣланныя куклы: такъ мало было въ нихъ человѣческаго обличья.

1-й актеръ. Я надѣюсь достойный принцъ, что въ нашей труппѣ мы успѣли почти совершенно освободиться отъ подобныхъ недостатковъ.

Гамлетъ. Не *почти*, а совсѣмъ должно ихъ уничтожить. — Не позволяй также клоунамъ болтать болѣе чѣмъ написано въ пьесѣ. Я встрѣчалъ между ними такихъ, которые, для того, чтобы вызвать смѣхъ нѣсколькихъ глупцовъ, дурачили въ такихъ интермедіяхъ, когда напротивъ слѣдовало дать зрителямъ отдохнуть, чтобы обдумать и усвоить видѣнное. Это нехорошо и обличаетъ только жалкое самолюбіе въ актерѣ, небрегающемъ подобными продѣлками. Теперь ступай и будьте готовы начать представление.

(Актеры уходятъ. Входятъ Полоній, Розенкранцъ и Гильденштернъ).

Гамлетъ. Ну господа, скажите, явится ли король посмотрѣть нашу пьесу?

Полоній. Не только король, но даже королева. Они уже идутъ.

Гамлетъ. Вели же актерамъ торопиться. (Полоній уходитъ).

Помогите имъ господа вы также.

Розенкранцъ и Гильденштернъ. Слушаемъ, принцъ. (Уходятъ).

Гамлетъ. Горацио! гдѣ ты? (Входитъ Горацио).

Горацио. Къ вашимъ услугамъ принцъ.

Гамлетъ. Сюда, мой добрый другъ! изъ всѣхъ людей

Съ тобой однимъ вѣдь говорю я прямо

И искренно!

Горацио. О принцъ!

Гамлетъ. Нѣтъ я не лъщу.

Зачѣмъ кривить душой мнѣ съ человѣкомъ,

Чье все добро: и пища и одежда

Заклучены лишь въ чистотѣ души

И разума? Съ подобнымъ бѣдникомъ

Нѣтъ нужды лицемѣрить! Пусть болтаютъ

Цвѣтистый вздоръ наипыщеннымъ глупцамъ.

Пусть гнутъ колѣни тамъ, гдѣ есть надежда

Найти въ томъ выгоду — чтожь до тебя,

То съ той поры, какъ я способенъ стать

Людей распознавать глазами сердца,
 Я на тебѣ остановилъ свой выборъ
 И сталъ мной на вѣкъ ты. Мнѣ всего
 Въ тебѣ дороже то, что ты умѣешь,
 Страдая, дѣлать видъ какъ будто бѣ вовсе
 Ты не страдалъ. Судьбѣ ты благодаренъ
 Равно за зло и радости, какія
 Она тебѣ приноситъ. Счастливы тотъ,
 Въ комъ страсть умѣетъ сжиться такъ съ разсудкомъ.
 Такіе люди никогда не будутъ
 Въ рукахъ судьбы похожи на свирѣль,
 Свистящую или ту или эту ноту,
 Смотря по тѣмъ отверзтіямъ, какія
 Нажаты въ ней. Дай человѣка мнѣ
 Свободнаго отъ рабства низкой страсти,
 И я его навѣки заключу,
 Не только въ глубинѣ души и сердца,
 Но въ самомъ сердцѣ сердца моего!
 Ты именно таковъ! — Довольно впрочемъ.
 Сегодня будетъ ночью представленъ
 Предъ королемъ. Въ пісѣ этой будетъ
 Повторено событіе кончины
 Покойнаго отца. Я говорилъ
 Уже тебѣ объ этомъ. Потому,
 Едва дойдетъ игра до этой сцены,
 Смотри во всѣ глаза на короля.
 Когда не дрогнетъ онъ и свой проступокъ
 Не выдастъ ни словами ни лицомъ,
 То значитъ духъ, явившійся намъ ночью,
 Былъ хитрый, злобный демонъ и сознаться
 Я долженъ буду въ томъ, что мозгъ мой вѣрно,
 Съ наплывомъ мрачныхъ бредней, сталъ чернѣй
 Чѣмъ кузница Вулкана. — Наблюдай же
 Внимательно! Что до меня — я также
 Вошьюсь ему въ глаза, а тамъ съ тобой
 Обсудимъ мы вдвоемъ, что дѣлать дальше,
 Судя по ходу дѣла.

Горацио.

Все исполню,

Любезный принцъ. Когда захочетъ скрыть
 Онъ что нибудь во время представленія
 Отъ глазъ моихъ — то я открою вора.

Гамлетъ. Они идутъ смотрѣть піссу. Я долженъ казаться веселымъ. Иди же на свое мѣсто.

(Датскій маршъ. Входитъ Король, Королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ, Гильденштернъ и прочіе придворные. Стража несетъ факелы).

Король. Каково поживаетъ нашъ дорогой сынъ Гамлетъ?

Гамлетъ. О — превосходно! Живу какъ хамелеонъ: питаюсь воздухомъ и надеждами! Каплуна вы этимъ не откормите.

Король. Я не понимаю подобныхъ отвѣтовъ, Гамлетъ. Такія рѣчи не для меня.

Гамлетъ. И не для меня также. (Полонію). Скажи мнѣ, почтеннѣйшій, случилось тебѣ въ университетѣ играть на театрѣ?

Полоній. Какже принцъ! Я даже считался хорошимъ актеромъ.

Гамлетъ. Кого же ты изображалъ?

Полоній. Юлія Цезаря, принцъ. Я былъ убитъ въ Капитоліѣ. Брутъ меня зарѣзалъ.

Гамлетъ. Пришлось же ему потрудиться, чтобъ зарѣзать такого капитальнаго теленка какъ ты! — Готовы ли актеры?

Розенкранцъ. Готовы принцъ и ждутъ вашихъ приказаній.

Королева. Сядь подлѣ меня, милый Гамлетъ.

Гамлетъ. Извините дорогая матушка, но здѣсь есть магнитъ, который тянетъ меня сильнѣе.

Полоній (Королю). Слышите, слышите? замѣчайте!

Гамлетъ (Опускаясь къ ногамъ Офеліи). Вы мнѣ позволите прилечь къ вашимъ колѣнкамъ?

Офелія. Нѣтъ принцъ?

Гамлетъ. То есть головой только?

Офелія. Это можно.

Гамлетъ. А вы думали, я что нибудь дурное затѣялъ?

Офелія. Я ничего не думала принцъ.

Гамлетъ. Какъ однако приятно лежать возлѣ хорошенькой дѣвушки!

Офелія. Что такое?

Гамлетъ. Ничего.

Офелія. Вы въ веселомъ расположеніи духа принцъ.

Гамлетъ. Кто? я?

Офелія. Да, принцъ.

Гамлетъ. О Боже! мнѣ просто хочется быть вашимъ шутомъ и васъ развеселить! Что можетъ быть на свѣтѣ лучше веселья? Смотрите, какъ сіяютъ удовольствіемъ глаза моей матери, а вѣдь мой отецъ умеръ всего два часа тому назадъ.

Офелія. Нѣтъ принцъ, тому прошло уже дважды два мѣсяца.

Гамлетъ. Такъ много? Пускай же въ такомъ случаѣ трауръ носитъ дьяволъ, а я облекусь въ подбитую горностаемъ мантию! Боже! Боже! умеръ тому назадъ два мѣсяца и все еще не забытъ! Вѣдь послѣ этого можно пожалуй надѣяться, что память о великомъ человѣкѣ переживетъ его на цѣлые полгода! — Но для этого, клянусь Богоматерью, онъ долженъ построить при жизни церковь; иначе о немъ будутъ вспоминать только на веселыхъ попойкахъ, приговаривая какъ въ пѣснѣ: «жилъ, былъ да и умеръ!»

(Со звукомъ лобовъ начинается пантомима. На сцену входятъ герцогъ и герцогиня, нѣжно обнявъ другъ друга. Она преклоняетъ колѣни, выражая свою привязанность. Герцогъ ее поднимаетъ и склоняетъ свою голову ей на плечо, а затѣмъ ложится на дермовую скамью. Герцогиня, видя что онъ заснулъ, удаляется. Является злодѣй, снимаетъ съ герцога корону, цѣлуетъ ее и вливаетъ герцогу въ ухо ядъ, послѣ чего уходитъ. Герцогиня возвращается и, видя герцога мертвымъ, выражаетъ свое отчаяніе. Злодѣй возвращается съ двумя или тремя нѣмыми лицами и дѣлаетъ видъ будто плачетъ тоже. Мертвого герцога уносятъ. Злодѣй предлагаетъ герцогинѣ подарки, отъ которыхъ она сначала съ презрѣніемъ отказывается, но затѣмъ принимаетъ и ихъ и его любовь. Уходятъ).

Офелія. Что это значитъ, принцъ?

Гамлетъ. Прескверная вещь, которую называютъ преступленіемъ.

Офелія. Я думаю въ пантомимѣ излагается содержаніе пѣсы.

(Входитъ Прологъ).

Гамлетъ. Намъ это объяснить вотъ этотъ шутъ. Вѣдь актеры не умѣютъ хранить тайнъ: сейчасъ все выболтаютъ.

Офелія. Вѣроятно онъ разскажетъ значеніе пантомимы.

Гамлетъ. О, они разскажутъ все что имъ ни покажутъ. Попробуйте только забыть скромность и имъ что нибудь показать. Увѣрю, они не постыдятся разболтать и объ этомъ.

Офелія. Вы злы принцъ. Я буду слушать піэсу.

*Прологъ (на сценѣ). Предъ нашимъ представленіемъ,
Мы просимъ, съ униженіемъ,
Почтить насъ снисхожденіемъ.*

Гамлетъ. Что это? прологъ или надпись на перстнѣ?

Офелія. Рѣчь дѣйствительно коротка.

Гамлетъ. Какъ любовь женщины.

(Начинается представленіе. На сцену входятъ герцогъ Гонзаго и его жена Бантиета).

Гонзаго. Уже тридцать разъ свершить успѣли кони Феба

Годичный свой обходъ по тверди ясной неба,

И въ каждый ихъ обходъ двѣнадцать разъ луна,

Заемный блескъ смѣнивъ, была обновлена.

Такъ много лѣтъ прошло, съ тѣхъ поръ какъ Рока властью

Мы связаны съ тобою на радость и на счастье.

Бантиета. Молю судьбу, чтобъ намъ послала и впередъ

Она счастливыхъ дней подобный же чередъ!

Болѣзнь твою одна теперь меня тревожить!

Не весель больше ты! суровый недугъ гложетъ

Тебя, безцѣнный другъ! Но не тревожь себя

Напрасно только самъ! Ты долженъ знать, что я,

Какъ женщина, склонна тревожиться напрасно,

И чувства потому смирить свои не властна

Ни въ дружбѣ ни въ любви. — Любовь моя тебѣ

Извѣстна ужъ давно — суди жъ въ какой борьбѣ

Живу со страхомъ я! Малѣйшее сомнѣнье

Способно возбудить въ груди моей мученье!

Чѣмъ пламенный любовью, съ тѣмъ вмѣстѣ страхъ сильнѣй,

И въ любящей груди живетъ всегда онъ съ ней.

Гонзаго. Нѣтъ! скоро суждено разстаться намъ съ тобою!

Слабѣю съ каждымъ днемъ я тѣломъ и душою!

Но ты, безцѣнный другъ, ты будешь долго жить

Въ блаженствѣ и любви! Слѣдуетъ оцѣнить

Тебя супругъ иной....

Баптиста.

Остановись! довольно!

Такую слушать рѣчь обидно мнѣ и больно!

Вторую быть женой способна только та,

Которую была кровь мужа пролита!

Гамлетъ. Сказано крѣпко какъ полярная водка!

Баптиста. Прельстить на новый бракъ насъ могутъ лишь расчеты,

Гдѣ жъ будетъ тутъ любовь, и гдѣ ей забота?

Другого цѣловать, забывши долгъ и честь,

Вторично значить смерть почившему нанести!

Гонзаго. Я знаю, что не лжешь словами ты своими,

Но мысли часто въ насъ смѣняются другими.

Въ объѣтахъ сила есть, пока мы помнимъ ихъ;

Иначе всѣ они лишь словъ наборъ пустыхъ!

Такъ держатся плоды, пока они незрѣлы;

Но осень прочь сорветъ ихъ съ вѣтки опустѣлой.

Тѣ клятвы, что даемъ мы лишь самимъ себѣ,

Нерѣдко гибнуть всѣ съ рѣшимостью въ борьбѣ!

Ихъ можетъ поддержать лишь страсти бурной сила,

А разъ исчезнетъ страсть — за ней сойдемъ въ могилу

И клятвъ шумливыхъ рой! Блаженство иль бѣды

Нерѣдко губить въ насъ рѣшимости плоды.

Горьчайшихъ слезъ потокъ смѣняется улыбкой,

Равно и громкій смѣхъ бываетъ лишь ошибкой.

Ужъ если всей землѣ лишь данъ короткій вѣкъ,

То что же можетъ ждать отдѣльный человѣкъ?

Пустая страсть людей бываетъ рѣдко честной,

И если разсудить, то право неизвѣстно,

Людская ли любовь идетъ за счастьемъ вслѣдъ,

Иль счастье вслѣдъ за ней. — Какъ много тяжкихъ бѣдъ

Претерпѣть тотъ, кто палъ, и сколько встрѣтитъ лести,

Кто низокъ былъ и вдругъ приливомъ взмываетъ чести!

Ты видишь, что любовь здѣсь счастьемъ вслѣдъ идетъ.

Кто счастливъ тотъ всегда друзей себѣ найдетъ,

Когда жъ къ друзьямъ бывшимъ несчастный обратится,

Другъ каждый во врага навѣрно превратится.

Короче я хочу лишь то сказать тебѣ,

Что воля въ насъ всегда подчинена судьбѣ!

Замысливъ чтонибудь, мы дѣлъ конца не знаемъ,

И часто терпимъ то, чего не ожидаемъ.

Такъ слово ты дашь ничѣй не быть женой

Но мысль твоя, повѣрь, умереть, мой другъ, со мной!

Баптиста. Пускай откажетъ мнѣ земля въ питѣ и пищѣ!

Исчезни навсегда покой въ моемъ жилищѣ!

Пусть счастья и надеждъ во вѣки мнѣ не знати!

Пусть цѣлый вѣкъ въ тюрьмѣ я буду горевать!

Пусть все, что жизнь мертвить и счастье наше гложетъ,

Удѣломъ ставши мнѣ, весь вѣкъ меня тревожить,

Когда, однажды ставъ печальною вдовой,

Я слово дамъ свое другому быть женой!

Гамлетъ (*Офелии*). Что если она нарушитъ эту клятву?

Гонзаго. Клинешся сильно ты! — Оставь теперь на время

Меня безцѣнный другъ! Быть можетъ злое бремя

Волѣзни и заботъ удастся мнѣ забыть,

Заснувши легкимъ сномъ.

Баптиста.

Молю Творца излить

Покой свой на тебя! Пусть никогда сомнѣнье

Намъ счастья не смутитъ малѣйшей черной тѣнью!

(Гонзаго засыпаетъ. Баптиста уходитъ).

Гамлетъ (*Королеву*). Какъ правится вамъ пѣса, матушка?

Королева. Мнѣ кажется, супруга наобѣщала слишкомъ много.

Гамлетъ. Но вѣдь она сдержитъ слово.

Король. Извѣстно ли тебѣ содержаніе пѣсы? Нѣтъ ли въ немъ чегонибудь предосудительнаго?

Гамлетъ. О нѣтъ! Тутъ только немного отравляютъ для шутокъ; но предосудительнаго нѣтъ ничего.

Король. А какъ пѣса называется?

Гамлетъ. «Мышеловка». Вы спросите почему? — конечно въ фигурномъ смыслѣ. Въ ней изображена исторія одного убійства, случившагося въ Вѣнѣ. Герцога зовутъ Гонзаго, а жену его Баптистой. Сейчасъ вы увидите прескверное дѣло. Но это ничего не значитъ: люди, у которыхъ душа чиста, какъ у насъ съ вашимъ величествомъ, могутъ смотрѣть на такія дѣла спокойно. Пусть расплачиваются за нихъ своими плечами бездѣльники, а не мы.

(Входитъ на сцену Луціанъ).

Это Луціанъ, племянникъ герцога.

Офелия. Вы бы могли быть хорошимъ суфлеромъ.

Гамлетъ. О да! и если бъ вы съ вашимъ возлюбленнымъ вздумали сыграть чтонибудь на театрѣ маріонетокъ, то я охотно взялся бъ объяснять публикѣ ваши пантомимы.

Офелия. Вы хотите быть острымъ принцемъ.

Гамлетъ. Возьмитесь притупить мою остроту. Вамъ придется при этомъ только охнуть.

Офелия. Что дальше то хуже!

Гамлетъ. Вы женщины держитесь этого же самого правила, при выборѣ вашихъ мужей.—Ну убійца! къ дѣлу! Покажи свою злодѣйскую физиономію и начинай!

Пусть громко воронъ каркаетъ о мести!

Луціанъ *(на сценѣ)*. Созрѣли мысли и часъ! кипящій ядъ готовъ!

Нѣтъ глазъ чужихъ кругомъ, умолкнулъ звукъ шаговъ!

Въ полночный часъ собралъ я страшный сокъ отравы,

Что влилъ смертельный взглядъ Гекаты злобной въ траву.

Къ работѣ смертный сокъ! Здоровой жизни нить

Ты долженъ въ мигъ одинъ какъ молнія сразить.

(Вливаетъ ядъ въ узо спящаго Герцога).

Гамлетъ *(глядя въ упоръ на короля)*. Онъ отравляетъ его въ собственномъ саду, чтобъ овладѣть его престоломъ!... Старика зовутъ Гонзаго и эта правдивая исторія написана чистѣйшимъ италіанскимъ языкомъ. Сейчасъ вы увидите какъ убійца склонить на преступную любовь жену покойнаго!... *(Король встаетъ въ смятеніи).*

Офелия. Король встаетъ съ мѣста.

Гамлетъ. Какъ!... Неужели испугался фейерверка?...

Королева *(Королю)*. Что съ тобой другъ мой?

Полоній. Прекратите представленіе.

Король. Велите дать огня! Прочь отсюда!...

Всѣ. Огня! огня! огня!

(Всѣ уходятъ въ смятеніи кромѣ Гамлета и Гораціо).

Гамлетъ *(вскакивая)*. Пусть стонетъ раненый олень!...

За то какъ прежде лань рѣзвится!

Чредой идетъ за свѣтомъ тѣнь!

Тотъ крѣпко спитъ — тому не снится!...

Ну что другъ Гораціо!... Вѣдь теперь, если счастье даже совсѣмъ меня оставить, мнѣ стоитъ только нацѣпить лѣсъ перьевъ на шляпу да пристегнуть пару провансальскихъ розъ къ башмакамъ чтобъ получить мѣсто актера въ любой труппѣ!...

Гораціо. На вторыя роли?

Гамлетъ. Нѣтъ!... нѣтъ! — на первыя!...

Забавный случай, другъ Дамонъ

У насъ произошелъ!

Юпитеръ потерялъ свой тронъ

И сталъ царемъ — *птѣухъ!*....

Гораціо. Надо поставить рѣму принца.

Гамлетъ. О милый Гораціо! Теперь я готовъ покупать слова призрака на вѣсь золота!... Ты замѣтилъ?...

Гораціо. Какъ нельзя лучше.

Гамлетъ. Едва дѣло дошло до отравленія!...

Гораціо. Отъ меня не ускользнуло ничего.

Гамлетъ. Ха! ха! ха!.... Ей музыку! музыку!... сюда гуслиры! сюда!...

Король театръ не хочетъ посѣщать!

Ну пусть его! о чемъ тутъ горевать!...

(Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ).

Музыку! Музыку!....

Гильденштернъ. Позвольте, достойный принцъ, попросить васъ на пару словъ.

Гамлетъ. На цѣлую исторію, если угодно!...

Гильденштернъ. Его величество король!...

Гамлетъ. Что съ нимъ случилось?

Гильденштернъ. Его величество находится въ крайнѣй раздраженномъ состояніи.

Гамлетъ. Съ перепоя?

Гильденштернъ. Нѣтъ принцъ, но въ немъ расходилась жолчь.

Гамлетъ. Въ такомъ случаѣ вы поступили бы умнѣе, обратившись къ его врачу, потому что, если лекарство отъ жолчи будетъ ему прописано мною, то пожалуй она разольется хуже прежняго.

Гильденштернъ. Я убѣдительно прошу ваше высочество привести ваши мысли въ порядокъ и не уклоняться такъ явно отъ разговора.

Гамлетъ. Я усмиренъ — продолжайте!

Гильденштернъ. Королева, ваша матушка очень огорчена и прислала меня къ вамъ.

Гамлетъ. Добро пожаловать!

Гильденштернъ. Ваши слова не искренни принцъ. Если вамъ угодно дать мнѣ здравомыслящій отвѣтъ, то я исполню порученіе вашей матушки; если же нѣтъ — то, прошу вне-

редъ извиненія, я долженъ буду возвратиться съ чѣмъ пришелъ.

Гамлетъ. Я не могу сдѣлать этого.

Гильденштернъ. Чего принцъ?

Гамлетъ. Дать вамъ здравомыслящій отвѣтъ. Мой умъ боленъ. Впрочемъ во всякомъ случаѣ ваша обязанность выслушать что бы я ни отвѣтилъ, или, лучше сказать, вы должны передать, что услышите, моей матери. Потому ни слова объ этомъ и приступайте прямо къ дѣлу. Вы сказали что моя мать...

Розенкранцъ. Она велѣла вамъ сказать, что поведеніе ваше ее удивило и поразило.

Гамлетъ. Что за удивительный сынъ, который умѣетъ такъ поражать свою мать!... Скажите, не было ли какихъ послѣдствій этого удивленія?

Розенкранцъ. Она желаетъ поговорить съ вами въ своей комнатѣ, прежде чѣмъ вы отправитесь спать.

Гамлетъ. Повинуюсь съ такой покорностью какъ будто бы она была моей матерью десять разъ. Не имѣете ли вы передать мнѣ что нибудь еще?

Розенкранцъ. Принцъ! вы когда то меня любили....

Гамлетъ. Люблю до сихъ поръ! Клянусь этими воровскими крючками! (*Показываетъ на свои пальцы*).

Розенкранцъ. Скажите откровенно, добрый принцъ, чѣмъ вы такъ огорчены? Отказываясь подѣлиться вашимъ горемъ съ друзьями, вы сами себя заключаете въ нравственную тюрьму.

Гамлетъ. Я ничего не вижу для себя въ будущемъ!

Розенкранцъ. Какъ это можетъ быть, если самъ король назначилъ васъ наслѣдникомъ датскаго престола?

Гамлетъ. Да, но вѣдь — «пока травка подростетъ» — говорить старая пословица. (*Входитъ музыкантъ съ флейтой*).

А! флейта! — дайка ее сюда. (*Гильденштерну*). Ты кажется хочешь мнѣ что то сказать по секрету. — Для чего? Что за вопросъ? Право можно подумать будто ты ищешь что нибудь вывѣдать для того, чтобъ меня подвести.

Гильденштернъ. Вѣрьте принцъ, что моя любовь кажется вамъ подозрительной только потому, что я хочу честно исполнить свой долгъ.

Гамлетъ. Я это какъ то плохо понимаю. (*Подавая ему флейту*). Сынъграй что нибудь.

Гильденштернъ. Я не играю принцъ.

Гамлетъ. Пожалуста!

Гильденштернъ. Право не могу.

Гамлетъ. Но если я прошу?

Гильденштернъ. Я не умѣю взять инструмента въ руки.

Гамлетъ. Это также легко какъ лгать. Стоитъ только положить пальцы на отверстія, подуть во флейту ртомъ, и ты увидишь, что сейчасъ польется превосходная музыка. Смотри — клананы здѣсь.

Гильденштернъ. Но я ничего не могу съ ними сдѣлать, чтобъ вызвать гармонію. У меня нѣтъ для этого искусства.

Гамлетъ. Подумай же, за какое ничтожество ты принимаешь меня!... Ты хочешь играть на мнѣ, воображая будто тебѣ извѣстны клананы души моей!... Ты хочешь вырвать тайну изъ моего сердца, думая, что гамма моихъ сердечныхъ звуковъ легко зазвучитъ для тебя отъ первой ноты до послѣдней, а между тѣмъ въ тебѣ нѣтъ умѣнья заставить звучать эту дрянную дудку, въ которой все приспособлено для легкой игры! — Неужели ты серьезно вообразилъ, что на мнѣ легче играть чѣмъ на флейтѣ?... Нѣтъ! Ты можешь сравнивать меня съ какимъ хочешь инструментомъ! — можешь, пожалуй, разбить меня — но играть на мнѣ тебѣ не удастся! (*Входитъ Полоній*). А! добро пожаловать!

Полоній. Достойный принцъ; королева ваша матушка желаетъ немедленно говорить съ вами.

Гамлетъ. Посмотрите на это облако; не правда ли оно походитъ на верблюда?

Полоній. Дѣйствительно! Совершенный верблюдъ.

Гамлетъ. А можетъ быть на хорька?

Полоній. Да, да! этотъ выгнбъ очень похожъ на спину хорька.

Гамлетъ. Или на кита?

Полоній. Вылитый китъ!

Гамлетъ. Ну если такъ, я пойду сейчасъ къ матушкѣ! (*Въ сторону*). Они истощатъ мое терпѣнье до того, что я пожалуй дѣйствительно сойду съ ума.—Иду къ матушкѣ.

Полоній. Я ей сейчасъ доложу объ этомъ (*Уходитъ*).

Гамлетъ. Легко сказать *сейчасъ*!—Друзья прощайте!

(*Розенкранцъ, Гильденштернъ и Горацио уходятъ*).

Насталъ ужасный часъ! часъ ночи тайной,
Когда встаютъ изъ гроба мертвецы
И самый адъ тлѣтворнымъ духомъ вѣетъ
На миръ земной! — Горичей крови жажду
Напиться я!... Я могъ бы совершить
Теперь дѣла такіа, отъ которыхъ
Вздрогнулъ бы міръ, когда бы ихъ увидѣлъ!...
Но тише: — мать зоветъ меня! — О сердце!
Храни завѣтъ природы! духъ Нерона
Пусть будетъ чуждымъ мнѣ! — Жестокимъ быть
Способенъ я, но міръ не назоветъ
Меня чудовищемъ! — Острѣй кинжала
Будь рѣчь моя, но за кинжалъ рукой
Я не схвачусь! Съ поступками въ разладѣ
Пусть будутъ духъ и сердце! Какъ ни больно
Быть можетъ рѣчь моя ее встревожитъ —
Рука къ словамъ печати не приложитъ!

(*Уходитъ*).

СЦЕНА 3-я.

Комната во дворцѣ.

(*Входятъ Король, Розенкранцъ, и Гильденштернъ*).

Король. Онъ мнѣ не правится; намъ можетъ всѣмъ
Надѣлать бѣдъ подобное безумство;
И потому должны вы быть готовы
Немедля ѣхать въ путь. Я подисалъ

Всѣ нужныя бумаги. Вмѣстѣ съ вами
Отправится и принцъ. Покой страны
Не долженъ быть нарушенъ подъ угрозой
Болѣзненныхъ припадковъ, съ каждымъ днемъ
Растущихъ все быстрее.

Гильденштернъ. Мы готовы. —

Нельзя не похвалить благоговѣнно
Рѣшимости, съ какою государь
Спѣшите вы обезопасить миръ
И счастье вашихъ подданныхъ, живущихъ
Надеждой лишь на васъ.

Розенкранцъ. Коль скоро каждый

Отдѣльный гражданинъ имѣетъ право
Всей силою разсудка и души
Стараться защитить себя отъ бѣдствій
И всякихъ золъ, то тѣмъ скорѣй обязанъ
Заботиться о томъ же тотъ, на комъ
Лежитъ отвѣтственность за жизнь и счастье
Толпы людей. Король не умираетъ
Безслѣдно и одинъ: онъ какъ потокъ
Уноситъ за собой судьбу стоявшихъ
Вокругъ его престола. Онъ похожъ
На колесо, огромнаго размѣра,
Стоящее у всѣхъ въ виду на выси
Крутой горы. На этомъ колесѣ
Нанизаны десятки миллионовъ
Существъ ему подвластныхъ. Если разъ
Покатится такое колесо,
То вмѣстѣ съ нимъ найдутъ погромъ и гибель
Всѣ эти существа. Печаль царей
Влечетъ бѣду для множества людей.

Король. Готовьтесь же въ дорогу. Надо намъ
Сковать быстрѣй грозящую опасность;
Она и такъ уже чрезъ чуръ давно
Гуляетъ на свободѣ.

Розенкранцъ и Гильденштернъ. Мы готовы.

(*Уходятъ. Входитъ Полоній*).

Половій. Онъ, государь, направился сейчасъ
Въ покоя королевы. Я прокрадусь
За нимъ во слѣдъ и спрячусь за ковромъ,
Чтобъ слышать ихъ бесѣду. Вѣрьте мнѣ:
Она его примѣрно пожуритъ
И можетъ быть исправить. Тѣмъ не менѣй,
Вы истинно разумно разсудили,
Что въ такихъ дѣлахъ безполезенъ
Свидѣтель посторонній. Мать одна
Способна быть пристрастной по природѣ.
Я ухожу. Прощайте государь.
Узнавши все, что надо, я успѣю
Вамъ рассказать, еще предъ вашимъ сномъ,
О видѣнномъ.

Король. Прощай мой вѣрный другъ.
(*Половій уходитъ*).

О страшенъ, страшенъ грѣхъ мой! заразить
Онъ можетъ срадомъ небо! Тяготѣтъ
Надъ нимъ весь ужасъ перваго проклятья,
Которымъ заклеилъ Творецъ людей
Убийцу брата, Каина! — Молитесь
Я не могу, съ какой-бы твердой вѣрой
Ни вздумалъ это сдѣлать! Грѣхъ сильнѣй
Моихъ молитвъ и потому разрушить
Ихъ безъ слѣда! Я нахожусь теперь
Въ ужасномъ положеніи человѣка,
Стоящаго въ раздумьи при началѣ
Двухъ важныхъ дѣлъ и не могу рѣшиться
Съ чего начать! Ужель святая влага
Небесной благодати такъ безсильна,
Что смыть она не можетъ братней крови
Покрывшей руки мнѣ, будь даже слой
Кровавый тотъ плотнѣе самыхъ рукъ?
Къ чему жъ тогда намъ милость, если грѣхъ
Сильнѣй ея? Двойную пользу намъ
Должна давать молитва: пресѣкать
Проступки предъ началомъ или смягчать

Раскаяніемъ ихъ послѣ—такъ о чемъ же
Мнѣ такъ скорбѣть? Скорѣй скорѣе къ дѣлу!
Взоръ къ небесамъ!... Но какъ и что просить
Могу я у Творца? Простить мнѣ грѣхъ мой?...
Нѣтъ, нѣтъ! молить объ этомъ я не въ правѣ!
До сей поры живу я въ обладаньи
Тѣхъ выгодъ, для которыхъ совершилъ
Мой страшный грѣхъ! Жена, корона, санъ —
Похищенные мною такъ преступно,
Еще мои!.. Возможно ль при такихъ
Условьяхъ быть прощеннымъ? Судъ земной
Нерѣдко подкупается руками,
Свершившими злодѣйство. Мнѣ испорченъ
Такъ глубоко, что подкупъ иногда
Свершается при помощи самихъ же
Награбленныхъ вещей — но не таковъ
Небесный судъ! Въ немъ мѣста нѣтъ обману!
Проступки наши предстаютъ предъ нимъ
Во всей ихъ наготѣ! Должны мы сами
Открыто исповѣдать ихъ безъ лжи,
Лицомъ къ лицу съ Судьей! — Чтожъ остается
Мнѣ дѣлать послѣ этого?—принести
Раскаянье въ грѣхахъ? — Чего не можетъ
Оно свершить для насъ; но что за польза
Въ раскаяньи самомъ, когда не въ правѣ
Мы каяться?... Ужасно, о ужасно!..
О, сердце и душа чернѣе ночи!
Чѣмъ больше вы стараетесь порвать
Сковавшую васъ цѣпь, тѣмъ безнадежнѣй
Вы путаетесь въ ней! — Святые духи,
Придите мнѣ на помощь!.. Преклонитесь
Кичливыя колѣни; ты же, сердце,
Твердѣйшее чѣмъ камень, — размягчись
И стань нѣжнѣй невиннаго младенца!
Быть можетъ есть всему еще исходъ!

(*Становится на колѣни и молится.*
Входитъ Гамлетъ).

Гамлетъ. Удобный мигъ! Онъ молится! Теперь
 Я кончу съ нимъ! — Но если отойдетъ
 Съ молитвою онъ въ рай? Такой ли мести
 Могу я пожелать? Вотъ гдѣ сомнѣнье!
 Имъ умерщвленъ злодѣйски мой отецъ
 И я, страдальца сынъ, готовъ злодѣя
 Отправить въ рай?.. О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — не мщеньемъ
 Такой поступокъ будетъ, а наградой! —
 Отецъ убитъ неожиданно, въ мигъ покоя
 И нѣтъ мірскихъ, покрытый черной сѣтью
 Своихъ грѣховъ, какъ май покрытъ цвѣтами! —
 И кто сказать намъ можетъ, кромѣ Бога,
 Что вытерпѣть онъ долженъ былъ за смерть
 Въ подобный, страшный мигъ? Все заставляетъ
 Предполагать, что не легко ему
 Досталось искупленіе — такъ могу ли
 Считать себя отмщеннымъ я, убивъ
 Злодѣя въ часъ молитвы, въ часъ, когда
 Очистилъ душу онъ и приготовилъ
 Ее къ отходу въ вѣчность? — Нѣтъ! назадъ —
 Въ ножны кинжалъ! Дождись иной минуты,
 Когда, въ припадкѣ гнѣва, иль безумства,
 Подъ бременемъ распутства и вина,
 Заснетъ какъ звѣрь онъ на своей постелѣ,
 Вслѣдъ за игрой, среди божбы и дѣлъ,
 Которымъ нѣтъ прощенья! — Вотъ когда
 Настанетъ мигъ удара, чтобъ жестоко
 Оттолкнутый отъ чистыхъ вратъ небесъ,
 Стремглавъ низринуть былъ онъ въ бездну ада,
 Съ душой чернѣй чѣмъ адъ! — Теперь иду.
 Мать ждетъ меня — пора!.. А ты, злодѣй!
 Кончины мигъ отсрочилъ лишь своей!

(Уходитъ. Король поднимается
 съ колѣнъ).

Король. Слова, слова! ихъ не услышать тамъ!
 Безъ чувствъ слова не взыдутъ къ небесамъ.

(Уходитъ).

СЦЕНА 4-я.

Комната Королевы.

(Входятъ Королева и Полоній).

Полоній. Онъ явится сейчасъ. Старайтесь быть
 Построже съ нимъ; скажите, что его
 Нелѣные поступки превзошли
 Всѣ мѣры для терпѣнья и прибавьте,
 Что вы одни успѣли утишить
 Монаршіи гнѣвъ, вмѣшавшись въ это дѣло.
 Я спрячусь здѣсь. Не позабудьте только
 Быть строже съ нимъ.

Гамлетъ (за сценой). Могу ли я войти
 Къ вамъ, матушка?

Королева. Исполню вашъ совѣтъ.
Скорѣй; вотъ онъ. (Полоній прячется за занавѣску
 двери. Входитъ Гамлетъ).

Гамлетъ. Что отъ меня угодно
 Вамъ, матушка? Скажите, въ чемъ вопросъ?

Королева. Отецъ тобою оскорбленъ жестоко.
Гамлетъ. Отецъ мой вами оскорбленъ жестоко.

Королева. Такая рѣчь бессмысленно пуста.

Гамлетъ. А ваша рѣчь бессмысленна и зла.

Королева. Что это значить, Гамлетъ?

Гамлетъ. Что случилось?

Королева. Иль ты забылъ, кто я?

Гамлетъ. О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Клянусь святымъ крестомъ! Вы королева;

Жена вы брата, моего отца;

И наконецъ — признаться въ томъ мнѣ больно —

Вы мать моя!

Королева. О, если такъ — я кликну
Сюда людей, которые съумѣютъ
Иначе говорить съ тобой.

Гамлетъ. Ни съ мѣста!
Ты пальцами руки не пошевелишь,
Пока не покажу тебѣ я здѣсь,
Какъ въ зеркалѣ, души твоей изнанку!

Королева. Какъ! что!... убить! убить меня ты хочешь!
Ко мнѣ! ко мнѣ на помощь!..

Полоній (*за занавѣской*). Эй, на помощь!
Скорѣй, скорѣй, на помощь!..

Гамлетъ (*выхватывая шпагу*). Что тамъ? крыса?...
(*Наноситъ ударъ шпагой въ занавѣску*).

Убить! убить! Червонецъ объ закладъ!...

Полоній. О, я убить! (*Умираетъ*).

Королева. Что ты надѣлалъ Гамлетъ!

Гамлетъ. Что сдѣлалъ я?... Не знаю!... Былъ король тамъ?...
(*Отдѣрживаетъ занавѣску и открываетъ трупъ Полонія*).

Королева. О, дѣло зла и крови!

Гамлетъ. Зла и крови?
Повѣрьте мнѣ, мать добрая, оно
Ничѣмъ не хуже гнуснаго поступка,
Убивши мужа, брату стать женой!

Королева. Убивши мужа?

Гамлетъ. Да! Такъ говорю я!
(*Обращаясь къ Полонію*).

А ты, глупецъ, что сунулъ по привычкѣ
Не встать носъ — прощай! Я думалъ здѣсь
Сидѣлъ кой-кто другой, тебя умнѣе!..
Терпи жь свою судьбу! Ты испыталъ,
Что лишнее прислужничанье можетъ
Подчасъ быть неприятнымъ! — (*Королева*) — Перестань
Ломать свои такъ руки! Сядь. Я сердце
На части разобью тебѣ, коль скоро
Еще въ немъ искра чувства сбереглась,

И ежели подъ гнетомъ злой привычки
Оно не стало камнемъ для добра.

Королева. О, что тебѣ я сдѣлала, чтобъ могъ
Меня извить ты такъ своею рѣчью?

Гамлетъ. Ты сдѣлала проступокъ, предъ которымъ
Мертвѣеть все, что чисто и свѣжо!
Проступокъ, заставляющій считать
Невинность лицемѣрьемъ! Тотъ проступокъ,
При чемъ одномъ названьи блекнуть розы
Стыдливости, смѣняясь рядомъ смрадныхъ
И гнойныхъ язвъ! — Дѣла такіа душатъ
Святія узы брака, превращая
Священные слова въ наборъ пустыхъ
И громкихъ фразъ. Отъ дѣлъ такихъ браздится
Чело небесъ огнемъ, земля жь дрожитъ
Отъ ужаса въ болѣзненномъ припадкѣ,
Какъ будетъ въ день послѣдняго суда!

Королева. Но въ чемъ же я виновна? Что свершила
Дурнаго я, чтобъ могъ ты говорить
О томъ съ такимъ громовымъ предисловьемъ?

Гамлетъ (*показывая на портреты своего отца и короля*).
Смотри сюда: — передъ тобой висятъ
Два разные портрета кровныхъ братьевъ.
Взгляни сперва на этотъ: что за дивный
Перлъ красоты! Чело Зевеса! взоръ
И кудри Апполона! сила Марса,
Рожденного для власти и грозы!
Станъ Гермеса, посланника Олимпа,
Внезапно прилетѣвшаго въ сіяньи
На высь крутой горы, ушедшей въ небо
Вершиною! — Все говорить, что здѣсь
Слились въ одно такіа совершенства,
Какими только боги одарить
Могли свое созданье, чтобъ прославить
Название человѣка на землѣ!
И это былъ твой мужъ! — Теперь смотри,
Кто рядомъ съ нимъ. Вотъ тотъ, кому ты стала

Женой теперь! Какъ отпрыскъ, пораженный
 Гангреною, онъ заразилъ собой
 И бывшаго здоровымъ!.. Гдѣ же были
 Глаза твои? Какъ ты могла, покинувъ
 Всы свѣжихъ горъ, спуститься въ грязь болотъ,
 Въ гнилой и смрадный воздухъ? Гдѣ, гдѣ были,
 Скажу еще, глаза твои?.. Сослаться
 Не можешь ты на страсть: — въ твои года
 Любовь и страсть перестаютъ кипѣть
 Уже въ крови: становятся покорны
 Они совѣтамъ разума! А что
 Шепталъ тебѣ твой разумъ? Могъ ли онъ
 Тебя подвинуть къ этому? Разсудка
 Вѣдь ты не лишена! Будь это такъ,
 Была бы ты безъ мыслей и движенія!
 Но вѣрно то, что твой разсудокъ былъ
 Сраженъ ударомъ! Самое безумство
 Тутъ видѣло бы ясно. Умъ не могъ
 Быть помраченъ до полной слѣпоты
 Въ подобномъ выборѣ! Какой же демонъ
 Надѣлъ тебѣ повязку на глаза?
 Смотрѣла ты не чувствуя, внимала
 Безъ глазъ тому, что видѣла; твой слухъ
 Былъ пораженъ не меньше прочихъ чувствъ.
 Но даже, если бъ были сражены
 Болѣзнью чувства всѣ — то и болѣзнь
 Оставила бъ тебѣ довольно смысла,
 Чтобъ разсудить! — Позоръ! — Гдѣ былъ румянецъ
 Твоей стыдливости? Колю скоро адъ
 Такъ можетъ возбудить развратный пылъ
 Въ крови уже отжившей, то чего же
 Намъ должно ждать отъ юности? Какъ мягкій,
 Непрочный воскъ растаетъ все, что въ ней
 Есть добраго, отъ собственного жара!
 Не обвиняй же больше никогда
 Проступковъ юной крови! Зрѣлый возрастъ,
 Мы видимъ по тебѣ, способенъ также

На грѣхъ и страсть, не слушая того,
 Что умъ диктуешь волѣ!

Королева. Гамлетъ! Гамлетъ!

Молю тебя, довольно!.. Ты заставилъ
 Меня взглянуть въ темнѣйшіе изгибы
 Души моей, и тамъ открылась мнѣ
 Такая чернота, что нѣтъ надежды
 Омыть ее ничѣмъ!

Гамлетъ. Жить въ наслажденіи

Позорнаго разврата!... Прозабавъ
 Въ истомѣ гнусной нѣги! сдѣлать мѣстомъ
 Своей любви, нечистый, грязный хлѣвъ!...

Королева. О, перестань! Твои слова мнѣ рѣжутъ
 Острѣй кинжаловъ сердце!.. Милый, Гамлетъ!
 Молю тебя!...

Гамлетъ. Убийца и злодѣй,
 Не стоящій одной двадцатой доли
 Того, кто прежде мужемъ былъ твоимъ!
 Шутъ въ царскомъ облаченіи! воръ карманный,
 Укравшій боязливо и тайкомъ
 Вѣнецъ и санъ!..

Королева. Молю тебя, довольно!

Гамлетъ. Король лоскутный, сшитый изъ тряпницъ!..

(*Является Призракъ*).

Святія силы неба! защитите
 Меня покровомъ крылъ своихъ!.. Что ищешь
 Ты, призракъ дорогой?

Королева. Онъ помѣшался!...

Гамлетъ. Ты сына нерадиваго, быть можетъ,
 Явился упрекнуть за то, что онъ
 Проводитъ время въ бесполезныхъ вспышкахъ
 Горячности, и упускаетъ время
 Завѣтъ исполнить строгій твой?... Скажи!...

Призракъ. Замѣть мои слова: — явился я
 Затѣмъ, чтобъ поддержать въ твоей душѣ,
 Готовую угаснуть, твердость духа. —
 Но посмотри: — отчаянье совсѣмъ

Твою сразило мать. Подай ей помощь
Въ борьбѣ ужасной съ собственной душой!
Чѣмъ въ насъ слабѣе плоть, тѣмъ нестерпимѣй
Страдаетъ духъ. Скажи ей слово ласки.

Гамлетъ. Чтѣ съ вами, матушка?

Королева. О, Гамлетъ! — Ты
Скажи мнѣ, что съ тобой? Зачѣмъ блуждаешь
Въ пространствѣ взоромъ ты? Съ какимъ воздушнымъ
Бесѣдуешь ты призракомъ? Свѣтъ мысли
Погасъ въ твоихъ глазахъ. На головѣ,
Какъ рядъ солдатъ, внезапно пробужденныхъ,
Поднялись дыбомъ волосы, какъ будто бѣ
Была въ нихъ жизнь!.. О, милый, милый сынъ!
Умѣрь, молю, разсудкомъ и терпѣньемъ
Ужасный недугъ твой!.. Скажи, чтѣ видишь
Ты предъ собой?

Гамлетъ. Его! его!... Взгляни,
Какъ блѣденъ онъ! Слова его и видѣ
Въ самихъ камняхъ бы пробудили чувство,
Когда бѣ онъ обратился къ нимъ! (Къ Призраку).

О полно!

Смотрѣть такъ на меня! Твой скорбный взоръ
Смягчить мнѣ можетъ сердце до того,
Что я свершить не буду въ состоянн
Того, чтѣ долженъ сдѣлать; стану лить
Лишь слезы, вмѣсто крови!

Королева. Гамлетъ! Съ кѣмъ
Ты говоришь?...

Гамлетъ. Ты ничего не видишь?

Королева. Я вижу все, но только то, чтѣ есть.

Гамлетъ. И ты не слышишь также?...

Королева. Слышу только
Нашъ разговоръ съ тобой.

Гамлетъ. Смотри, смотри!
Какъ онъ, волнуясь, движется, въ одеждѣ
Въ какой привыкли видѣть мы отца.

Когда онъ жилъ. Смотри! вотъ онъ уходитъ
Сквозь эту дверь. (Призракъ исчезаетъ).

Королева. Ты видишь смутный призракъ,
Рожденный страшной грѣзой! — Бредъ горячки
Способенъ вызывать не рѣдко въ насъ
Подобныя видѣнья.

Гамлетъ. Бредъ горячки?...
Смотри: мой пульсъ спокойнѣй твоего
И бьется также ровно. Не безумье
Повѣрь мнѣ руководить мной — тебѣ
Я это докажу: я слово въ слово
Могу все повторить, о чемъ съ тобою
Здѣсь говорилъ. Безумцы не имѣютъ
Ни памяти ни смысла. Не ласкай
Себя несчастной мыслью, будто слышишь
Безумца ты, а не ужасный голосъ
Твоей нечистой совѣсти. Ты этимъ
Затинешь рану сверху, но ее
Не залечишь. Зараза будетъ глѣбѣ
По прежнему въ душѣ твоей, сжигая
Незримымъ ядомъ внутренность. Сознайся
Въ винѣ своей предъ Небомъ! Принеси
Раскаянье въ прошедшемъ, и умѣй
Грѣха избѣгнуть впредь! Не удобряй
Дурной травы, чтобъ не усилить этимъ
Ея зловредный ростъ! Прости и мнѣ
За правду этихъ словъ: вѣдь мы живемъ
Въ такомъ пресыщенномъ, распутномъ мнрѣ,
Что правда предъ порокомъ въ немъ должна
Почти что извиняться и молить
Порокъ съ поклономъ низкимъ, чтобъ позволялъ
Онъ ей платить добромъ ему за зло!

Королева. О Гамлетъ! ты разбилъ на части сердце
Сегодня мнѣ!...

Гамлетъ. Отбрось дурную часть
И, чистая, останься жить съ хорошей!
Теперь прощай! Но Боже сохрани

Тебя вернуться вновь въ объятья дяди!
 Принудь себя къ добру хотя бы силой!
 Привычка злобный демонъ нашъ, способный
 Сгубить всѣ чувства въ насъ; но если мы
 Успѣемъ обратить привычки силу
 На добрыя дѣла—она тогда
 Становится намъ ангеломъ, дающимъ
 Способности и силу безъ труда
 Вернуться вновь къ хорошему!... Попробуй
 Воздержной быть лишь разъ и ты увидишь,
 Что съ каждымъ новымъ разомъ подвиговъ будетъ
 Тебѣ казаться легче. Власть привычки
 Такъ велика, что ею можетъ быть
 Измѣнена печать самой природы!
 Злой демонъ, обуявшій насъ, исчезнетъ
 Предъ нею безъ слѣда, иль будетъ сдѣланъ
 Покорнымъ и ручнымъ.—Еще прощаюсь
 Съ тобою я! Когда благословенья
 Желаешь ты—благослови за это
 Меня сама! — (*Указывая на труппу Полонія*).

Что жъ до него — я каюсь

Въ свершонномъ мной! Самъ Богъ рѣшилъ, чтобъ мы
 Другъ друга покарал: онъ наказанъ
 Рукой моей, а я несу въ душѣ
 Тяжолое сознанье, что пришлось
 Мнѣ быть рукой карающаго Рока.
 Я сознаюсь открыто въ томъ, что сдѣлалъ
 И буду отвѣчать за то. Прощай!
 Я совершилъ поступокъ злой, стремясь
 Къ хорошему! Начало было дурно,
 Но вдвое хуже будетъ впереди!—
 Еще тебѣ замѣчу я...

Королева. Скажи,
 Что дѣлать я должна?

Гамлетъ. Что дѣлать?... Ты?
 Исполни все какъ разъ наоборотъ
 Тому, что я сказалъ. Пускай твой жирный,

Отъѣхавшійся король опять заманить
 Тебя въ свою постель! Пускай онъ треплетъ
 Тебя рукой по щеckѣ, называетъ
 Своей веселой кошечкой! Открой
 Ему за пару сальныхъ поцѣлуевъ
 И грязныхъ ласкъ, ту тайну, что узнала
 Ты отъ меня: что я лишь притворяюсь
 Помѣшаннымъ!—Попробуй въ самомъ дѣлѣ
 Такъ поступить. Возможно ль королевѣ
 Прекрасной, скромной, умной утаить
 Подобную заманчивую новость
 Предъ грязной старой жабой, предъ надутымъ
 Развратникомъ! Гдѣ женщина, которой
 Подъ силу этотъ подвигъ?—Поступи же
 И ты въ разладъ тому, что говорятъ
 Тебѣ разсудокъ съ сердцемъ. Стань похожа
 На ту мартышку въ баснѣ, что взобралась
 На кровлю дома, съ клѣткой воробьевъ
 И, выпустивъ на волю ихъ, затѣмъ
 Сама сломала шею, вздумавъ съ дуру
 Летѣть за ними слѣдомъ.

Королева. Будь увѣренъ,
 Что если бы слова у насъ рождались
 Дыханью вслѣдъ—дышать я перестала бъ
 И вмѣстѣ жить, лишь только бы не выдать
 Того, что ты сказалъ.

Гамлетъ. Слышала-ль ты,
 Что я отправленъ въ Англію?

Королева. О Боже!
 Объ этомъ позабыла я совсѣмъ.

Гамлетъ. Вотъ письма подъ печатью; ихъ везутъ
 Мои два школьныхъ сверстника, которымъ
 Я вѣрю какъ эхиднамъ. Имъ дано,
 Я знаю, приказанье обогнать
 Меня въ пути, чтобъ привести неслышно
 Къ гибели. Ну что жъ! Пускай! Забавный
 Всего бываетъ то, когда строитель

Подземнаго подкона полетить
 На воздухъ самъ съ своею же работой.
 А это будетъ такъ: я подкочаюсь
 Аршиномъ глубже ихъ и пусть взлетятъ
 Они до облаковъ. Что за блаженство
 Смотрѣть со стороны, когда столкнутся
 Одна съ другой двѣ хитрости! — *(Указывая на трупъ)*

Его же *Полонія*.

Мнѣ надобно убрать. Пусть полежитъ
 Съ своими потрохами онъ покамѣстъ
 Въ сосѣдней комнатѣ! — Прощай!... Какъ важенъ
 Онъ сталъ на видъ! какъ скромно молчаливъ!
 Онъ — весь свой вѣкъ болтавшій безъ умолку!...
 Пойдемъ пріятель! надобно съ тобой
 Покончить мнѣ. — Мать добрая, прощай!
(Уходитъ, волоча тѣло Полонія).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Комната во дворцѣ.

(Входятъ Король, Королева, Розенкранцъ и Гильденштернъ).

Король. Въ твоихъ глубокихъ вздохахъ непременно
 Таятся смыслъ! Прощу тебя, Гертруда,
 Откройся мнѣ; что сынъ твой?

Королева *(приворнымъ)*. Удалитесь
 На нѣсколько минутъ. *(Придворные уходятъ).*

О добрый другъ!

Когда бъ ты зналъ, что вынесла я ночью!

Король. Что, что? скажи! — что съ Гамлетомъ?

Королева.

Онъ страшенъ

Въ своихъ припадкахъ ярости какъ море
 Въ борьбѣ съ ужаснымъ вѣтромъ! Полный бреда
 Услышалъ шорохъ онъ за занавѣской,
 Схватилъ свой мечъ и съ воплемъ: «крыса! крыса!»
 Не видя ничего передъ собой,
 Нанесъ въ безумной ярости ударъ,
 Которымъ былъ убитъ несчастный старѣцъ?

Король. Ужасное злодѣйство! Точно тоже
 Случиться бы могло съ однимъ изъ насъ,
 Будь мы на этомъ мѣстѣ. Всѣмъ равно
 Грозитъ его свобода: мнѣ, тебѣ.
 И каждому! — Мы будемъ отвѣчать
 За эту смерть. Общественное мнѣніе
 Навѣрно обвинитъ обоихъ насъ,
 За то, что не былъ сдержанъ или запертъ
 Безумный этотъ мальчикъ! Оба мы
 Не видѣли изъ за избытка чувствъ,
 Что должно дѣлать намъ и поступали
 Какъ тотъ больной, который изъ стыда
 Не хочетъ показать своей болѣзни
 Передъ людьми и позволяетъ ей
 Себя разрушить вдосталь. — Гдѣ теперь онъ?

Королева. Онъ удался, унесъ съ собой
 Убитаго. Прекрасная душа
 Его сквозитъ какъ золото въ рудѣ
 Въ самихъ припадкахъ бѣшенства. Онъ горько
 Рыдалъ о томъ, что сдѣлалъ.

Король. Удалимся
 Теперь Гертруда прочь. Едва заря
 Озолотитъ вершины горъ лучами
 Онъ сядетъ на корабль. — Чтожъ до послѣдствій
 Проступка имъ свершоннаго — намъ должно
 Призвать на помощь все свое вліянье
 И весь свой умъ, чтобы какъ нибудь успѣть
 Его замаять. — Ей Гильденштернъ!
(Розенкранцъ и Гильденштернъ возвращаются).

Ступайте

Мои друзья и кликните на помощь
Себѣ кого нибудь. Безумнымъ принцемъ
Убить нашъ другъ Полоній. Мертвый трупъ
Имъ унесенъ изъ спальни королевы
И гдѣ то скрытъ. Старайтесь осторожно
Узнать гдѣ онъ и положите тѣло,
Какъ слѣдуетъ, въ часовнѣ. Не теряйте жъ
Напрасно времени! —

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Идемъ Гертруда.

Мы созовемъ немедленно на совѣтъ
Разумнѣйшихъ друзей своихъ и прямо
Откроемъ имъ несчастное событие,
А также то, что нами рѣшено.
Ядъ клеветы хотя и попадаетъ
По большей части въ цѣль, подобно пушкѣ,
Съ такимъ ужаснымъ гибельнымъ ядромъ,
Что пронизать легко оно способно
Насквозь весь міръ — но можетъ быть усиѣмъ
Направить мы ядро такимъ путемъ,
Что будетъ имъ пронизанъ только воздухъ.
Идемъ теперь! — О Боже, какъ легко
На душу мнѣ все это тяжело!

(Уходятъ).

СЦЕНА 2-я.

Другая комната во дворцѣ.

(Входитъ Гамлетъ).

Гамлетъ. Славно спрятанъ!

Розенкранцъ (за сценой). Гамлетъ! Принцъ Гамлетъ!

Гамлетъ. Что тамъ за шумъ? Кому понадобился Гамлетъ? А!
это они.

(Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ).

Розенкранцъ. Скажите принцъ, что сдѣлали вы съ мертвымъ
тѣломъ?

Гамлетъ. Смѣшаль его съ родственнымъ ему земнымъ прахомъ!
Розенкранцъ. Скажите намъ гдѣ трупъ, чтобъ мы могли взять
его и перенести въ часовню.

Гамлетъ. Не вѣрьте этому!

Розенкранцъ. Чему не вѣрить?

Гамлетъ. Что я лучше сумѣю сохранить вашу тайну, чѣмъ
свою собственную. А сверхъ того, прилично ли королев-
скому сыну отвѣчать, когда его спрашиваетъ губка?

Розенкранцъ. Развѣ я губка, принцъ?

Гамлетъ. Да — губка, пропитанная до времени тѣмъ, что мо-
жетъ понадобится королю. Такіе прислужники сущіи
кладъ. Короли поручаютъ вамъ, какъ обезьянамъ, держать
за щекой сладкіе плоды. Яблоко близко, а проглотить
нельзя! Когда же запасъ вашъ сдѣлается нуженъ самому
королю — васъ пожмутъ и вы опять сухи какъ губка.

Розенкранцъ. Я не понимаю васъ, принцъ.

Гамлетъ. Очень радъ. Умныя рѣчи не для дураковъ

Розенкранцъ. Вы должны сказать гдѣ тѣло и затѣмъ отпра-
виться съ нами къ королю.

Гамлетъ. Тѣло при королѣ, но король пока еще не сдѣлался
тѣломъ. Король — нѣчто.

Розенкранцъ. Нѣчто, принцъ?

Гамлетъ. И очень ничтожное. Ведите меня къ нему. Лисицы
впередъ — собака за ними.

(Уходятъ).

СЦЕНА 3-я.

Другая комната во дворцѣ.

(Входитъ Король со свитой).

Король. Я приказалъ позвать его, а также
Найти немедленно трупъ. Какъ ни опасно
Давать ему свободу, тѣмъ не менѣе
Я не могу велѣть его судить

Какъ требуютъ законы. Онъ любимъ
Безсмысленной толпой — а вѣдь толпа
Не видитъ дальше носа и разсудкомъ
Рѣшать не любитъ дѣлъ. Въ такихъ вопросахъ
Ее смущаетъ приговоръ, вины же
Она не хочетъ знать. А потому,
Чтобъ обошлось все тихо и спокойно,
Должны вести мы это дѣло такъ,
Чтобъ ссылка принца показалась дѣломъ
Рѣшоннымъ осторожно. Чѣмъ сильнѣй
Развить недугъ, тѣмъ энергичнѣй надо
Его лечить: иначе отъ леченья
Не будетъ проку.

(Входитъ Розенкранцъ).

Что приносишь намъ

Ты новаго?

Розенкранцъ. Мы не могли никакъ

Узнать, куда успѣлъ онъ спрятать тѣло.

Король. А гдѣ онъ самъ?

Розенкранцъ. Здѣсь подъ охраной стражи,
Ждетъ вашихъ приказаній.

Король. Пусть введутъ
Его сюда.

Розенкранцъ. Ей! Гильденштернъ! пускай
Сюда попросятъ принца.

(Входятъ Гамлетъ и Гильденштернъ).

Король. Ну Гамлетъ, гдѣ Полоній?

Гамлетъ. На ужинѣ.

Король. На ужинѣ? Что это значить?

Гамлетъ. Только не на такомъ гдѣ онъ ѣстъ самъ, а напротивъ ѣдятъ его. Около покойника собрался цѣлый советъ глубокомысленныхъ червяковъ. Вѣдь червякъ рѣшительный и окончательный судья во всѣхъ вопросахъ, касающихся ѣды. Мы откармливаемъ скотовъ для того, чтобъ откормить себя, а себя откармливаемъ въ пользу червей. Жирный король и тощій нищій только два разныхъ блюда, которые будутъ оба съѣдены за однимъ столомъ. Таковъ конецъ всему.

Король. О Боже, Боже!...

Гамлетъ. Человѣкъ удить рыбу червякомъ, который съѣлъ короля и затѣмъ завтракаетъ рыбой, проглотившей этого червяка.

Король. Что ты хочешь сказать?

Гамлетъ. А то, что — какъ вы видите сами — король можетъ совершить триумфальное путешествіе сквозь желудокъ и внутренности нищаго.

Король. Гдѣ Полоній?

Гамлетъ. На небесахъ! Пошлите справиться. Когда же вашъ посланный не найдетъ его тамъ, то поищите — на этотъ разъ уже сами — въ другомъ мѣстѣ. Въ случаѣ же безуспѣшности и этого послѣдняго труда, покойный раньше мѣсяца самъ себя обнаружить, если не вашимъ глазамъ, то навѣрно вашему носу, когда вы будете проходить мимо лѣстницы, ведущей на галерею.

Король (свистъ). Спѣшите туда.

Гамлетъ. Зачѣмъ спѣшить? онъ подождетъ.

(Нѣкоторые изъ придворныхъ уходятъ).

Король. Поступокъ, Гамлетъ, твой меня принудилъ,

Для собственнаго блага твоего,
Тебя отправить прочь. Рѣшенъ это
Докажетъ одновременно мою
Къ тебѣ любовь и горе о свершонномъ
Тобой дурномъ поступкѣ. Потому
Сбирайся въ путь. Корабль готовъ и вѣтеръ
Подулъ благопріятно. Всѣ твои
Товарищи собрались. Словомъ все
Налажено, чтобъ неотложно ѣхалъ
Ты въ Англію.

Гамлетъ. Въ Англію?

Король. Да, Гамлетъ.

Гамлетъ. Хорошо.

Король. Еслибъ ты зналъ мои намѣренія, то сказалъ бы отъ
всего сердца, что они дѣйствительно хороши.

Гамлетъ. Я вижу ангела, который знаетъ

Ихъ хорошо! — Чтожь, ѣдемте! Прощай
Мать добрая!

Король. *«Твой любящій отецъ»*

Хотѣлъ сказать ты вѣроятно, Гамлетъ.

Гамлетъ. Нѣтъ, я хотѣлъ сказать: *мать*. Отецъ и мать вѣдь
это мужъ и жена, а мужъ и жена одна плоть; потому я
повторяю: прощай *мать!* — Ёдемъ въ Англію. (*Уходитъ*).

Король. Идите вслѣдъ за нимъ и пусть при васъ

Онъ сядетъ на корабль. Не допускайте
Какихъ либо отсрочекъ. Къ ночи долженъ
Уѣхать онъ, во что бы то ни стало.

Я подписалъ и запечаталъ все,
Что слѣдуетъ. Ступайте жъ, торопитесь.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Ну Англія! Когда ты дорожишь
Еще моею дружбой — (дорожить же
Ты ей должна, съ тѣхъ поръ какъ датскій мечъ,
Нанесъ тебѣ зіяющія раны,
И показавъ какъ можетъ быть опасна
Вражда моя, тебя платить заставилъ
Почотную намъ дань) — и такъ когда
Ты мною дорожишь, то не оставь
Безъ должнаго вниманія то, чего
Я властно требую! — Въ закрытыхъ письмахъ
Найдешь мою ты волю, чтобы Гамлетъ
Былъ тотчасъ умерщвленъ! — Онъ отравляетъ,
Какъ злая ядовитая горячка,
Всю кровь мою, и потому исполни,
Что я прошу! Пока не прилетитъ
Желанное извѣстье — даже радость
Не будетъ мнѣ въ утѣху или сладость!

(Уходитъ).

СЦЕНА 4-я.

Равнина въ Даніи.

(Входитъ Фортинбрасъ съ войскомъ).

Фортинбрасъ. Вы, капитанъ, передадите мой
Привѣтъ сердечный датскому монарху,
И скажете, что я прошу, во имя
Имъ даннаго согласья, пропустить
Мои войска чрезъ датскія владѣнья.
Вы знаете затѣмъ гдѣ насъ найти.
Когда его величество изъявитъ
Желанье говорить со мной — скажите,
Что я явлюсь къ нему немедленно самъ,
Чтобъ выразить почтенье.

Капитанъ. Будетъ все
Исполнено.

Фортинбрасъ. Трубите тихій маршъ.

(Фортинбрасъ съ войскомъ уходитъ).

(Входятъ Гамлетъ, Розенкранцъ и Гильденштернъ).

Гамлетъ (Капитану). Скажите мнѣ, прошу, что за-войска
Тамъ движутся?

Капитанъ. Норвежцы принцъ.

Гамлетъ. Куда же

Они идутъ?

Капитанъ. На Поляковъ.

Гамлетъ. А кто

Начальникъ ихъ?

Капитанъ. Племянникъ короля

Норвежцевъ, Фортинбрасъ.

Гамлетъ. Что жъ, хочетъ что ли

Онъ Польшу покорить, или споръ затѣяетъ

Изъ за клочка ничтожнаго земли?

Капитанъ. Когда сказать вамъ правду, споръ затѣянъ
Дѣйствительно изъ за клочка земли,
Не стоящаго имени, какое
Ему дано. Я за него бы не далъ
Аренды въ пять червонцевъ. Да и Польша
Съ Норвегіей не выручили бъ больше,
Когда его бы продали.

Гамлетъ. Такъ значить
Поляки не подумаютъ его
И защищать.

Капитанъ. О нѣтъ, они послали
Туда ужъ войско.

Гамлетъ. Будетъ стоять вамъ
Червонцевъ тысячъ двадцать и не меньше
Двухъ тысячъ человѣкъ такой гнилой,
Нестоющій вопросъ!—Вотъ до чего
Людей доводитъ слишкомъ долгій миръ!
Потребность смерти въ нихъ тогда родится
Сама собой, безъ всякихъ внѣшнихъ данныхъ.
Благодарю за объясненіе.

Капитанъ. Будьте
Здоровы принцъ! (*Уходитъ*).

Розенкранцъ. Угодно ль продолжать
Вамъ дальше путь?

Гамлетъ. Идите, я сейчасъ
Послѣдую за вами.

(*Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ*).

Какъ однако
Сдвигаются, какъ будто бы нарочно,
Вокругъ меня случайности, чтобъ тѣмъ
Меня подвигнуть мстить! — Чтѣмъ человѣкъ,
Когда задачей жизни онъ поставитъ
Лишь спать и ѣсть? — животное, не больше!
Конечно Богъ, создавшій насъ съ такимъ
Запасомъ силъ, что можемъ познавать
Разсудкомъ мы, чтѣмъ было и чтѣмъ будетъ,
Намъ даровалъ божественную искру

Не съ тѣмъ, чтобъ оставалась въ насъ она
Бездѣйственной! — А если такъ — зачѣмъ же
Живу на свѣтѣ я, собираюсь тщетно
Свершить свою задачу, для которой
Готово все: и воля и причина
И крѣпость силъ? — Не скотскій ли столбнякъ,
Иль глупое сомнѣніе могутъ только
Причиной быть тому, что расплываюсь
Въ пустыхъ я разсужденіяхъ, вмѣсто бодрой
Рѣшимости? Коль скоро допустить,
Чтѣмъ въ долѣ небольшой сомнѣній этихъ
Винюченъ даже умъ, то въ остальной,
Гораздо большей части, виновата
Презрительная трусость! — Образцы,
Великіе какъ миръ, кричатъ мнѣ громко,
О томъ, чтѣмъ должно дѣлать. Предо мною
Преходитъ масса войскъ, готовыхъ къ битвѣ!
Ее ведетъ прекрасный, юный принцъ,
Пылающій похвальнѣйшимъ желаніемъ
Прославиться. Въ лицо глядитъ онъ бодро
Невѣдомымъ случайностямъ войны
И смѣло подвергаетъ жизнь и счастье
Всему, чѣмъ только могутъ имъ грозить
Опасности и смерть. И изъ чего жъ
Весь этотъ споръ и шумъ? — изъ за причины
Нестоющей личной скорлупы!
Поистинѣ величье состоитъ
Отнюдь не въ томъ, чтобъ вдохновляться только
Великими дѣлами. Честь способна
Порой изъ за соломинки заставить
Насъ жертвовать собой! — Какимъ же долженъ
Казаться людямъ я — несчастный сынъ
Злодѣйски умерщвленнаго отца
И матери подвергшейся позору?
Какъ я могу, въ противность побужденіямъ
И крови и ума, смотрѣть безъ краски
Стыда въ лицѣ, какъ здѣсь, передо мной

Десятки тысячъ юношей, согрѣтыхъ
Однимъ желаньемъ доблести и славы,
Идутъ на смерть и гибель какъ на пиръ,
Не думая, что тотъ клочекъ земли,
Который покорять они, не будетъ
Достаточно великъ на столько даже
Чтобъ въ немъ зарыть ихъ мертвые тѣла?
Кипи же кровь! желанье мстить одно
Въ моей душѣ отнынѣ жить должно!
(Уходитъ).

СЦЕНА 5-я.

Эльсинёръ. Комната въ замкѣ.

(Входятъ Королева и Гораціо).

Королева. Я видѣть не хочу ее.

Гораціо. Она
Васъ проситъ такъ настойчиво. Конечно
Безумья видъ ужасенъ, но смотрѣть
Нельзя безъ слезъ на грусть ея и просьбы.

Королева. Чего же надо ей?

Гораціо. Она лепечетъ
То объ отцѣ, то вдругъ твердить начнетъ
Какъ дурень міръ; рыдая бьетъ себя
Со стономъ въ грудь; готова разсердиться
За всякій вздоръ. Въ ея рѣчахъ сквозятъ
Лишь тѣни чувствъ и мыслей, но однако
Ихъ странный тонъ невольно привлекаетъ
Внимание тѣхъ, кто слышитъ ихъ и всякій
Старается по своему понять
Что значать тѣ слова. Глаза и жесты
Высказываютъ ясно въ ней, что хочетъ

Она сказать о чемъ то очень грустномъ,
Но ясности нѣтъ въ рѣчи и слѣда.

Королева. Съ ней, вижу я, дѣйствительно мнѣ надо
Поговорить; иначе положенье,
Въ какомъ она находится, возбудитъ
Пожалуй вредный толкъ въ дурныхъ умахъ.
Пускай она войдетъ. (Гораціо уходитъ).

Таковъ всегда
Бываетъ плодъ грѣха! Моя больная
И скорбная душа способна чутъ
Во всемъ предвѣстье горя. Преступленье
Не скроется, и чѣмъ себя сильнѣй
Желаешь скрыть — тѣмъ выдаетъ скорѣй!

(Возвращается Гораціо съ Офеліей).

Офелія. Гдѣ Датская красавица царица?

Королева. Офелія! что милая съ тобой?

Офелія (напѣваетъ). Отличу ли таинственнымъ утромъ
Я мой милый тебя отъ другихъ,
По значку на плечѣ съ перламутромъ,
Иль по банту изъ лентъ дорогихъ?

Королева. Офелія! что значить эта пѣсня?

Офелія. Что вы сказали? Не перебивайте! слушайте!
Ахъ онъ умеръ, онъ умеръ! въ сосновый
Гробъ руками любви положонъ!
Холмъ надъ тѣломъ насыпанъ дерновымъ,
Тяжкій камень въ ногахъ наваленъ!

Королева. Офелія!

Офелія. Говорю вамъ, слушайте!
Гробовыми обвить пеленами...

(Входитъ Король).

Королева. Ахъ, добрый другъ, взгляни на нее!

Офелія (продолжая пѣть). Чище дѣвственныхъ горныхъ снѣговъ,
Онъ въ могилу зарытъ со слезами,
Подъ кошицами свѣжихъ цвѣтовъ!

Король. Что съ тобой, милая Офелія?

Офелія. Со мной? Пока ничего! благодарю васъ. А что съ
нами будетъ завтра—никто сказать не можетъ! Вѣдь и
у хлѣбника дочь была сначала дѣвушкой, а потомъ сдѣ-
лалась совой!... Храни васъ Богъ отъ всего дурнаго!

Король. Она все думаетъ объ отцѣ.

Офелія. Ахъ полноте! стоитъ ли объ этомъ говорить? А если васъ будутъ спрашивать, то отвѣчайте вотъ какъ:

Въ Валентиновъ денекъ,
Только зорька зашла,
Я къ тебѣ, мой дружокъ,
Валентиной пришла!

Чистой дѣвушкѣ въ ночь
Двери онъ отворилъ,
Но не дѣвушку прочь
Отъ себя отпустилъ!

Король. Офелія!

Офелія. Молчите! проклинать нехорошо, а досказать надо!

Стыдно, стыдно ему
Было такъ поступить!
Не ему одному
Впрочемъ вѣтренымъ быть!

«Я тебѣ милый мой,
Вѣдь женой клялась быть»

А онъ въ отвѣтъ!

«Плакать надо самой!
Кто велѣлъ приходить!»

Король. Давно ли это съ нею сдѣлалось?

Офелія. О ничего! все пройдетъ; надо только терпѣнье. Но я все таки не могу не заплакать, когда вспомню, что они зарыли его въ холодную землю! Братъ мой впрочемъ объ этомъ узнаетъ, а васъ я благодарю за добрыя слова и ласку! Велите подавать мою карету! — Покойной ночи, мои милыя! Покойной ночи! (*Убѣгаетъ*).

Король. Идите вслѣдъ за ней, не оставляйте

Ее одну. О, вотъ плоды отравы,
Какой поражена она! Гертруда!
Мой вѣрный другъ! взгляни какъ справедливо,
Что если разъ неожиданная бѣда
Постигнетъ насъ, то вслѣдъ за ней придетъ
Ихъ множество! Отца ея кончина
Была началомъ горестей; затѣмъ
Отправленъ въ ссылку Гамлетъ, въ чемъ онъ впрочемъ
Виновенъ самъ. Народъ угрюмо роищеть,

И глухо угрожаетъ мстить за смерть
Полоніа. Великую съ тобой
Мы сдѣлали ошибку, схоронивъ
Его безъ почестей! За этимъ горемъ,
Какъ на голову свѣтъ, упалъ несчастный
Недугъ Офелія, сразившій въ ней
Свѣтъ разума, безъ чьей цѣлебной силы
Мы дѣлаемся схожими съ звѣрьми
Иль куклами безъ жизни. Въ довершеніе жъ
Всѣхъ этихъ бѣдъ и чуть ли не изъ всѣхъ
Важнѣйшей — счесть должны возвратъ мы тайный
Изъ Франціи Лаэрта. Онъ умѣло
Ведетъ игру; скрывается пока
Отъ нашихъ глазъ и жадно ловить ухомъ
Отравленные слети о кончинѣ
Его отца, и ужъ конечно, если
Зайдетъ вопросъ о томъ, кого винить
За эту смерть, то наше имя будетъ
Летать изъ уха въ ухо! О мой вѣрный
И добрый другъ! Все это, какъ ядро,
Направленное въ сердце, доведетъ,
Увидишь скоро ты, меня до смерти!

(*За сценой шумъ*).

Королева. О Боже! что за шумъ? (*Входитъ Придворный*).

Король. Ей! гдѣ швейцарцы?

Поставить ихъ на стражу у дверей.

Что тамъ случилось?

Придворный. Государь, спасайтесь!

Самъ океанъ, разрушившій преграды
Плотинъ своихъ, не такъ бурлитъ свирѣпо,
Какъ бѣшенный Лаэртъ, иди въ главѣ
Бунтовщиковъ, разить и косить вашихъ
Защитниковъ! — Разъяренная чернь
Зоветъ его главой! Все, что законъ,
Преданье иль обычай — эти стражи
Спокойствія и мира — освятили
Споконъ вѣковъ, забыто злобнымъ роємъ

Мятежниковъ! Для нихъ весь міръ какъ будто
Родился вновь и надо въ немъ устроить
Все съизнова. Въ неистовой угрозѣ,
Сжавъ кулаки, бросая шапки въ верхъ,
Ревутъ они: «Лаэртъ! Лаэртъ! тебя
Избрали мы! Лаэртъ будь намъ монархомъ!»

Королева. Залаяли, понавъ на ложный слѣды!
Не ошибитесь датскія собаки!

Король. Ужель разбита дверь? *(Шумъ. Лаэртъ срывается
съ толпой бунтовщиковъ).*

Лаэртъ. Гдѣ, гдѣ король?
Друзья остановитесь!

Бунтовщики. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Войдемъ и мы!

Лаэртъ. Прошу васъ, я съумѣю
Все сдѣлать самъ одинъ.

Бунтовщики. Ну, ну, пускай!
(Удаляются за двери).

Лаэртъ. Благодарю. Оберегайте только
Покрѣпче дверь! — Ну, государь презрѣнный!
Гдѣ мой отецъ?

Король. Утишь себя Лаэртъ!

Лаэртъ. Когда во мнѣ утихла бы теперь
Хоть капля крови — я покрылъ бы память
Отца стыдомъ! Самъ пересталъ бы вѣрить,
Что я законный сынъ! Пятномъ разврата
Навѣки бѣ заклеимъ лицо святое
Моей покойной матери!

Король. Скажи,
Чѣмъ могъ Лаэртъ увлечься до такого
Неистовства? Оставь его Гертруда!
Не бойся за меня: лицо монарха
Окружено такимъ святымъ оплотомъ
Могущества, что до чего бѣ измѣна
Ни вздумала дойти — ей не сломить
Его ничѣмъ. — Отвѣть же мнѣ Лаэртъ

Чѣмъ такъ ты возбужденъ? — Оставь Гертруда,
Пускай онъ говорить.

Лаэртъ. Гдѣ мой отецъ?

Король. Убить.

Королева. Не королемъ.

Король. Оставь! пусть онъ
Все выскажетъ.

Лаэртъ. Какъ умеръ онъ? Хочу я
Все знать вполне! Словами убаюкать
Меня вамъ не удастся! Къ чорту вѣрность!
И съ клятвами! Долой добро и честь!
Проклятье всѣмъ! Дошелъ я до того
Что жить, какъ здѣсь, такъ и въ грядущемъ мірѣ,
Равно противно мнѣ! Погибни все!
Мнѣ только бѣ мстить! мстить всѣмъ и безъ пощады
За смерть отца!

Король. Ктожъ въ томъ тебѣ мѣшаетъ?

Лаэртъ. Никто! Никто! Хватило-бѣ только силъ!
А что до средствъ, то я достигъ съумѣю,
Чего хочу и съ малыми.

Король. Ты, вижу,
Озлобленъ ужъ чрезъ чуръ; но все же я
Хочу спросить тебя: ужели правда,
Что думая отмстить за смерть отца,
Въ одну валить ты будешь кучу правыхъ
Съ виновными и мстить огульно всѣмъ?

Лаэртъ. Нѣтъ, нѣтъ! однимъ виновнымъ!

Король. Значить ты
Желаешь знать ихъ имя?

Лаэртъ. Кто былъ другомъ
Покойнаго отца, тому широко
Открою я объятъ и готовъ,
Какъ пеликанъ, пожертвовать ему
И кровь свою и плоть.

Король. Ну вотъ теперь
Ты говоришь какъ честный, вѣрный рыцарь
И добрый сынъ. Сейчасъ ты самъ увидишь

Яси́бе дня, что лично въ этомъ дѣлѣ
Я вовсе не виновенъ и напротивъ
Печалюсь больше всѣхъ о скорбной смерти
Покойнаго.

Бунтовщики (за дверью). Пусть пусть она войдетъ!

Лазрть. Что тамъ за шумъ? (*Входитъ Офелія причудливо
убранная колосьями и цвѣтами*).

О Боже! Изсуши

Мнѣ мозгъ огнемъ! Разъѣшьте слезы солью
Глаза мои! — Цѣной отмстится страшной
Угасшій этотъ разумъ! Чаша мести
Сравняется со скорбной чашей бѣды!
Офелія! Сестра! Цвѣтокъ безцѣнный!
Возможно ли, чтобъ чистый юный умъ
Могъ быть сраженнымъ также какъ и жизнь
Людей уже отжившихъ? Все, что было
Чистѣйшаго въ ея душѣ прекрасной: —
Любовь и умъ — какъ будто бѣ испарясь,
Покинуло ее и улетѣло
Во слѣдъ тому, кто былъ ей всѣхъ милѣй!

Офелія (*напѣвая*). Въ гробу съ непокрытымъ лицомъ
Лежалъ онъ! Ахъ плачьте, тоскуйте!
Слезъ горькихъ облитый ручьемъ....

Прощай мой голубокъ!

Лазрть. Если бы ты съ полнымъ разумомъ молила меня о
мести, то не могла бы возбудить ее сильнѣе!

Офелія. А послѣдній стихъ надо снѣть такъ:
Что было — о томъ не горюйте!

Не правда ли славный припѣвъ для пѣсенки? Это пѣсня
про одного нехорошаго управляющаго, который увезъ и
обольстилъ дочь своего господина.

Лазрть. Сколько смысла въ твоихъ безумныхъ словахъ!

Офелія (*перебирая цвѣты*). Вотъ розмаринъ! — это цвѣтокъ
воспоминанья. Помни меня мой милый! — А вотъ неза-
будки. Ихъ дарятъ тому, въ чьихъ мысляхъ мы хотимъ
всегда жить.

Лазрть. Дорогія мысли и воспоминанія просвѣчиваютъ въ
самомъ ея безуміи.

Офелія (*подавая цвѣты королю*). Вотъ укропъ для васъ! —
возьмите. (*Обращаясь къ королеви*) а для васъ рута —
травя скорби и раскаянія. Я оставлю ее немного и для
себя потому что ее зовутъ также травой благодати. Вамъ
носить ее прилично въ особенности. Вотъ маргаритки.
Хотѣлось бы мнѣ дать вамъ также фіалокъ, но они всѣ
завяли съ тѣхъ поръ какъ умеръ мой отецъ! — Говорятъ
онъ скончался тихо и спокойно! (*напѣвая*).

Прокукуй смерть скорѣй мнѣ кукушечка!

Лазрть. Даже болѣзнь съ ея ужасами проникнута въ ней
какой то чарующей прелестью!

Офелія. (*напѣвая*). Не увидимъ его!

Не увидимъ его!

Мертвымъ нѣтъ и не будетъ возврата!

Гробъ его дорогой

Взять сырою землею!

Не вернется что разъ ею взято!

Были волны кудрей

Льна и снѣга бѣлѣй

И зарытъ онъ на вѣки въ могилу!

Онъ почилъ вѣчнымъ сномъ,

Плачь напрасенъ по немъ!

Скорбный духъ его Боже помилуй!

Молю Бога за всѣхъ добрыхъ христіанъ! Прощайте!

Господь съ вами! (*уходитъ*).

Лазрть. Видишь ли ты это о Господи!

Король. Лазрть! признать обязанъ ты по долгу

Права мои и выслушать теперь,

Что я намѣренъ дѣлать. Но сначала

Ты можешь выбрать изъ своихъ ближайшихъ

И преданныхъ друзей такихъ, которымъ

Согласенъ ты отдать на обсужденіе

Нашъ скорбный споръ. Когда они признаютъ,

Что я виновенъ точно въ чемъ нибудь

Хоть косвенно — я соглашусь отдать

И власть и жизнь, когда ты отъ меня

Того потребуешь; но если буду
Я признанъ ими правымъ—ты обязанъ
Себя смирить и обѣщать впередъ
Вести себя съ терпѣньемъ. Оба мы
Придумаемъ тогда и путь и средство
Тебя за все вознаградить вполне.

Лазръ. Ну хорошо! Вы не должны однако
Позабывать, что смерть отца, посѣишность
Съ какою былъ онъ вдругъ похороненъ,
Безъ пышности, безъ должныхъ церемоній,
Обрядовъ и гербовъ—все это было
Такъ странно и загадочно, что я
Подвигнуть былъ самими небесами
Стремиться все раскрыть.

Король. И ты узнаешь
Все въ точности. Сѣкира упадетъ
На голову виновныхъ. А теперь
Прошу тебя отпавимся со мной!
(Уходятъ).

СЦЕНА 6-Я.

Тамъ же. Другая комната.

(Входитъ Гораціо и Служитель).

Гораціо. Кто хочетъ говорить со мной?

Служитель. Матросы,

У нихъ есть письма къ вамъ.

Гораціо. Пускай войдутъ.

(Служитель уходитъ).

Какъ ни начну предполагать, кто сталъ бы
Ко мнѣ писать, изъ разныхъ странъ земли,

Могу остановиться лишь на мысли,
Что это добрый принцъ мой.

(Входятъ Матросы)

Всякихъ благъ

Матросы.

Пошли вамъ Богъ!

Гораціо. Желаю вамъ того же.

1-й матросъ. На Бога не жалуемся; а вотъ къ вамъ письмецо.
Оно отъ того господина, что былъ посланъ въ Англію.
Вѣдь васъ, какъ мнѣ сказали, слѣдуетъ звать Гораціо.

Гораціо (читаетъ). «Гораціо! когда ты прочтешь это посланье, то
устрой, чтобъ этихъ людей допустили къ королю. У нихъ есть къ
нему письма. Не успѣли мы провести въ морѣ двухъ дней, какъ
за нами погнался хорошо вооруженный пиратъ. Паруса наши ока-
зались хуже и потому пришлось положиться на свою храбрость.
При abordажѣ я перескочилъ на непріятельскій корабль, но тутъ
оба судна внезапно разошлись и я оказался единственнымъ плѣн-
никомъ. Пираты поступили со мной какъ вполне учтивые мо-
шенники, зная съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и потому я обязанъ воздать
имъ благодарностью. Устрой такъ, чтобы королю было передано
написанное мною письмо, а самъ снѣши ко мнѣ съ такою же то-
ропливостью, съ какой бѣжалъ бы ты отъ смерти. Я открою тебѣ
по секрету такіа дѣла, что ты онемѣешь отъ изумленія, но и это
еще не будетъ вполне вѣрно съ дѣйствительностью. Честные ре-
бята, которые передадутъ это письмо, проводятъ тебя до того
мѣста, гдѣ я нахожусь въ настоящее время. Розенкранцъ и Гиль-
денштернъ продолжаютъ свое путешествіе въ Англію. О нихъ я
также пораскажу тебѣ многое. Прощай!

Твой (что тебѣ хорошо извѣстно) Гамлетъ.

Ступайте въ слѣдъ за мной; я укажу
Кому и гдѣ должны отдать вы письма.
Снѣсите жъ кончить съ нимъ, чтобы скорѣй
Могли меня вы проводить къ тому,
Кто поручилъ вамъ ихъ сюда доставить.

(Уходятъ).

СЦЕНА 7-я.

Другая комната въ замкѣ.

(Входятъ Король и Лазрть).

Король. Ты видишь самъ, что долженъ оправдать
 Меня теперь въ душѣ твоей и вѣрить,
 Что я твой другъ. Узнай же достовѣрно,
 Что тотъ, къмъ умерщвленъ былъ твой отецъ,
 На жизнь мою питалъ такой же умыслъ.

Лазрть. Повидимому такъ. Но почему же,
 Скажите мнѣ, не приняли вы мѣрь,
 Чтобъ отвратить такое преступленье,
 Какъ будто позабывъ, что безопасность
 Разудокъ, долгъ — все словомъ побуждало
 Васъ къ этому?

Король. На это были двѣ
 И вѣскія причины. Для тебя
 Покажутся они быть можетъ слабы,
 Но я былъ ими связанъ по рукамъ.
 Во первыхъ принца мать живетъ и дышитъ
 Лишь только имъ, а я — (считать ты можешь
 Мой образъ мыслей вѣрнымъ иль дурнымъ) —
 Такъ близокъ къ ней, что какъ звѣзда, могу
 Вращаться въ сферѣ лишь того, что хочетъ
 И думаетъ она. Что до второй
 Причины, по которой избѣгалъ
 Я гласности — она была важна
 Не менѣе и заключалось въ томъ,
 Что Гамлетъ замѣчательно любимъ
 У насъ народомъ. Чтобы онъ ни сдѣлалъ
 Толпа простить ему навѣрно все,
 И добродушно схоронивъ ошибки

Его въ своей душѣ, почитать и ихъ
 Названьемъ добрыхъ качествъ. Судъ толпы
 Порой похожъ на минеральный ключъ,
 Который, вопреки обычнымъ свойствамъ
 Рѣчной воды — гноить и разрушать
 Опущенное дерево — напротивъ
 Его окаменяетъ. Еслибъ я
 Задумалъ встать между народнымъ мнѣньемъ
 И Гамлетомъ, я бъ оказался жалкимъ
 Плохимъ стрѣлкомъ, который, не принявъ
 Въ расчетъ напора вѣтра, былъ бы раненъ
 Своею же стрѣлой и никогда
 Не могъ попасть бы въ цѣль.

Лазрть. Такъ неужели
 Безъ мести мнѣ придется потерять
 Безцѣннаго отца и видѣть страшный
 Недугъ сестры? сестры, чьи совершенства,
 Какъ вспомнить что прошло, могли бы смѣло
 Соперничать со всѣмъ, что произвелъ
 Мнръ лучшаго въ теченіи столѣтій!
 Нѣтъ, нѣтъ! кровавой мести часъ придетъ!

Король. Но всежъ причины нѣтъ забывать
 Тебѣ покой и сонъ. Иль ты считаешь
 Меня на столько жалкимъ и пустымъ,
 Что я схватить опасности позволю
 Себя за бороду, и буду все
 Считать забавной шуткой? Скоро ты
 Увѣришься въ противномъ. Твой отецъ
 Мнѣ былъ сердечно дорогъ, да и мы
 Съ тобой давно знакомы, значитъ намъ
 Понять легко другъ друга съ полуслова...

(Входитъ вѣстникъ).

Что тамъ еще? что новаго?

Вѣстникъ. Вотъ письма
 Отъ принца Гамлета. Одно изъ нихъ
 Надписано на имя короля,
 Другое — королевы.

Король. Ты сказалъ:
Отъ Гамлета? Кто ихъ привезъ?

Вѣстникъ. Матросы.

По крайней мѣрѣ такъ мнѣ передали,
Но я ихъ не видалъ. Ихъ принялъ Клавдій
И поручилъ доставить письма вамъ.

Король. Ты ихъ прочтешь Лаэртъ со мною вмѣстѣ.

(Вѣстнику)

Ты можешь насъ оставить. (Вѣстникъ уходитъ).

Король (читаетъ). Ваше Величество! увѣдомляю Васъ, что я выса-
жент обобранный на берега вашихъ владѣній. Завтра я буду имѣть честь
предстать предъ ваши королевскія очи, и испросивъ предварительно
вашего снисхожденія, объясню вамъ причину моего внезапнаго и
страннаго возврата.

Гамлетъ.

Что можетъ это значить? Всѣ ль они
Вернулись съ нимъ, или это все лишь только
Одинъ обманъ, безъ всякаго значенія.

Лаэртъ. Вы узнаете руку?

Король. Это почеркъ
Безспорно Гамлета, и посмотри, онъ пишетъ:
«Обобранный» въ припискѣ жъ прибавляетъ,
Что онъ одинъ. Скажи, ты понимаешь
Хоть что нибудь?

Лаэртъ. Признаться я теряюсь
Рѣшительно въ догадкахъ. Но пускай
Вернется онъ. Я чувствую, что пламя
Охватываетъ сердце мнѣ при мысли,
Что я его увижу и скажу
Ему: вотъ что ты сдѣлалъ!

Король. Если ты
Рѣшаешься на это — а иначе
Тебѣ нельзя конечно поступить —
Дай слово мнѣ, что ты во всемъ поступишь
Какъ я тебѣ скажу.

Лаэртъ. Я обещаюсь
Послушнымъ быть во всемъ, лишь только бъ вы
Не вздумали склонять меня мириться.

Король. Я точно помирить хочу тебя,
Но лишь съ твоей душой. Коль скоро онъ
Вернулся съ тѣмъ, чтобы остаться здѣсь,
Какъ соколъ испугавшійся охоты,
Тогда пушу я въ ходъ иное средство,
Давно ужъ мной рѣшонное, и средство,
На столько это точно, что въ концѣ
Навѣрно приведетъ оно его
Къ гибели; причемъ постигнуть будетъ
Онъ смертью такъ естественно и просто,
Что эта смерть не возбудитъ ни въ комъ
Сомнѣнія или догадокъ. Даже мать
Ее припишетъ случаю, увидя
Въ томъ приговоръ судьбы.

Лаэртъ. Я соглашаюсь
На все, что вы задумали, прибавивъ
Что очень я хочу быть въ этомъ дѣлѣ
Орудьемъ вашихъ рукъ.

Король. И ты имъ будешь
По всѣмъ правамъ. — Когда ты былъ въ отлучкѣ,
Молва людей расхваливала часто
При Гамлетѣ въ тебѣ одинъ талантъ,
Въ которомъ, ты, по общему признанью,
Не знаешь равныхъ. Всѣ твои другія
Достоинства не возбуждали тѣни
Въ немъ зависти, но въ этомъ Гамлетъ страшно
Тебѣ завидовалъ, хотя признаться
Я лично вовсе не считаю этотъ
Талантъ особо важнымъ.

Лаэртъ. Въ чемъ же дѣло?

Король. Такъ, пустяки! игрушка самолюбы
Веселой юности; но и пустое
Подчасъ быть можетъ важнымъ. Мѣхъ и перья
Какими обшиваетъ молодежь
Свои плащи и шляпы служатъ имъ
Лишь только для красы, тогда какъ старость
Подкладываетъ пухомъ или мѣхами

Одежду чтоб согрѣться и придать
Себѣ серьезный видъ. — Тому назадъ
Два мѣсяца, насъ посѣтилъ одинъ
Норманскій дворянинъ. Я хорошо
Знакомъ съ французами, сражался съ ними,
И знаю ихъ искусство гарцовать
На лошадяхъ; но этотъ молодецъ
Въ искусствѣ ѣздить кажется пошелъ
На сдѣлку съ дьяволомъ. Въ сѣдлѣ держался
Онъ какъ скала, и заставлялъ коня
Продѣлывать при томъ такія штуки
Что право мнѣ казалось, будто оба,
И конь и всадникъ, составляли вмѣстѣ
Одно и тоже тѣло. То, что видѣлъ
При этомъ я, превосходило все,
Что можно лишь представить или придумать
Въ искусствѣ ловкости.

Лазрть. Онъ былъ Нормандецъ.

Король. Нормандецъ.

Лазрть. Ну такъ я готовъ поклясться,
Что это былъ Ламонъ.

Король. Онъ самый.

Лазрть. Знаю

Его я хорошо. Любимецъ онъ

И баловень всей націи.

Король. Онъ много

Рѣчей велъ о тебѣ и между прочимъ

Съ восторгомъ отзывался о твоёмъ

Искусствѣ фехтовать и особливо

Рапирами. Онъ восклицалъ не разъ,

Что счелъ большимъ бы чудомъ, еслибъ встрѣтилъ

Когонибудь, кто могъ бы въ этомъ дѣлѣ

Помѣриться съ тобой и клялся часто,

Что ни одинъ изъ лучшихъ ратоборцевъ

Его страны, будь ты его противникъ,

Не выказалъ навѣрно бѣ половины

Искусства, глазъ и ловкости, какими

Владѣешь ты. — Его слова вселили
Такую зависть въ Гамлета, что онъ
И спать и видѣлъ только, чтобъ вернулся
Ты вновь домой и могъ сразиться съ нимъ.
Лови жъ прекрасный случай...

Лазрть. Случай? въ чемъ?

Король. Скажи Лазрть: былъ дорогъ твой отецъ
Тебѣ дѣйствительно, или носишь ты
Печали только маску, выражая
Ее однимъ лицомъ?

Лазрть. Что за вопросъ!

Король. Я дѣлаю его не потому,
Чтобъ сомнѣвался въ искренности чувства
Любви твоей къ отцу, но вѣдь извѣстно,
Что чувства въ насъ бываютъ зачастую
Рабами времени. Случалось мнѣ
Нерѣдко видѣть, какъ гасило время
Огонь любви. Въ любви самой живетъ
Какое то злое начало,
Способное порой гасить любовь
Въ томъ родѣ, какъ нагаръ свѣтильни гаситъ
Горящую свѣчу. Чѣмъ выше въ насъ
Желанія и чувства, тѣмъ труднѣе
Ихъ намъ сберечь. Они нерѣдко гибнутъ,
Не выдержавъ напора лишнихъ силъ.
Ковать желѣзо надобно покуда
Желѣзо горячо; иначе воли
Въ насъ можетъ измѣниться, встрѣтивъ столько жъ
Помѣхъ и затрудненій, сколько въ жизни
Встрѣчаемъ мы различныхъ взглядовъ, мнѣній
И случаевъ. Живое чувство долга
Становится для насъ тогда такимъ же
Тяжелымъ и болѣзненнымъ, какимъ
Бываетъ вздохъ, которому не можетъ
Найти исхода грудь. — Но возвратимся
Къ горячему вопросу. Гамлетъ долженъ
Быть скоро здѣсь. Скажи же, что намѣренъ

Ты предпринять, чтобъ показать себя
Достойнымъ сыномъ болѣе на дѣлѣ,
Чѣмъ на словахъ.

Лаэртъ. Убить его хоть въ церкви.

Король. Для мести, я исполнѣ съ тобой согласенъ,
Нѣтъ ни границъ, ни заповѣдныхъ мѣстъ.
Но сдѣлавъ такъ вѣдь долженъ будешь ты
Скрываться самъ. Не лучше ль потому,
Едва вернется Гамлетъ и узнаетъ,
Что ты вернулся также, подослать
Къ нему двухъ трехъ надежныхъ краснобаевъ,
Которые расхвалятъ передъ нимъ
Твое искусство драться выше даже
Чѣмъ говорилъ объ этомъ твой французъ?
А тамъ ужъ мы съумѣемъ васъ поставить
Лицомъ къ лицу и заложить пари
На ваши головы. При добродушии,
Какимъ извѣстенъ Гамлетъ, онъ не станетъ
Тебя подозрѣвать и не увидитъ
Разставленныхъ тенетъ, а ты межъ тѣмъ
Успѣешь подмѣнить тупой клинокъ
Рапиры заостреннымъ, и, съ твоимъ
Искусствомъ нападать, отместишь убійцѣ
За смерть отца.

Лаэртъ. Такъ точно поступлю я! —

А чтобъ игра была навѣрняка,
Я отправлю конецъ моей рапиры. —
Есть зелье у меня; его мнѣ продалъ
Одинъ бродячій лекарь. Сила яда
Такъ велика, что если помочить
Въ немъ лезвие ножа и оцарапать
Уколомъ легкимъ кожу, то напрасно
Вы будете искать во всей вселенной
Цѣлебныхъ травъ, которыя спасли бы
Отъ гибели того, въ чью кровь попалъ
Мой страшный ядъ. Я омочу конецъ
Рапиры въ немъ и если мнѣ удастся

Врага поранить шпагой хоть слегка,
Все будетъ съ нимъ покончено.

Король. Полезно

Обдумать будетъ намъ равно другія
Случайности и обсудить вопросъ
Со всѣхъ сторонъ. Когда затѣя наша,
Въ послѣдствіе какойнибудь пустой
Ошибки, не удастся — было бъ лучше
Тогда не начинать ее совсѣмъ.
Поэтому намъ надо приготовить
Иной исходъ, когда сорвется первый.
Посмотримъ же! Чтó если мы объявимъ
Торжественный закладъ о томъ, который
Изъ васъ одержитъ верхъ? Чѣмъ выше будетъ
Такой закладъ, тѣмъ, жарче увлечетесь
Вы битвою — (и я прошу тебя
Имѣть это въ виду). — Когда же Гамлетъ,
Разгораясь захочетъ пить — велю я
Поднести ему такой бокалъ питья,
Что если онъ къ нему коснется только
Краями губъ — то дѣло наше будетъ
Покончено и такъ.

(Входитъ Королева).

Что, добрый другъ мой?

Королева. Бѣда другой бѣжить всегда во слѣдъ!

Твоя сестра, Лаэртъ, въ волнахъ погибла!

Лаэртъ. Въ волнахъ погибла! Боже! какъ и гдѣ?

Королева. Гдѣ надъ прозрачнымъ зеркаломъ ручья,

Висятъ склонясь плакучей ивы вѣтви,
Бѣдняжка пріютилась, чтобъ плести
Свои вѣнки изъ маргаритокъ, лилій
И тѣхъ цвѣтовъ пурпурныхъ, что дѣвицы
Зовутъ «трубой послѣдняго суда»,
Чтобъ не давать имъ имени дурного,
Какимъ привыкла звать ихъ молодежь.
Тамъ, вздумавши причудливо развѣсить
Гирлянды на вѣтвяхъ, она схватилась
За гибкій сукъ, но онъ, увы! сдержать

Ее не могъ! Вѣнки, гирлянды — все
 За нею вслѣдъ унесено волнами.
 Широкий край одежды удержалъ
 Ее на мигъ, какъ новую сирену,
 На глади волнъ; но бѣдная, не видя,
 Бѣды своей, какъ птичка иль жилища
 Прозрачныхъ струй, зацѣла про себя
 Лишь пѣсенку! — Такъ продолжаться долго
 Однако не могло. Одежда смокла
 И быстро за собою увлекла
 Несчастное созданье, вмѣстѣ съ пѣсней,
 На тинистое дно!

Лаэртъ. О Боже! Боже!
 Погибнуть такъ!

Королева. Погибла! утонула!

Лаэртъ. Я плакать не хочу! И безъ того
 Безцѣнная сестра пришлось погибнуть
 Тебѣ въ слезахъ рѣки! Но все жъ природа
 Беретъ свое! Такъ ужъ пускай досита
 Наплачусь я — а тамъ изъ сердца вырву
 Я съ корнемъ прочь, все, что еще осталось
 Въ немъ женскаго! — Прощайте государь!
 Я пламенную рѣчью бы отвѣтилъ
 На это все, когда бы не былъ сдавленъ
 Слезами голосъ мой! (Уходитъ).

Король. Пойдемъ Гертруда
 За нимъ и мы. Съ какимъ трудомъ успѣлъ
 Его я усмирить, и вотъ пожалуй
 Рѣшится онъ опять на чтонибудь
 Безумное! — Пойдемъ, пойдемъ скорѣй!
 Его терять не надобно изъ вида!

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Кладбище. Ночь.

(Входятъ два могильщика съ заступами).

1-й могильщикъ. Развѣ ее по христіански будутъ хоронить,
 когда она сама сгубила свою душу, наложивъ на себя
 руки?

2-й могильщикъ. Сказано «да!» — копей проворнѣй могилу. Начальство рѣшило, что слѣдуетъ хоронить по христіански.

1-й могильщикъ. Какъ же это? Развѣ ктонибудь хотѣлъ ее изобидѣть и она бросилась въ воду, чтобъ не дать себя въ обиду?

2-й могильщикъ. Начальство такъ разсудило.

1-й могильщикъ. А я все таки думаю, что обиду себѣ сдѣлала она сама. Ты только разсуди. Если я топлюсь, то значить дѣлаю запретное дѣло; а во всякомъ запретномъ дѣлѣ надо различить три вещи: во первыхъ задумать такое дѣло, во вторыхъ рѣшить его, а въ третьихъ сдѣлать. Значить она утопилась по доброй волѣ.

2-й могильщикъ. Толкуй себѣ!

1-й могильщикъ. Нѣтъ, да ты слушай. Если, примѣрно, тутъ вода, а тутъ человѣкъ. И если человѣкъ утопится самъ, то значить онъ утопился по доброй волѣ и долженъ за то отвѣчать. А если вода сама пришла къ человѣку и его утопила, тогда ему вины въ томъ быть не должно. Потому, понятно, что кто не топился самъ, тотъ и рукъ на себя не накладывалъ.

2-й могильщикъ. А законъ что говоритъ?

1-й могильщикъ. Извѣстно законъ говоритъ, что велитъ начальство.

2-й могильщикъ. А я тебѣ скажу, что не будь покойница изъ дворянскаго званія, такъ и не стали бы ее хоронить по христіански.

1-й могильщикъ. Это ты вѣрно! Впрочемъ вѣдь для дворянъ тѣмъ хуже, если имъ позволено топиться и вѣшаться вальготнѣй чѣмъ прочимъ добрымъ христіанамъ.—Подай ка заступъ. Какъ поживешь да поглядишь, такъ и увидишь, что нѣтъ дворянъ выше огородниковъ и могильщиковъ. Ихъ ремесло идетъ отъ самаго Адама.

2-й могильщикъ. А что Адамъ былъ дворянинъ?

1-й могильщикъ. Еще бы! онъ сталъ первый носить оружіе.

2-й могильщикъ. Какъ такъ? да вѣдь у него оружія не было.

1-й могильщикъ. Да ты язычникъ что ли и не читалъ писанія? Вѣдь сказано въ немъ, что Адамъ копалъ землю; копать же землю можно только лопатой, а лопата тоже оружіе. Ты отвѣтъ мнѣ на другой вопросъ, а если не отвѣтишь, то сознайся, что ты дуракъ.

2-й могильщикъ. Ну, ну, спрашивай!

1-й могильщикъ. Кто строить лучше кирпичника, корабельщика и плотника?

2-й могильщикъ. Кто? А тотъ кто строить висѣлицы. Потому что висѣлица переживаетъ всѣхъ своихъ жильцовъ.

1-й могильщикъ. Сказано хорошо. Висѣлица точно дѣло хорошее, потому что она воздастъ зломъ тѣмъ, кто дѣластъ зло! А вотъ церковь такъ велитъ воздавать за зло добромъ, значить она лучше. Потому ты придумай на мой вопросъ другой отвѣтъ.

2-й могильщикъ. Кто строить лучше кирпичника, корабельщика и плотника?

1-й могильщикъ. Ну да! отвѣчай и баста.

2-й могильщикъ. Ей Богу не знаю.

1-й могильщикъ. Подумай.

2-й могильщикъ. Не знаю да и только.

(Входятъ Гамлетъ и Гораціо).

1-й могильщикъ. Такъ нечего тебѣ и шевелить мозгами. Ослапалкой идти не заставишь. А если кто нибудь задастъ тебѣ такой вопросъ — отвѣчай: «могильщикъ» потому что

онъ строить человѣку домъ на вѣки вѣковъ! Ступай въ питейный да принеси косушку.

(2-й могильщикъ уходитъ).

1-й могильщикъ (поетъ) Какъ былъ я молодъ, бодръ и смѣлъ,
Была иная стать!

А ужъ жениться такъ хотѣлъ,
Что и не рассказать!

Гамлетъ. Неужели этотъ болванъ не чувствуетъ что дѣластъ?
Копаетъ могилу и поетъ.

Гораціо. Постоянное занятіе однимъ и тѣмъ же сдѣлало его нечувствительнымъ.

Гамлетъ. Это вѣрно. Кто меньше дѣластъ, тотъ больше чувствуетъ.

1-й могильщикъ (поетъ). А какъ года порастрясли,
Прошла любовь какъ дымъ!
Согнулся чуть не до земли
И быть пора такимъ!...

(Выбрасываетъ черепъ).

Гамлетъ. У этого черепа былъ когда то языкъ и онъ могъ нѣтъ нѣсни; а между тѣмъ этотъ негодяй бросаетъ его съ такимъ же презрѣніемъ какъ черепъ Каина, перваго убійцы! Можетъ быть этотъ черепъ принадлежалъ государственному человѣку, который думалъ перехитрить самого Бога своими политическими планами. Не правда ли?

Гораціо. Очень можетъ быть, принцъ.

Гамлетъ. Или придворному, который удивительно ловко умѣлъ сказать: «съ добрымъ утромъ ваше величество! какъ вы изволите себя чувствовать?» Или наконецъ вельможѣ, что льстилъ всѣми средствами другому вельможѣ для того, чтобъ выманить у него поправившуюся ему лошадь. Не правда ли?

Гораціо. Можетъ быть и такъ.

Гамлетъ. Очень вѣроятно. А теперь голова эта во власти червей! Нѣтъ на ней плоти и заступъ могильщика можетъ безнаказанно сломать ей челюсть. Странно мѣшались наши понятія, когда мы подумаемъ о такихъ вещахъ! Неужели эта кость лелѣла себя при жизни только за-

тѣмъ чтобъ сдѣлаться послѣ смерти годной для игры въ кегли? Мои кости содрогаются, при мысли объ этомъ.

1-й могильщикъ (*поетъ*). Окутать въ саванъ гробовой,
Да шире вырыть ровъ!
Вотъ все, что нужно въ часть такой
Для этакихъ жильцовъ!

(*Выбрасываетъ другой черепъ*).

Гамлетъ. Вотъ еще черепъ! Можетъ быть это былъ черепъ законника. Гдѣ теперь его контракты, крючки, права и двусмысленности? Какъ объяснить, что онъ позволяетъ этому бездѣльнику толкать себя грязной лопатой и не составить при этомъ немедленно законнаго акта объ оскорбленіи? Гмъ! Можетъ быть при жизни онъ былъ ловкимъ скупщикомъ земель и зналъ какъ свои пять пальцевъ правила всевозможныхъ закладныхъ, неустоекъ, проторей и убытковъ. Неужели, взамѣнъ неустоекъ и проторей, онъ довольствуется теперь тѣмъ, что его благородный лобъ набить грязью? — Неужели всѣ, принадлежавшія ему обязательства и неустойки, могли обезпечить для него только клочекъ земли, равный по величинѣ двумъ развернутымъ купчимъ крѣпостямъ! Вѣдь въ этомъ гробу едва ли бы умѣстились одни только принадлежавшіе ему вводные листы на право владѣнія. А вотъ теперь самъ владѣлецъ не нуждается въ большемъ пространствѣ!

Горацио. Дѣйствительно больше ему ничего не надо.

Гамлетъ. Вѣдь пергаментъ для актовъ дѣлается изъ бараньей кожи?

Горацио. Да, принцъ; и изъ телячьей тоже.

Гамлетъ. Значитъ бараны и телята могутъ долѣе свидѣлствовать о нашихъ правахъ чѣмъ мы сами. Мнѣ хочется поговорить съ этимъ могильщикомъ. Ей ты, пріятель! Чья это могила?

1-й могильщикъ. Моя! (*поетъ*)

Вотъ все, что нужно въ часть такой
Для этакихъ жильцовъ!

Гамлетъ. Она твоя покуда ты въ ней стоишь; да кто въ ней ляжетъ?

1-й могильщикъ. Не вы сударь, потому-что вы можете еще стоять сами; и не я, хоть я и стою въ ней, а могила все таки моя.

Гамлетъ. Ты городишь вздоръ. Могила дѣлается для мертвыхъ а не для живыхъ, значитъ она ни моя ни твоя.

1-й могильщикъ. А если знаете, такъ что же спрашивать.

Гамлетъ. Я спрашиваю, для какого человѣка ты ее роешь?

1-й могильщикъ. Не для человѣка.

Гамлетъ. Ну такъ для женщины?

1-й могильщикъ. И не для женщины.

Гамлетъ. Такъ кого же въ нее зароятъ?

1-й могильщикъ. Зароятъ ту, что при жизни звалась женщиной, а теперь умерла и потому помяни Богъ ея душу.

Гамлетъ. Этотъ плутъ находчивъ и съ нимъ надо держать ухо остро. Право, Горацио, я за послѣдніе два три года замѣтилъ, что свѣтъ, состарѣвшись, сталъ умнѣть. Простой мужикъ можетъ нынче слово за слово поспорить съ придворнымъ такъ что въ дуракахъ останется пожалуй послѣдній. Давно ли ты могильщикомъ?

1-й могильщикъ. Съ того года когда нашъ покойный король Гамлетъ побѣдилъ Фортинбраса.

Гамлетъ. А какъ давно это было?

1-й могильщикъ. Будто не знаете? Всякій дуракъ вамъ скажетъ, что въ этотъ день родился молодой принцъ Гамлетъ. Тотъ самый, что сдѣлался нынче дуракомъ и котораго посылаютъ въ Англію.

Гамлетъ. А для чего его туда посылаютъ?

1-й могильщикъ. Да потому что онъ сталъ дуракомъ. Можетъ быть тамъ онъ поумнѣетъ, а если и не поумнѣетъ такъ бѣда не велика.

Гамлетъ. Почему же не велика?

1-й могильщикъ. Тамъ этого не замѣтятъ. Англичане всѣ поголовно такіе же дураки какъ онъ.

Гамлетъ. А какъ онъ сдѣлался дуракомъ?

1-й могильщикъ. Рассказываютъ чудно какъ то.

Гамлетъ. Чудно?

1-й могильщикъ. Ну да. Помѣшался и все тутъ.

Гамлетъ. На чемъ же онъ помѣшался?

1-й могильщикъ. На чемъ? да на здѣшней датской землѣ, на той самой, гдѣ я вотъ ужъ тридцать лѣтъ состою могильщикомъ.

Гамлетъ. Долго ли покойникъ можетъ пролежать въ землѣ не испортившись?

1-й могильщикъ. Если онъ не былъ попорченъ еще при жизни — а намъ такихъ хоронить доводится не въ рѣдкость — ну такъ пожалуй пролежитъ лѣтъ восемь или девять. Кожевникъ навѣрно продержится девять.

Гамлетъ. Почему же кожевникъ дольше другихъ.

1-й могильщикъ. Потому что его кожа выдубилась и привыкла къ водѣ. А вода хуже всего портитъ этихъ дураковъ покойниковъ (*Выбрасываетъ черепъ*). Вотъ черепъ, который пролежалъ въ землѣ двадцать три года.

Гамлетъ. Чей онъ?

1-й могильщикъ. Это черепъ одного негодая. Какъ бы вы думали, чей именно?

Гамлетъ. Не знаю.

1-й могильщикъ. Чортъ бы побралъ бездѣльника! Разъ онъ мнѣ вылилъ на голову цѣлый стаканъ вина. Это черепъ Юрика; того самага, что былъ шутомъ при покойномъ королѣ.

Гамлетъ. Какъ! этотъ?

1-й могильщикъ. Онъ самый!

Гамлетъ. Дай его мнѣ!.. Бѣдный Юрикъ! — Я зналъ его, Гораціо. Что за неистощимая веселость была въ этомъ человѣкѣ! Сколько разъ носилъ онъ меня на рукахъ, а теперь, что за отвращеніе поднимается при его видѣ въ душѣ моей! На этомъ мѣстѣ были губы, которыя я цѣловалъ съ такимъ увлеченіемъ! Гдѣ его забавныя шутки, остроты и пѣсенки? Тѣ шутки, что заставляли хохотать до упаду присутствующихъ! Онъ не можетъ посмѣяться даже надъ той гримасой, которую теперь дѣлаетъ самъ! Уста сомкнулись на вѣки! Хотѣлось бы мнѣ показать этотъ черепъ какой-нибудь кокеткѣ и сказать, что шутка бѣлѣлъ и румянѣ, которыя она на себя накла-

дываетъ не спасетъ ея личика отъ судьбы сдѣлаться точно такимъ же черепомъ! Интересно знать, нашлась ли бы у ней улыбка въ отвѣтъ моимъ словамъ? — Отвѣтъ мнѣ на одинъ вопросъ, Гораціо.

Гораціо. Чтѣ вамъ угодно?

Гамлетъ. Неужели Александръ Македонскій сдѣлался въ землѣ точно такимъ же?

Гораціо. Совершенно.

Гамлетъ. И также скверно пахнетъ? — Фу! (*Бросаетъ черепъ*).

Гораціо. Также, принцъ.

Гамлетъ. Какъ поглядѣть, на какое глупое употребленіе можемъ мы пригодиться! Нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что благородный прахъ Александра Македонскаго служить теперь замазкою для дырявой бочки!

Гораціо. Ваша мысль кажется мнѣ немножко натянутой.

Гамлетъ. Нисколько. Можно ее доказать совершенно логично, безъ всякихъ натяжекъ. Суди самъ: — Александръ умеръ, Александръ похороненъ, Александръ превратился въ прахъ, прахъ — земля, земля — глина, а кто же можетъ помѣшать употребить глину для замазки бочки?

Прахъ Цезаря, ничтожной ставши глиной,
Для хижинъ замазкой бѣдной сталъ!
Кто въ страхѣ міръ держалъ, увы! своей кончиной
Ничтожество земнаго доказалъ!

Но тнѣ!.. чтѣ вижу я? идетъ король!

(*Входитъ похоронная процессія. Впереди священники, за ними гробъ Офеліи, Лаэртъ, лица участвующія въ церемоніалѣ, король, королева и свита*).

Гамлетъ. Придворные! чтѣ можетъ это значить?

Обрядъ безъ должныхъ почестей — знакъ вѣрный,
Что хоронить хотятъ самоубійцу,
Въ отчаяньи нанесшаго себѣ
Своей рукою смерть. Покойный былъ,
Какъ кажется, изъ высшаго сословья.
Зайдемъ за кустъ и будемъ наблюдать.

(*Удаляются*).

Лаэртъ (*у моилы*). Что будетъ дальше?

Гамлетъ. Молодой Лаэртъ!

Онъ честный, славный юноша... Тссъ! слушай!

Лаэртъ. Что будетъ дальше?

Священникъ. Погребенье было

Исполнено съ обрядами, какіе
Могли мы допустить. Вопросъ кончины
Сомнителенъ, и если бъ не приказъ,
Изшедшій свыше — мы должны бы были
Зарыть ее до страшнаго суда
Въ землѣ неосвященной. Тернъ и камни
Покрыли бы ея грѣховный трупъ
Взамѣнъ молитвъ; а между тѣмъ она
Погребена какъ чистая дѣвица,
Въ вѣнкѣ изъ розъ, въ святой землѣ, со звономъ
Святыхъ колоколовъ.

Лаэртъ. Какъ! этимъ вы
Все кончили?

Священникъ. Все кончили. Дозволивъ
Пропѣть надъ нею реквиемъ, съ возданьемъ
Ей почестей, какія воздаются
Отшедшимъ въ чистотѣ — мы осквернили бъ
Священные обряды погребенья
И тѣмъ тяжолый совершили бъ грѣхъ!

Лаэртъ. Ну, хорошо! Спускайте гробъ въ могилу.
Фіалки разцвѣтутъ изъ чистой плоти
Твоей сестры и будешь ты витать
Въ священномъ сонмѣ ангеловъ небесныхъ!
А ты, упрямый, безсердечный понъ
Лишь будешь быть въ жестокихъ корчахъ мукахъ!

Гамлетъ. Что вижу я? Офелія!...

Королева (*бросая цвѣты на гробъ*). Цвѣты
Просыпьте на цвѣтокъ! Простя! Мечтала
Въ тебѣ жену я Гамлету найти.
Не гробъ тебѣ цвѣтами собиралась
Украсить я, а брачную постель!

Лаэртъ. Будь трижды проклятъ тотъ, чья злость лишила
Тебя разсудка свѣтлаго, сестра!...
Остановитесь засыпать могилу,
Я разъ еще хочу обнять сестру.

(*Спритиваетъ въ моилу*).

Ну вотъ теперь бросайте землю разомъ
На мертвую съ живымъ! Валите грудой,
Чтобъ выросъ холмъ величиной съ небесный
Олимпъ или Пеліонъ!

Гамлетъ (*приближаясь*). Кто хнычетъ тутъ
Такъ громко и такъ глупо, точно хочетъ
Заставить звѣзды выпучить глаза
На грусть его? — Смотри: я Гамлетъ Датскій!

(*Спритиваетъ въ моилу*).

Лаэртъ. Чортъ душу взялъ твою бѣ! (*Схватывая его за горло*).

Гамлетъ (*борется съ нимъ*). Плоха молитва!

Ты горло мнѣ, однако, отпусти!
Я хоть и не злопамятенъ, но есть
Во мнѣ кой что, что можетъ быть опаснымъ!
Такъ будь уменъ и воли не давай
Своимъ рукамъ.

Король. Велите ихъ разнять.

Королева. О, Гамлетъ, Гамлетъ!

Гораціо. Добрый принцъ! придите
Прошу въ себя. (*Ихъ разнимаютъ*).

Гамлетъ. Я буду спорить съ нимъ,
Пока глядятъ глаза мои!

Королева. Въ чемъ, Гамлетъ?

Гамлетъ. Офелію любилъ я, какъ любить
Не въ силахъ были сорокъ тысячъ братьевъ!
Что сдѣлать былъ готовъ ты для нее?

Король. Лаэртъ, онъ сумасшедшій.

Королева. Бога ради
Не дѣлайте ему лишь только зла!

Гамлетъ. Ну говори! что сдѣлать былъ готовъ
Ты для нее? Рыдать и бѣсноваться?

Рвать платье, хныкать, плакать, выпить жолчь,
Съѣсть крокодила? — это все умѣлъ бы
Я сдѣлать самъ!... Или удивить хотѣлъ
Меня ты тѣмъ, что соскочилъ въ могилу?
Со мной затѣялъ драку? Думалъ съ ней
Зарыть себя? — Готовъ я точно также
На это все! — Ревѣлъ ты о горахъ;
Хотѣлъ, чтобъ ихъ наваливали грудой
На насъ съ тобой, пока вершина ихъ
Какъ Осса не достигла бы небесныхъ
Горящихъ сферъ! — Рви! реви! на это
И я способенъ также!

Королева. Онъ безумецъ! Онъ безумецъ!

Онъ растерзать теперь готовъ себя
Въ горячечномъ бреду, но бредъ пройдетъ,
И сдѣлается кротокъ онъ и нѣженъ,
Какъ голубокъ, когда въ сребристомъ пухѣ
Выходитъ онъ на свѣтъ. Порывы злости
Замѣнитъ въ немъ безмолвная печаль.

Гамлетъ. Скажи мнѣ, мальчикъ — для чего затѣялъ
Со мной ты эту ссору? Я всегда
Любилъ тебя! — Что будетъ, впрочемъ, будь!
Самъ Геркулесъ и тотъ не помѣшаетъ
Мяукать кошкѣ а собакѣ лаять! (*Уходитъ*).

Король. Прошу, Гораціо, смотри за нимъ
Во всѣ глаза. (*Лазрту*) А ты не забывай,
Что сказано вчера и будь степеннѣй.
Все дѣло приближается къ концу.
Тебя, Гертруда милая, прошу я,
Надъ сыномъ строгій учредить надзоръ. (*Въ сторону*)
Что до могилы этой, то ее
Почтить живой намъ надо гекатомбой.
Придти должна пора успокоенья,
А до того — молчанье и терпѣнье!
(*Уходятъ*).

СЦЕНА 2-я.

Залъ во дворцѣ.

(*Входятъ Гамлетъ и Гораціо*).

Гамлетъ. Достаточно объ этомъ. Перейдемъ
Къ дальнѣйшимъ приключеньямъ. Ты вѣдь помнишь,
Что я о нихъ рассказывалъ тебѣ?

Гораціо. Все помню, принцъ.

Гамлетъ. Въ моей душѣ кипѣла
Какая то борьба, изъ за которой
Не могъ заснуть ни на минуту я.
Мнѣ чувствовалось вдесятеро хуже
Чѣмъ каторжнымъ въ цѣняхъ; по счастью смѣлость
Взяла свое — и будь благословенъ
Тотъ мигъ когда на смѣлость я рѣшился!
Порой и безразсудство служить намъ
Какъ вѣрный другъ, особенно въ минуты
Когда расчеты рушатся. Мы въ этомъ
Должны признать вмѣшательство судьбы,
Рѣшающей за насъ порывы наши
По своему.

Гораціо. Нельзя сказать вѣрнѣе.

Гамлетъ. Накинувши въ потьмахъ матросскій плащъ,
Я выбрался тихонько изъ каюты,
Съискалъ обоихъ ихъ и началъ шарить
Въ ихъ сумкахъ, взялъ пакетъ и незамѣтно
Вернулся вновь къ себѣ. Затѣмъ, отбросивъ
Пустую щепетильность, распечаталъ
Таинственный пакетъ. О другъ мой добрый!
Что въ немъ нашелъ я! — царственную подлость!
Представь себѣ, что это былъ приказъ,
Позолоченный разнымъ пустословьемъ
О счастья Англичанъ, о благѣ Датчанъ,

Съ прибавкой доказательствъ, что нельзя
Оставить жизнь такой зловредной твари,
Какой сталъ нынче я — ну словомъ дѣло
Все было сведено къ тому, чтобъ тотчасъ,
По высадкѣ на берегъ, мнѣ снесли бъ
Немедля голову, не давши даже
Наладить палачу его топоръ.

Гораціо. Возможно ли?

Гамлетъ. Смотри, бумага здѣсь.

Прочти ее потомъ. Но хочешь знать ты,
Что сдѣлалъ я?

Гораціо. О да, прошу, скажите.

Гамлетъ. Почувствовавъ себя въ сѣтихъ такой
Презрѣнной западни, я сталъ искать,
Какъ выдти изъ нея. По счастью разумъ
Успѣлъ подать благой совѣтъ мнѣ, прежде,
Чѣмъ могъ придти въ себя я. Взявъ перо,
Я настроилъ немедленно другое,
Подобное жъ посланье. Написалъ
Его, какъ писарь, четко. Говорятъ вѣдь,
Что почеркъ государственныхъ людей
Быть долженъ дурень. Я не раздѣляю
Такого мнѣнья и работалъ много
Ему наперекоръ, за что и былъ
Теперь вознагражденъ. Желаетъ знать,
Что было мной написано?

Гораціо. Скажите.

Гамлетъ. Внушительная просьба къ королю
Британіи, какъ къ даннику и другу
Монарха Датчанъ. Въ просьбѣ излагалось,
Что если онъ желаетъ, чтобы дружба
Межъ Англіей и Даніей цвѣла
Роскошной пальмой, чтобы миръ всегда
Вѣнчалъ чело цвѣтами и союзъ
Обѣихъ странъ ничѣмъ не нарушался, —
Все вздоръ въ такомъ же родѣ — то, чтобъ тотчасъ,
Лишь только будетъ прочтено письмо,

Казнили бы безъ всякихъ церемоній
Тѣхъ, кто его принесъ, не давъ имъ даже
Покаяться.

Гораціо. Откуда жъ взяли вы
Печать съ гербомъ?

Гораціо. Судьба и тутъ явилась
На помощь мнѣ. Въ моихъ вещахъ нашлась
Старинная, отцовская печать
Съ гербомъ страны. Я ею запечаталъ
Пакетъ, свернувъ его точъ въ точъ какъ первый,
И также подписалъ. Затѣмъ вложилъ
Откуда былъ онъ взятъ, исполнивъ все
Такъ ловко и умно, что мой подкидышъ
Замѣченъ не былъ. Утромъ загорѣлся
Нашъ бой съ врагомъ, — а то, что было дальше,
Ты слышалъ ужъ.

Гораціо. Такъ значитъ съ Розенкранцемъ
И Гильденштерномъ кончено?

Гамлетъ. Другъ милый!

Они получаютъ то, къ чему пошли
На встрѣчу сами! гибель ихъ ни мало
Мою не мучитъ совѣсть. Ихъ стугило
Излишнее желанье подслужиться.
Для низкихъ душъ всего опаснѣй встать
На томъ пути, гдѣ перекрестятъ шпаги
Два страшные бойца.

Гораціо. Но Боже, Боже!
Что за король!

Гамлетъ. Онъ развязалъ за то
Вполнѣ теперь мнѣ руки! Кѣмъ убить
Былъ мой отецъ, а мать осквернена
Позоромъ и стыдомъ; кто всталъ помѣхой
Межъ волею народа и моими
Надеждами; кто строилъ наконецъ
На жизнь мою предательскіе ковы —
Не вправѣ ль я убить своей рукой
Подобнаго злодѣя, и не грѣхъ ли

Оставить было бѣ жизнь такому злѣму
Отребью челоуѣчества, чтобъ дать
Ему возможность дѣлать зло и дальше.

Горацио. Не забывайте: онъ получитъ скоро
Извѣстіе изъ Англіи о томъ,
Какъ выполненъ приказъ его.

Гамлетъ. Пускай!
Зѣвать я тоже долго вѣдь не буду.
Что значить челоуѣческая жизнь?
Сказалъ: разъ — два — и кончено! Досадно
Мнѣ только то, зачѣмъ я оскорбилъ
Достойнаго Лаэрта... Въ тяжкомъ горѣ,
Постигнувшимъ его, я вижу образъ
Того, что самъ я вынесъ. Я цѣню
Его расположеніе. Все случилось
Къ несчастью потому лишь, что излишній
Порывъ его горячности смутилъ
Разсудокъ мнѣ до головокруженія.

Горацио. Молчите, тиш!.. Сюда подходитъ кто-то.

(Входитъ Озрикъ.)

Озрикъ. Прошу ваше высочество принять мое усерднѣйшее
поздравленіе со счастливымъ возвратомъ въ Данію.

Гамлетъ. Прошу васъ принять мою нижайшую благодарность
за вашу любезность. — (Тихо). Ты знаешь этого водянаго
жука, Горацио?

Горацио. Нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ. Тѣмъ лучше для тебя: его знать стыдно. У него
много доходовъ и фермъ; а вѣдь извѣстно, что если скоту
дать власть надъ скотами, то онъ непременно положить
ноги на столъ. Онъ животное въ полномъ смыслѣ слова
и блаженствуетъ, благодаря своимъ деньгамъ, какъ свинья
въ лужѣ.

Озрикъ. Если ваше высочество находитесь въ благопріятномъ
расположеніи духа, чтобъ меня выслушать, то я имѣю
передать вамъ нѣчто отъ короля.

Гамлетъ. Я выслушаю васъ со вниманіемъ, на какое только

способенъ... Но, прошу васъ, употребите вашу шляпу на
то, для чего она сдѣлана: — надѣньте ее на голову.

Озрикъ. Благодарю, ваше высочество: — жарко.

Гамлетъ. Могу васъ увѣрить наоборотъ, что теперь очень
холодно. Вѣтеръ дуетъ съ сѣвера.

Озрикъ. Это такъ: холодъ изрядный.

Гамлетъ. Но представьте, что при моемъ темпераментѣ, воз-
духъ кажется мнѣ жаркимъ!

Озрикъ. Чрезвычайно жаркимъ, принцъ! До того жаркимъ,
что я не могу даже выразить! Возвращаясь однако къ
дѣлу, я долженъ сообщить вашему высочеству, что ко-
роль заложилъ относительно васъ очень большое пари.
Дѣло было такъ —

Гамлетъ. (надвывая ему шляпу). Сдѣлайте одолженіе!

Озрикъ. Не извольте беспокоиться! Мнѣ такъ лучше; увѣряю
васъ. — Недавно возвратился ко двору молодой Лаэртъ.
Что это за очаровательный молодой челоуѣкъ! Какая въ
немъ бездна прекрасныхъ качествъ! Что за наружность!
Какое умѣнье себя держать! Право, его безъ преувели-
ченія можно назвать памятной книжкой хорошихъ ма-
неръ. Въ немъ вы найдете все, что только можно встрѣ-
тить въ порядочномъ челоуѣкѣ.

Гамлетъ. Какъ, я думаю, ему пріятно быть оцѣненнымъ
вами съ такой вѣрностью! Судя по вашимъ словамъ, ка-
чества его такъ многочисленны, что для перечисленія
ихъ не достанетъ никакой арифметики и я удивляюсь,
какъ такой большой грузъ можетъ удержаться въ памяти
подобнаго утлаго корабля какъ вы. Что до меня, то я
самъ считаю Лаэрта очень хорошимъ челоуѣкомъ, испол-
неннымъ такихъ рѣдкихъ качествъ и совершенствъ, что
вѣрное ихъ изображеніе можно получить только если по-
ставить его передъ зеркаломъ. Всякій иной его портретъ
будетъ только тѣнью дѣйствительности.

Озрикъ. Ваше высочество изволите говорить совершенную
правду.

Гамлетъ. Но скажите, съ какою цѣлью перебираемъ мы

достоинства этого джентльмена нашими недостойными устами?

Озрикъ. Принцъ!...

Гораціо. Не можете ли вы объяснить это нѣсколько болѣе понятнымъ языкомъ? Вѣроятно вы этимъ не затруднитесь?

Гамлетъ. Какая связь между вашею рѣчью и имъ?

Озрикъ. Кѣмъ? Лаэртомъ?

Гораціо (*въ сторону*). Кажется онъ вытрясъ весь кошель своего краснорѣчія и золотыя слова болѣе не пользуют.

Гамлетъ. Именно Лаэртомъ.

Озрикъ. Я знаю, что вы не изволите пребывать въ незнаніи...

Гамлетъ. Очень радъ, что вы держитесь обо мнѣ такого мнѣнія, хотя большой пользы отъ этого я для себя не вижу. Но что жъ дальше?

Озрикъ. И такъ, вы не изволите пребывать въ незнаніи одного очень рѣдкаго качества Лаэрта.

Гамлетъ. Не смѣю въ этомъ сознаться изъ боязни, чтобъ вы не приняли моего отвѣта за желаніе въ чемъ нибудь сравниться съ Лаэртомъ. Вѣдь чтобъ оцѣнить чье-нибудь качество, надо имѣть нѣкоторую долю этого качества въ самомъ себѣ.

Озрикъ. Я говорю объ искусствѣ Лаэрта владѣть оружіемъ. Говорятъ, что онъ въ этомъ дѣлѣ недостигаемъ.

Гамлетъ. Какимъ оружіемъ?

Озрикъ. Рапирой и кинжаломъ.

Гамлетъ. Тутъ цѣлыхъ два оружія. — Но что жъ дальше?

Озрикъ. Король объявилъ пари, поставивъ на ставку шесть арабскихъ лошадей, противъ которыхъ Лаэртъ выставилъ шесть французскихъ клинковъ и шесть кинжаловъ со всѣми принадлежностями, ножнами, поясами, перевязями и прочимъ. Три изъ этихъ оснастокъ дѣйствительно великолѣпны и превосходно приспособлены для дѣйствія. Работа—чудо искусства.

Гамлетъ. Что вы называете оснасткой?

Гораціо (*Гамлету*). Вы кажется хотите рѣшительно заставить его договориться до послѣдняго слова.

Озрикъ. Оснасткой я называю поясъ, оправу и вообще всѣ приспособленія оружія.

Гамлетъ. Такое названіе было бы приличнѣй, если бы мы носили на бедра, вмѣсто оружія, корабли съ пушками. А потому будемте называть эту вещь просто перевязью. Но продолжайте: значить шесть арабскихъ скакуновъ заложены противъ шести французскихъ шпагъ съ великолѣпными принадлежностями. Датская ставка стоитъ французской. Но въ чемъ же суть заклада?

Озрикъ. Король утверждаетъ, что изъ двѣнадцати схватокъ между вами и Лаэртомъ, онъ не нанесетъ вамъ трехъ ударовъ, а Лаэртъ изъ двѣнадцати схватокъ держитъ пари на девять. Дѣло будетъ рѣшено немедленно, если ваше высочество не окажете сопротивленія.

Гамлетъ. Окажу непремѣнно.

Озрикъ. То есть я разумѣю, если ваше высочество не окажете сопротивленія имѣть Лаэрта вашимъ противникомъ.

Гамлетъ. Передайте его величеству, что я буду дожидаться въ этой залѣ. Теперь какъ разъ время, которое я посвящаю отдыху. Пускай принесутъ рапиры, и если Лаэртъ на это согласенъ, а король настаиваетъ на своемъ закладѣ, то я постараюсь выиграть ему шпаги. Если же въ этомъ не успѣю, то при мнѣ останутся стыдъ и удары.

Озрикъ. Долженъ ли я передать вашъ отвѣтъ королю именно въ такомъ видѣ?

Гамлетъ. Непремѣнно! Но не упустите при этомъ случая украсить его цвѣтами вашего краснорѣчія.

Озрикъ. Поручаю себя благосклонному вниманію вашего высочества. (*Уходитъ*).

Гамлетъ. Весь вашъ! весь вашъ!—Хорошо, что онъ ходатайствуетъ за себя самъ, потому что врядъ ли бы нашелся охотникъ этимъ заняться.

Гораціо. Онъ очень похожъ на грача съ яичной скорлупой на головѣ.

Гамлетъ. Онъ даже грудь кормилицы бралъ въ ротъ не иначе, какъ предварительно разшаркавшись. Подобно безднѣ

людей этого покроя, рожденных нашимъ пустымъ, ничтожнымъ вѣкомъ, онъ заботится только о виѣшнихъ, усвоенныхъ обществомъ, манерахъ. И замѣчательно, что людямъ надутымъ такимъ вздоромъ, удается иногда вышиться въ общественномъ мнѣніи. Но за то стоитъ только подуть на нихъ здоровымъ воздухомъ и они лопаются какъ пузыри.

(Входитъ придворный).

Придворный. Ваше высочество! Король посылаетъ къ вамъ молодого Озрика, который передалъ ему вашъ отвѣтъ, что вы ожидаете его величество въ залѣ. Его величество приказалъ окончательно узнать: желаете ли немедленно принять вызовъ Лаэрта, или полагаете отложить споръ до другого времени?

Гамлетъ. Я остаюсь при своемъ отвѣтѣ, если онъ звучитъ согласно съ желаніями его величества. Въ случаѣ готовности Лаэрта, я готовъ также. Мнѣ все равно сразиться съ нимъ теперь или въ другое время, лишь бы мое расположеніе было не хуже теперешняго.

Придворный. Король и королева немедленно пожалуютъ сюда со всѣмъ дворомъ.

Гамлетъ. Въ добрый часъ.

Придворный. Королева изъявляетъ желаніе, чтобы вы предварительно обмѣнились съ Лаэртомъ нѣсколькими дружескими словами.

Гамлетъ. Желаніе королевы прекрасно!

(Придворный уходитъ).

Горацио. Принцъ! вы проиграете закладъ.

Гамлетъ. Не думаю. Я много упражнялся въ фехтованьи съ тѣхъ поръ, какъ Лаэртъ уѣхалъ во Францію. Имѣя на своей сторонѣ льготу, я могу выиграть... Но ты не можешь представить, какъ у меня стало вдругъ почему-то тяжело на сердцѣ. Впрочемъ это вздоръ.

Горацио. Но однако....

Гамлетъ. Говорю тебѣ — вздоръ. Такого рода предчувствія могутъ взволновать только женщину.

Горацио. Напротивъ, если сердце ваше предчувствуетъ что-либо недоброе — не пренебрегайте этимъ указаніемъ. Хо-

тите, я пойду сказать королю, что вы не расположены въ настоящее время начинать игру?

Гамлетъ. Ни за что! Я готовъ принять вызовъ самой судьбы, и вѣрю, что Провидѣніе предопредѣляетъ гибель послѣдняго воробья. Чтò должно случиться — случится непременно, а чтò случилось — значить должно было случиться. Главное дѣло — быть готовымъ на все и всегда. Если люди не имѣютъ власти надъ жизнью, которую покидаютъ, то не все ли равно покинуть ее раньше или позже?

(Входятъ король, королева, Лаэртъ, Озрикъ и придворные. За ними, служители съ ратрами).

Король. Приблизься, Гамлетъ и прими изъ рукъ

Монхъ Лаэрта руку. (Соединяетъ руки Гамлета и Лаэрта).

Гамлетъ. Извини

Меня, Лаэртъ! — я знаю, что нанесъ

Тебѣ обиду и прошу прощенья

Отъ всей души. Меня простить ты долженъ

Какъ честный человекъ. Всѣ тѣ, кого

Ты видишь здѣсь, навѣрно ужъ успѣли

Тебѣ сказать, что я порой бываю

Подверженъ злой болѣзни. Если я,

Безъ всякаго желанья, причинилъ

Ущербъ твоимъ правамъ, душѣ и чести —

Сочти, что это было грустнымъ дѣломъ

Безумія. Коль скоро злой недугъ

Причиною того, что Гамлетъ можетъ

Порою быть не Гамлетомъ, то значить,

Когда въ подобный мигъ я сдѣлалъ зло,

Оно должно считаться совершеннымъ

Не Гамлетомъ. Я становлюся самъ

На сторону того, кто мной обиженъ.

Мой недугъ — врагъ мой! — Объяснивши это

Предъ всѣми здѣсь, надѣюсь я, что ты

Меня простишь въ моемъ правдивомъ сердцѣ,

И если я виновенъ въ чемъ — ты будешь

Смотрѣть на то съ такимъ же снисхожденіемъ,
Какъ еслибъ, на угадъ, пустивъ стрѣлу,
Я ранилъ ея брата.

Лаэртъ. Я доволенъ. —
Природы голосъ говоритъ, конечно,
Чтобъ я отмстилъ; но здѣсь, на полѣ чести,
Я предпочту умолкнуть въ ожиданьи,
Чтобъ судъ людей, испытанныхъ въ любви
Къ правдивости, постановилъ, чѣмъ долженъ
Считать себя я удовлетвореннымъ;
А до того я принимаю миръ,
Который мнѣ предложенъ и ничѣмъ
Не стану нарушать его.

Гамлетъ. Отъ сердца
Тебѣ я отвѣчаю и даю,
Съ тѣмъ вмѣстѣ, обѣщанье честно встрѣтить
Тебя въ бою. — Подайте намъ рапиры.

Лаэртъ. И мнѣ одну.

Гамлетъ. Я буду легкой цѣлью
Тебѣ, Лаэртъ. Твое искусство вспыхнетъ,
Какъ яркая звѣзда, на черномъ полѣ
Моей неловкости.

Лаэртъ. Угодно вамъ
Шутить, любезный принцъ?

Гамлетъ. Ни мало! Честью
Клянусь тебѣ.

Король. Подай рапиры, Озрикъ,
Обоимъ имъ. Тебѣ извѣстенъ, Гамлетъ,
Объявленный закладъ?

Гамлетъ. О да; извѣстно
Равно и то, что вы рискнули многимъ,
Держа пари за худшаго бойца.

Король. Я не боюсь. Я знаю васъ обоихъ.
Ты, Гамлетъ, обезпеченъ сверхъ того
Условьемъ больше выгоднымъ въ закладъ
И будешь побѣдителемъ. Успѣхъ
За насъ вполне.

Лаэртъ (*пробуя рапиру*). Рапира эта слишкомъ
Мнѣ тяжела. Я выберу другую.

Гамлетъ. А эта мнѣ подходитъ. Всѣ ль онѣ
Равны длиной?

Озрикъ. Всѣ, принцъ.

Король. Пускай поставятъ
На столъ два кубка. Если Гамлетъ дастъ
Два первые удара и успѣетъ
Успѣшно отпарировать послѣдній —
Пусть залпъ изъ пушекъ возвѣститъ о томъ;
А я торжественно изъ кубка выпью
Здоровье Гамлета, и брошу въ кубокъ
Жемчужину, цѣннѣе той, какую
Въ своемъ носили царственномъ вѣнцѣ
Монархи Даніи! Поставьте жъ кубки.
Пусть барабаны подають сигналъ
Грозовымъ трубамъ, трубы — пушкамъ, пушки-жъ
Объявятъ и землѣ и небесамъ,
Что датскій государь подѣмлетъ кубокъ
За счастье Гамлета! — Берите шпаги,
А судьи пусть внимательно слѣдятъ
За ходомъ боя.

Гамлетъ. Къ дѣлу!

Лаэртъ. Къ дѣлу! (*Фехтуютъ*).

Гамлетъ. Разъ!

Лаэртъ. Нѣтъ, нѣтъ!

Гамлетъ. Судите судьи!

Озрикъ. Безъ сомнѣнья,

Ударъ безспорный.

Лаэртъ. Пусть! — начнемъ съ начала.

Король. Подайте кубокъ мнѣ. Здоровье пью
Я Гамлета. Жемчужина его.

Пей Гамлетъ также. (*Трубы и пушечная пальба*).

Гамлетъ. Нѣтъ сначала надо
Покончить дѣло. Пусть пока поставятъ
На мѣсто кубокъ (*Нападаетъ*). А на это скажешь
Ты что въ отвѣтъ? — ударъ еще.

Лаэртъ. Согласенъ.
 Король (*королеву*). Сынъ будетъ побѣдителемъ.
 Королева. Онъ бѣдный
 Подверженъ вѣдъ одышкѣ. Милый Гамлетъ
 Поди сюда и оботри лицо
 Моимъ платкомъ. Хочу я вынуть также
 За счастье Гамлета! (*Беретъ кубокъ*).
 Гамлетъ. Благодарю
 Васъ матушка!
 Король. Нѣтъ, нѣтъ, не пей Гертруда!
 Королева. Оставь, прошу. (*Пьетъ*).
 Король (*въ сторону*). Она отравлена!
 Все кончено!
 Гамлетъ. Я пить пока не буду.
 Придетъ пора потомъ.
 Королева. Дай отереть мнѣ
 Твое лицо.
 Лаэртъ. Увидите, что я
 Теперь его коснусь.
 Король. Наврядъ!
 Лаэртъ (*въ сторону*). Однако
 Я чувствую, что совѣсть начинается
 Во мнѣ вставать.
 Гамлетъ. Начнемъ же въ третій разъ.
 Мнѣ право кажется, что ты лишь шутишь.
 Прибавь немного пылу! Или ты
 Меня считаешь можетъ быть ребенкомъ?
 Лаэртъ. Ты думаешь? увидимъ! выпадай!
(*Продолжаютъ фехтовать*).
 Озрикъ. Ударъ ничей.
 Лаэртъ (*ранитъ Гамлета*). А вотъ теперь что скажешь?
(*Горячая схватка. Оба выбиваютъ другъ у друга рапиры и затѣмъ каждый схватываетъ рапиру противника. Гамлетъ ранитъ Лаэрта*).
 Король. Разнять, разнять ихъ! оба увлеклись
 Уже чрезъ чуръ.

Гамлетъ. Нѣтъ, нѣтъ, начнемъ еще!
(*Королева дѣлается дурно*).
 Озрикъ. Смотрите! Боже! Королеву дурно!
 Горацио. Струится кровь съ обеихъ. Какъ могло
 Случиться это?
 Озрикъ. Что съ тобой Лаэртъ?
 Лаэртъ. Со мною что? — попалъ въ свои тенета
 Я какъ куликъ! — Умру достойно я
 За собственную низость!
 Гамлетъ. Что, скажите,
Случилось съ королевой?
 Король. Стало дурно
 При видѣ крови ей.
 Королева. О нѣтъ, мой Гамлетъ!
 Питье, питье!... ядъ въ кубкѣ былъ... Питье
 Отравлено!
 Гамлетъ. Злодѣйство!... На запоръ
Кругомъ всѣ двери! Гдѣ убійца?
 Лаэртъ (*падая*). Здѣсь!...
 Ты Гамлетъ мертвъ! Нѣтъ во вселенной средства,
 Которое могло бы тебѣ помочь.
 Ты проживешь не больше полчаса
 Клинокъ измѣны держишь ты въ рукахъ!
 Онъ отравленъ!... Его смертельнымъ ядомъ
 Сраженъ и я, чтобъ больше не вставать!
 Погублена отравой точно также
 И мать твоя!... О, тяжело.... Всему
 Король, виновникъ!...
 Гамлетъ. Ядъ!... Конецъ клинка
Отравленъ?.... А!... такъ на работу ядъ!...
(*Закалываетъ короля*).
 Придворные. Измѣна!
 Король. Раненъ я! друзья, ко мнѣ!
Я только раненъ!
 Гамлетъ. Кровопійца!... пей
Свое добро! и подавись своею

Жемчужиной!... Ступай за королевой!

(Вмывает ему ладъ въ горло. **Король умираетъ**).

Лаэртъ. Наказанъ онъ достойно. Онъ отраву
Готовилъ самъ. Простимъ достойный Гамлетъ
Другъ друга передъ смертью! Смерть отца,
Равно какъ и моя, да не тревожатъ
Тебя укоромъ совѣсти! твоя же
Пускай простится мнѣ! (**Умираетъ**).

Гамлетъ. Прости Господь
Тебѣ тяжолый грѣхъ твой! за тобою
Иду во слѣдъ и я! — Я умираю
Гораціо! (*Обращаясь къ королеви*) Прощай на вѣкъ и ты,
Погубленная жертва!... Вы же всѣ,
Что съ ужасомъ стоите здѣсь кругомъ,
Свидѣтелями страшной черной драмы! —
Имѣй я мигъ — въ чемъ смерть, тюремщикъ строгій
Отказываетъ мнѣ — какъ много могъ бы
Я вамъ порассказать! — Но надо быть
Покорнымъ волѣ Неба! Смерть зоветъ
Меня, Гораціо — на счастье ты
Здоровъ и живъ — ты оправдаешь память
Мою передъ людьми! Расскажешь все
Незнавшимъ правды дѣла!

Гораціо. Не надѣйтесь,
Принцъ на меня. Я Римлянинъ скорѣй
Чѣмъ Датчанинъ. Въ бокалѣ есть остатокъ.
(*Хочетъ выпить остатокъ*).

Гамлетъ (*вырывая кубокъ*). Когда мужчина ты — отдай мнѣ
кубокъ!

Оставь его! — Подумай, что за имя,
Покрытое позоромъ на землѣ,
Оставляю, я! Какъ много страшныхъ тайнъ
Меня переживутъ!... Нѣтъ, нѣтъ! коль скоро
Меня ты любишь такъ, какъ говорилъ,
Останься живъ и отрекись на время
Отъ райскихъ благъ, чтобъ выполнить тяжолый
Прискорбный трудъ, правдиво рассказавъ

О томъ, что здѣсь свершилось предъ тобою!

(*Вдамы раздаются военный маршъ и выстрѣлы*).

Что значить этотъ шумъ?

Озрикъ. Салютъ, которымъ
Вернувшійся съ побѣдой Фортинбрасъ
Привѣтствуетъ пословъ, прибывшихъ также
Изъ Англіи.

Гамлетъ. Я умираю!... Ядъ
Беретъ свое!... умру я не узнавъ
Вѣстей изъ Англіи; но я пророчу,
Что Фортинбрасъ желаніемъ народа
Займетъ престолъ. — Я подаю мой голосъ
Предъ смертью за него!... Ему о всемъ
Гораціо расскажешь ты подробно
А я найду въ безмолвіи покой! —
(*Умираетъ*).

Гораціо. Разбилось сердце честное! Почій
Сномъ вѣчнымъ милый принцъ! Покой желанный
Навѣстятъ на голову твою
Небеснымъ хоромъ ангеловъ! —
(*За сценой барабанный бой*).
Что значить

Звукъ этихъ барабановъ?

(*Входятъ Фортинбрасъ, англійскіе послы и свита*).

Фортинбрасъ. Гдѣ? гдѣ мѣсто
Свершившихся несчастій?

Гораціо. Если вы
Хотите видѣть горе или дѣло,
Которому повѣрить не легко,
Останьтесь здѣсь.

Фортинбрасъ. «Пощады нѣтъ» — вотъ крикъ
Который здѣсь пронесся! — Злая смерть!
Какой ты пиръ затѣяла въ своемъ
Незыблемомъ дворцѣ, что безпощадно
Скосила столько царственныхъ головъ
Однимъ кровавымъ взмахомъ?

1-й посланникъ. Страшный видъ!

Мы запоздали съ нашими вѣстями.
Тотъ, кто ихъ ожидалъ уже утратилъ
Навѣки слухъ. Узнать не можетъ онъ,
Что Розенкранцъ и Гильденштернъ убиты
Какъ онъ хотѣлъ. Кто жъ насъ вознаградитъ
За то, что сдѣлано?

Гораціо. Онъ васъ за это
Не сталъ благодарить бы и живой
Онъ не давалъ подобнаго приказа.
Но такъ какъ вы вернулись такъ внезапно
Изъ Англіи и Польши и попали
На страшный этотъ случай — то велите,
Чтобъ положили мертвыя тѣла
Усопшихъ на эстрадѣ. Я предъ всѣми
Незнающему свѣту расскажу
О томъ, что здѣсь свершилось. Будетъ это
Ужасное сказанье о дѣлахъ
Кровавыхъ и дурныхъ; о приговорахъ
Слѣпой судьбы; о случаяхъ убійствъ,
Умышленныхъ равно какъ и внезапныхъ;
Въ концѣ жъ всего раскроется предъ вами,
Какъ умыселъ преступный поразилъ
Самихъ виновниковъ. Все это я
Правдиво расскажу.

Фортинбрасъ. Жду съ нетерпѣньемъ
Рассказа твоего. Мы соберемъ
Знатѣйшихъ гражданъ, чтобъ извѣстно стало
И имъ, что мы услышимъ. Неохотно
Беру я въ руки власть. Мои права
Имѣютъ, впрочемъ, за себя поддержку
И я о нихъ обязанъ заявить.

Гораціо. Объ этомъ поведу я также рѣчь.
За васъ свой подаю голосъ тотъ, чье имя
Навѣрно увлечетъ толпу другихъ.
Не надо намъ терять однако время;
Умы еще въ волненьи, если жъ дать

Бродить имъ долго — можетъ выдти много
Нежданныхъ золъ, случайностей и бѣдъ.
Фортинбрасъ. Пусть Гамлета четыре капитана
Какъ воина снесутъ на катафалкѣ.
Когда судьба судила бы корону
Носить ему — навѣрно бъ онъ достойно
Ее носилъ! — Пусть громъ пальбы и звукъ
Военныхъ трубъ почтятъ при погребеньи
Усопшаго. Велите унести
Равно тѣла другихъ. Подобный видъ
Приличенъ полю битвы; здѣсь же слишкомъ
Печаленъ онъ. — Подайте знакъ пальбы!

*(Уносятъ тѣло Гамлета при
звукахъ похороннаго марша,
послѣ чего за сценой раз-
дается пушечный залпъ).*

А. Соколовскій.

К О Н Е Ц Ъ .